

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События

Факты

Документы

А.М. ЗАХАРОВ, О.И. ФОМИН

**КЭМП-ДЭВИД:
ПОЛИТИКА,
ОБРЕЧЕННАЯ НА ПРОВАЛ**

**КЭМП-ДЭВИД:
ПОЛИТИКА,
ОБРЕЧЕННАЯ НА ПРОВАЛ**

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События

Факты

Документы

А.М. ЗАХАРОВ, О. И. ФОМИН

**КЭМП-ДЭВИД:
ПОЛИТИКА,
ОБРЕЧЕННАЯ НА ПРОВАЛ**

Москва
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» 1982

Захаров А. М. и Фомин О. И.

3-38 Кэмп-Дэвид: политика, обреченная на провал.— М.: Междунар. отношения, 1982.— 272 с.— (Империализм: события, факты, документы)

В книге раскрываются подробности возникновения, развития и провала одного из крупнейших в современной истории заговоров, нацеленного на подрыв арабского национально-освободительного движения и создание выгодного для американского империализма соотношения сил на Ближнем Востоке. Заговор был юридически оформлен как американо-израильско-египетская сделка в Кэмп-Дэвиде (сентябрь 1978 г.). Авторы анализируют содержание кэмп-дэвидских документов и заключенного на их основе египетско-израильского «мирного» договора (март 1979 г.); подробно рассказывают о борьбе арабских народов в защиту своих законных прав и о ее поддержке Советским Союзом, всеми миролюбивыми силами. В работе рассматриваются события на Ближнем Востоке вплоть до апреля 1982 года, когда израильская оккупация Синайского полуострова была фактически заменена американской.

Для широкого круга читателей.

3 $\frac{080400000-067}{003(01)-82}$ 50—82

ББК 66.4(08)

Сторонники и противники справедливого мира на Ближнем Востоке

1 апреля 1976 г. радио Израиля передало «сенсационное» сообщение: «Самолет президента Египта Анвара Садата, возвращавшегося на родину по окончании визита в ФРГ, приземлился сегодня в аэропорту «Бен Гурион» в Тель-Авиве. Глава египетского государства ведет переговоры с президентом Израиля Э. Кациром и премьер-министром И. Рабином». Несколько позднее выяснилось, что это была «первоапрельская шутка», за которую израильское радио извинилось перед своими слушателями, указав, что оно хотело таким образом позабавить их.

Говорят, в каждой шутке есть доля истины. Не на пустом месте возникло и первоапрельское сообщение радио Израиля. Именно так восприняли его в арабских странах. Сирийская газета «Ас-Саура» писала тогда, что «эта „шутка” не могла произвести сенсационного впечатления, поскольку в ней говорилось о встрече, подготовка к которой ведется уже давно с обеих сторон. Такие переговоры были бы воплощением надежд как Садата, так и израильских руководителей, стремящихся договориться о «прекращении состояния войны» в ущерб освободительной борьбе арабских народов, которые отстаивают свои законные права на землю и независимость»¹.

Последующие события подтвердили, что у арабской общественности были веские основания считать «сенсационное» сообщение из Тель-Авива своего рода «пробным шаром», «прощупыванием» реакции общественного мнения на сближение садатовского режима с Израилем, осуществлявшееся на проимпериалистической, антиарабской основе. Прошло всего полтора года — и визит египетского президента в Израиль стал реальностью.

Западная пропаганда приложила немало усилий, чтобы представить дело таким образом, будто поездка Сада-

та в оккупированный Иерусалим в ноябре 1977 года, послужившая прологом к сепаратным кэмп-дэвидским соглашениям, явилась «экспромтом», «спонтанным шагом», результатом «неожиданного решения» египетского президента. В действительности все было иначе. Бесславный путь Садата в оккупированный Иерусалим начался фактически задолго до того, как он официально объявил 9 ноября 1977 г. о своем намерении совершить такой визит. Чтобы увидеть истоки политики сепаратных сделок, необходимо вернуться к событиям, происходившим на Ближнем Востоке в предшествующие годы.

Арена острого противоборства сил свободы и прогресса с империализмом, сионизмом и реакцией

Уже в течение длительного времени Ближний Восток остается одной из самых «горячих» точек планеты. Здесь разворачивается острая борьба между силами независимости, свободы и прогресса, с одной стороны, и империализмом, сионизмом, местной реакцией — с другой. Стремление США и их союзников установить свой контроль над регионом связано с рядом причин. Одна из главных — важное стратегическое значение Ближнего Востока, расположенного на стыке трех континентов — Европы, Азии и Африки. Пентагоновские генералы считают этот район идеальным местом для создания своих военных баз, нацеленных как против СССР, других социалистических стран, так и против молодых развивающихся государств. В меньшей степени интересуют империалистические круги огромные природные богатства Ближнего Востока, прежде всего нефть, роль которой в мировой экономике, как известно, исключительно велика. В недрах региона сосредоточено около 60% разведанных запасов этого уникального сырья, которыми располагают капиталистические страны. Здесь добывается 40% всей нефти капиталистического мира. Арабская нефть составляет примерно 40% в общем энергетическом балансе Западной Европы и Японии². На ее долю приходится около половины всей нефти, ввозимой США из-за рубежа³. Западные монополии, несмотря на заметное ослаб-

ление их позиций в нефтяной промышленности арабских стран, продолжают получать гигантские прибыли от эксплуатации нефтяных богатств Ближнего Востока.

Стремясь помешать национальному и социальному освобождению арабских народов, империалистические державы на протяжении многих десятилетий неизменно прибегали к помощи сионистских кругов, правящей верхушки Израиля, интересы которых тесно переплетаются с целями империалистической политики. Еще во времена мандатного правления Англии в Палестине сионисты оказывали активное содействие колонизаторам в подавлении освободительной борьбы палестинских арабов, захватывали принадлежавшие арабскому населению земли и имущество. Спасаясь от сионистского террора, около 400 тыс. арабов к маю 1948 года были вынуждены бежать из Палестины⁴. После образования государства Израиль 14 мая 1948 г. репрессии против палестинского арабского народа, отстаивавшего свои законные национальные права, еще более усилились. Правители Тель-Авива при поддержке международного империализма и сионизма сорвали выполнение решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г., предусматривавшего создание в Палестине, наряду с еврейским, и независимого арабского государства. В результате арабо-израильской войны 1948—1949 годов Израиль захватил большую часть территории, которая отводилась в соответствии с решениями ООН этому арабскому государству, и изгнал из родных мест еще 340 тыс. палестинцев⁵. Так на Ближнем Востоке возник опасный конфликт, неурегулированность которого до сих пор крайне негативно сказывается не только на обстановке в этом районе, но и на международном политическом климате в целом.

В последующие годы сионистское руководство Израиля продолжало активно обслуживать интересы империализма в ближневосточном регионе, не забывая при этом, естественно, и о собственных экспансионистских устремлениях. Оно систематически организовывало вооруженные провокации против независимых арабских стран, пыталось помешать укреплению позиций антиимпериалистических, прогрессивных сил в арабском мире. В октябре 1956 года израильская военщина приняла участие в агрессии Англии и Франции против республиканского Египта, стремившегося покончить после июльской рево-

люции 1952 года с политической и экономической зависимостью от империалистического Запада. Опираясь на помощь Советского Союза, египетский народ сумел дать отпор этой тройственной агрессии, добиться вывода войск англо-франко-израильских захватчиков с египетских земель.

Новая серьезная попытка подрвать борьбу арабских народов за национальное и социальное освобождение была предпринята в июне 1967 года, когда Израиль, совершив при поддержке США агрессию против Египта, Сирии, Иордании, захватил арабские земли общей площадью 68 тыс. кв. км, что почти в 5 раз превышает размеры его собственной территории. Были оккупированы сектор Газа, Синайский полуостров, Западный берег реки Иордан, восточная часть Иерусалима, Голанские высоты. «Агрессия Израиля, — подчеркивалось в постановлении июньского (1967 г.) Пленума ЦК КПСС, — это результат заговора наиболее реакционных сил международного империализма, в первую очередь США, направленного против одного из отрядов национально-освободительного движения, против передовых арабских государств, ставших на путь прогрессивных социально-экономических преобразований в интересах трудящихся и проводящих антиимпериалистическую политику»⁶.

Благодаря борьбе арабских народов, решительным совместным действиям Советского Союза и других социалистических государств этот опасный заговор был сорван. Несмотря на военные успехи Тель-Авива, империализму и его союзникам не удалось разгромить арабское национально-освободительное движение.

Однако они не отказались от своих целей. Одним из главных направлений подрывной деятельности Вашингтона против арабских прогрессивных, национально-патриотических сил после июньской войны 1967 года стала его линия на закрепление последствий израильской агрессии, на навязывание ближневосточному региону «мира по-американски» («пакс американа»), который предполагал подчинение арабов империалистическому и сионистскому диктату, их отказ от освобождения всех оккупированных в 1967 году арабских территорий и удовлетворения законных национальных прав арабского народа Палестины. Это отчетливо проявилось уже в ходе чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, созванной

17 июня 1967 г. по требованию Советского Союза для рассмотрения опасного положения на Ближнем Востоке. Именно антиарабская позиция США и зависимых от них государств помешала сессии принять решение о скорейшей ликвидации последствий израильского нападения на арабские страны и разрядить таким образом обстановку в этом районе. Этой позиции Вашингтон неизменно придерживался и в дальнейшем.

Неотъемлемой частью курса Соединенных Штатов на установление в регионе «мира по-американски» стали интенсивные поставки американского оружия Тель-Авиву. По данным министерства обороны США, только за 10 лет после израильской агрессии (1968—1977 гг.), т. е. в период, предшествовавший заключению кэмп-дэвидской сделки, в Израиль из США поступило вооружение на огромную сумму в 4,2 млрд. долларов⁷. Наряду с политической и военной поддержкой Вашингтон оказывал израильским оккупантам значительную экономическую и финансовую помощь.

Одновременно США прилагали усилия к тому, чтобы расколоть фронт арабских стран, противостоящих израильской агрессии, направить процесс урегулирования на Ближнем Востоке в русло сепаратных переговоров между каждым из арабских участников конфликта и Тель-Авивом. Вашингтон стремился также изолировать арабов от СССР — их главного союзника в борьбе против происков империализма и сионизма, помешать ему активно участвовать в решении ближневосточных проблем. Цель подобных действий очевидна: в максимальной степени ослабить арабское сопротивление, оставить арабские народы, пострадавшие от израильского экспансионизма, один на один с Израилем и его империалистическими покровителями.

Понятно, что в Вашингтоне старались по возможности не афишировать антиарабскую сущность своей политики, прикрываясь пышными фразами о стремлении США к «справедливому решению всех проблем Ближнего Востока», «установлению здесь подлинного и длительного мира» и т. п. Подводилась «теоретическая» основа под такой курсом администрации, создававший препятствия на пути к всеобъемлющему комплексному урегулированию арабо-израильского конфликта. Так, в конце 60-х годов американский ученый М. Рейзман попы-

тался «научно» обосновать невозможность подобного урегулирования и предлагал в этой связи вести дело к «расчленению» проблем Ближнего Востока, решению их методами «поэтапной дипломатии». «Отношения между Израилем и Египтом, Израилем и Сирией, Израилем и Иорданией и народом Палестины, — рассуждал он, — это ряд проблем, каждая из которых требует особого подхода и отдельной дипломатической стратегии»⁸.

Покровительство, оказываемое американцами израильскому агрессору, активное поощрение его действий способствовали тому, что Тель-Авив сразу же после захвата в июне 1967 года обширных арабских территорий взял курс на их аннексию и колонизацию. Израильские власти отбирали у арабов земли, прибегали к насилию и террору в отношении коренных жителей, вынуждая их покидать родные места, форсировали изменение демографического состава и статуса этих территорий. По данным ООН, к 1980 году там было создано около 130 израильских военизированных поселений⁹. Произвол оккупантов усугубил страдания арабского народа Палестины. Число палестинских беженцев после июньской агрессии 1967 года резко возросло и достигло в конце 70-х годов 1 млн. 757 тыс. человек¹⁰.

Действия США, стоявших за спиной Тель-Авива, вели к затягиванию кризиса на Ближнем Востоке, усугубляли взрывоопасную ситуацию в регионе. Они шли вразрез с интересами международного мира и безопасности.

Подлинной альтернативой этой линии Вашингтона явился принципиальный последовательный курс Советского Союза, направленный на всеобъемлющее справедливое урегулирование ближневосточного конфликта с учетом интересов всех народов этого района. СССР принял решительные меры для ограждения законных прав арабов, подвергшихся нападению израильской военщины, и ликвидации последствий агрессии Тель-Авива, настойчиво добивался достижения на Ближнем Востоке мира, основанного на справедливости. Он твердо противостоял попыткам Вашингтона ставить на одну доску израильского агрессора и его жертвы. Советское руководство подчеркивало, что для достижения подлинного урегулирования на Ближнем Востоке необходимо решить следующие ключевые вопросы: осуществить эвакуацию израильских войск со всех захваченных в 1967 году арабских терри-

торий; реализовать законные национальные права арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного независимого государства; обеспечить безопасность и возможность независимого развития всем государствам и народам этого района, в том числе и Израилю. При этом Советский Союз всегда исходил из того, что единственно правильный путь, ведущий к такому урегулированию, — это путь коллективных усилий всех заинтересованных сторон. Он активно выступал против любых попыток подменить всеобъемлющее кардинальное решение проблем Ближнего Востока различного рода сепаратными сделками и полумерами, не устраняющими всех глубоких причин конфликта и дающими преимущество агрессору.

Пользуясь поддержкой СССР, других социалистических государств, всех миролюбивых сил, арабские народы развернули упорную борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии, установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке. Она велась как в ООН, так и вне рамок этой организации. В ней использовались различные средства — политические, дипломатические, военные, экономические. И эта борьба, вопреки всем трудностям, дала важные позитивные результаты.

Во-первых. Оказались перечеркнуты расчеты Израиля и стоящих за ним империалистических кругов на то, что арабские страны долго не смогут оправиться от поражения в войне 1967 года, что их военный потенциал будет подорван на многие годы вперед и в результате им придется принять условия Тель-Авива. Благодаря помощи СССР обороноспособность арабских государств в кратчайшие сроки была полностью восстановлена. Это позволило арабам встать на путь активного отпора израильскому агрессору.

Характеризуя значение советской помощи для жизненных интересов арабских народов, президент Египта Г. А. Насер подчеркивал в 1970 году: «Когда мы вспоминаем о друзьях, которые были рядом с нами в мрачные дни наших испытаний и бедствий 1967 года, мы говорим, что первыми такими друзьями, наиболее дорогими для нас и наиболее достойными нашей безграничной признательности, были Советы, Советский Союз. 11 июня 1967 г. я получил послание от руководителей Советского Союза, в котором говорилось, что мы не должны отчаи-

ваться, что Советский Союз всеми средствами нам поможет, снабдит нас бесплатно вооружением, возместит то, что было нами потеряно в боях на Синае. Эта помощь явилась краеугольным камнем в восстановлении наших вооруженных сил. Советское оружие стало поступать к нам с самых первых дней. Все на Западе, в США и в Израиле утверждали, что с нами покончено и что нечего больше от нас ожидать после июньского поражения. Некоторые израильские руководители говорили в то время, что они ждут от Каира и Дамаска телефонного звонка относительно условий капитуляции. Тем не менее весь египетский народ, все народы арабской нации отвергли мысль о поражении. Однако нам нужно было оружие для укрепления наших вооруженных сил. Вот почему, когда мы выражаем благодарность Советскому Союзу, мы помним, что, несмотря на все утверждения и надежды наших врагов, эта страна через несколько дней после июньского поражения поставила нам самолеты, танки, артиллерию и стрелковое оружие»¹¹.

Уже вскоре после июня 1967 года израильскому агрессору пришлось считаться с возросшей боевой мощью арабских армий. Он, в частности, понес существенные потери в ходе боевых действий в зоне Суэцкого канала в 1968—1970 годах (эти сражения нередко называли «войной на истощение»). В 1970 году израильская авиация, получив решительный отпор, была вынуждена прекратить свои пиратские налеты на пригороды Каира и другие глубинные районы Египта.

Еще более мощные удары обрушились на израильские войска во время октябрьской войны 1973 года, вспыхнувшей в результате упорного нежелания Тель-Авива отказаться от своего аннексионистского курса. В ходе боев был развеян миф о «непобедимости» вооруженных сил Израиля, который много лет насаждался империалистической и сионистской пропагандой. Арабские армии, оснащенные первоклассным советским оружием и обученные советскими специалистами, нанесли ряд чувствительных поражений израильской военщине. В кратчайшие сроки был форсирован Суэцкий канал, захвачена так называемая «линия Барлева», которую израильтяне считали неприступной, освобождены некоторые арабские территории.

Эти успехи стали возможны в результате активной

поддержки, оказанной Советским Союзом, другими социалистическими странами справедливому делу арабов. В этот период СССР принял срочные меры для переброски по воздуху и по морю дополнительно большого количества вооружения для арабских армий. Действия Советского Союза в защиту законных интересов арабских народов получили высокую оценку в арабском мире и вне его. «В этот решающий момент истории, — писала в октябре 1973 года египетская газета «Аль-Ахрам», — СССР сделал все необходимое, чтобы обеспечить успех борьбы арабских стран. Этим он подтвердил свою позицию искренней и решительной поддержки арабского освободительного движения»¹².

Подводя итоги октябрьских боев на Ближнем Востоке, лондонский журнал «Мидл Ист» подчеркивал: «Война в октябре 1973 года нанесла самоуверенному военному руководству Израиля сильнейший удар. Арабские армии, которых израильские военачальники привыкли считать неспособными к ведению наступательных операций, крайне удивили их; впервые с 1948 года израильтянам пришлось вести отчаянные оборонительные сражения. Кроме того, они обнаружили, что тактическим доктринам, на которые они привыкли полагаться, основанным на одновременном использовании танков и самолетов, нанесен серьезный урон новыми управляемыми ракетами. Это оружие было у обеих сторон, но арабы быстрее воспользовались его преимуществами». И далее журнал отмечал: «Крупной неудачей в 1973 году было то, что управляемые ракеты помешали израильским танкам и самолетам господствовать на поле боя»¹³. В ходе войны Израиль потерял около 900 танков и свыше 200 самолетов, что составило более трети этих видов боевой техники, которыми располагали израильские вооруженные силы¹⁴.

События октября 1973 года убедительно продемонстрировали бесперспективность попыток Тель-Авива силой навязать арабским народам свои условия, заставить их капитулировать и смириться с его экспансионистскими устремлениями. Выявилась полная несостоятельность проповедуемых израильскими правителями концепций «обеспечения безопасности» страны за счет «выдвинутых далеко вперед границ» и удержания оккупированных арабских территорий.

Во-вторых. В результате настойчивых усилий Советского Союза, других миролюбивых государств в международном сообществе утвердилось понимание того, что справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке может быть достигнут только на основе ликвидации всех последствий израильской агрессии 1967 года. Это имело весьма важное значение, поскольку не секрет, что в период обострения ближневосточного кризиса в 1967 году империалистической и сионистской пропаганде удалось ввести в заблуждение часть международной общественности, создать легенду о «маленьком Израиле», ведущем якобы «справедливую борьбу за выживание» против «агрессивного арабского Голиафа», в результате чего многие государства не сумели тогда правильно разобраться в происходивших на Ближнем Востоке событиях.

Этой легенде, однако, не суждено было долго жить. Справедливое дело арабских народов получило с течением времени самую широкую поддержку на международной арене. Мировое сообщество стало все более активно выступать с требованием вывода израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских земель и обеспечения законных национальных прав арабского народа Палестины, включая право на образование собственного независимого государства. Почти все страны — члены ООН признают ныне, что палестинский вопрос является стержневым элементом ближневосточной проблемы и без его справедливого решения никакое подлинное урегулирование на Ближнем Востоке невозможно. Организация освобождения Палестины (ООП) была признана ООН в качестве единственного законного представителя арабского народа Палестины.

С другой стороны, год от года усиливалась изоляция Израиля на международной арене, вопреки всем попыткам его империалистических покровителей остановить этот процесс. Весьма знаменательно, например, что в знак протеста против агрессивного курса Тель-Авива дипломатические отношения с ним порвало подавляющее большинство государств Африки, где прежде Израиль пользовался немалым влиянием. Росло недовольство авантюристической израильской политикой и в странах Западной Европы, которые тель-авивские правители традиционно считали своими ближайшими союзниками. Не случайно даже один из известных сионистских дея-

телей Н. Гольдман был вынужден с тревогой констатировать, что «самым трагическим аспектом современного положения Израиля является его растущая изоляция в мире»¹⁵. В подтверждение этих слов можно привести следующие данные. Если в 1974 году в поддержку национальных прав палестинцев и с осуждением агрессивных действий Тель-Авива при голосовании на сессии Генеральной Ассамблеи ООН выступило 89 государств, то в 1980 году на VII чрезвычайной специальной сессии ГА ООН это число возросло до 112, а против такой позиции проголосовало всего 7 стран, одной из которых был сам Израиль. В феврале 1982 года IX чрезвычайная специальная сессия ООН, выражая возмущение мирового сообщества по поводу захватнического курса тель-авивских «ястребов», призвала все государства — члены ООН «прекратить индивидуально и коллективно все связи с Израилем с целью его полной изоляции во всех областях». Серьезным поражением израильской политики, неизменно базирующейся на шовинистических экспансионистских концепциях сионизма, явилась резолюция XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1975 г.), определившая сионизм как одну из форм расизма и расовой дискриминации.

В-третьих. При активном участии СССР была выработана надлежащая международно-правовая основа для достижения всеобъемлющего справедливого урегулирования на Ближнем Востоке. Это — известные решения Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, рассматривавших различные аспекты ближневосточной проблемы. Будучи неразрывно связаны между собой, дополняя одна другую, указанные резолюции учитывают законные права и интересы всех вовлеченных в конфликт сторон, предусматривают устранение всех последствий израильской агрессии и создают тем самым реальную возможность для установления в регионе действительно справедливого и прочного мира.

Заметной вехой в борьбе за достижение такого мира стала резолюция 242 Совета Безопасности ООН, принятая 22 ноября 1967 г. Несмотря на то что это решение носило компромиссный характер, оно содержало ряд важных положений, осуществление которых необходимо для подлинного урегулирования проблем Ближнего Востока. Резолюция 242 подчеркивала «недопустимость при-

обретения территории путем войны» и требовала вывода израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 года, в качестве первого и неперемного условия обеспечения справедливого и прочного мира в этом районе. В ней указывалось на необходимость уважения и признания суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства на Ближнем Востоке и их права жить в мире. Наконец, она предусматривала «достижение справедливого урегулирования проблемы беженцев», что, как известно, возможно лишь в случае удовлетворения национальных прав арабского народа Палестины.

Большое значение имела также резолюция 338, одобренная Советом Безопасности ООН 22 октября 1973 г. во время боевых действий на Ближнем Востоке. Она предусматривала не только прекращение огня, но и одновременно — осуществление важных шагов на коллективной основе с целью устранения самих причин войны. В резолюции указывалось, что Совет Безопасности «призывает заинтересованные стороны начать немедленно после прекращения огня практическое выполнение резолюции Совета Безопасности 242 во всех ее частях и постановляет начать немедленно и одновременно с прекращением огня переговоры между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой, направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке».

Крупным успехом в борьбе за всеобъемлющее справедливое урегулирование ближневосточного конфликта явилось принятие 25 ноября 1974 г. XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН резолюции 3236 по вопросу о Палестине. Резолюция подтвердила неотъемлемые права арабского народа Палестины, включая право на самоопределение без внешнего вмешательства; право на национальную независимость и суверенитет; право палестинцев на возвращение к своим очагам и к своему имуществу. В этом документе подчеркивается также, что «палестинский народ является одной из главных сторон в установлении справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке» и может добиваться «восстановления своих прав всеми средствами в соответствии с целями и принципами Устава ООН». Резолюция признала Органи-

защиту освобождения Палестины единственным законным представителем арабского палестинского народа и призвала все государства и международные организации оказать поддержку палестинцам в их борьбе за удовлетворение своих прав. Тем самым был нанесен сокрушительный удар по маневрам Израиля и империализма, силившихся представить дело таким образом, будто Палестинское движение сопротивления (ПДС) является разновидностью «международного терроризма». Принятие резолюции 3236 означало, что международное сообщество официально признает законность борьбы палестинцев за свои права и поддержки этой борьбы арабскими и другими странами.

Национальные права арабского народа Палестины неоднократно подтверждались Организацией Объединенных Наций и в последующие годы. Так, VII чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН (июль 1980 г.) особо подчеркнула право палестинцев на создание собственного независимого суверенного государства.

Усилиями миролюбивых государств был принят ряд других важных решений Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН по Ближнему Востоку, в частности резолюции, осуждающие стремление Израиля аннексировать оккупированные арабские территории, в том числе Восточный Иерусалим и Голанские высоты, создание на этих землях военизированных израильских поселений, политику расовой дискриминации и террора, проводимую Тель-Авивом в отношении арабского населения в захваченных районах, и т. д. Эти резолюции также призваны сыграть свою роль в достижении справедливого, демократического мира в ближневосточном регионе.

В-четвертых. В борьбе за ограждение своих законных прав и справедливое всеобъемлющее урегулирование на Ближнем Востоке арабские страны стали использовать такой эффективный рычаг давления на империалистических покровителей Израиля, как нефть. «Нефтяное оружие», в частности, было успешно применено арабами в ходе октябрьской войны 1973 года, когда они осуществили меры по постепенному ограничению добычи и экспорта этого горючего. Было принято решение о полном прекращении поставок арабской нефти США и Голландии, занимавшим откровенно произраильскую пози-

цию. За период действия эмбарго (октябрь 1973 г. — март 1974 г.) производство нефти в арабском регионе снизилось более чем на четверть. Эти меры, оказавшиеся весьма чувствительными для экономики США, Западной Европы, Японии, вызвали в этих странах серьезное беспокойство. В результате многие политические и общественные круги на Западе стали все больше задумываться над тем, к каким негативным последствиям может привести поддержка экспансионистской политики Израиля. Это явилось одной из важных причин, заставивших западноевропейские государства начать отходить в определенной мере от произраильского курса США. Весьма характерно, например, что в ходе военных действий на Ближнем Востоке в октябре 1973 года все страны Западной Европы, за исключением салазаровской Португалии, единодушно отказались разрешить посадки на своей территории американских самолетов, доставлявших оружие из США в Израиль. В ООН западноевропейские государства перестали автоматически выступать вслед за США в защиту любой агрессивной акции Тель-Авива. Страны Европейского экономического сообщества (ЕЭС) приняли совместное заявление, в котором подчеркивалась необходимость скорейшего справедливого решения ближневосточной проблемы на основе осуществления резолюции 242 Совета Безопасности ООН и с учетом законных прав арабов, в том числе арабского народа Палестины.

Вашингтон и Тель-Авив блокируют путь к миру

Весьма благоприятные возможности для продвижения в направлении оздоровления обстановки на Ближнем Востоке сложились после октябрьской войны 1973 года. Этому способствовали как успехи арабских стран в этой войне, их совместные эффективные действия в защиту своих интересов, так и положительные сдвиги на международной арене в сторону разрядки, достигнутые к тому времени в результате настойчивых усилий Советского Союза, всего социалистического содружества.

21 декабря 1973 г. в Женеве начала работу мирная конференция по Ближнему Востоку, в которой приняли

участие СССР и США в качестве ее сопредседателей, а также Египет, Иордания, Израиль и генеральный секретарь ООН. При этом имелось в виду, что в последующем к работе конференции подключатся и другие участники от района Ближнего Востока, в частности Сирия и палестинцы. Тем самым был создан политический механизм для достижения справедливого урегулирования в ближневосточном регионе на основе совместных усилий всех заинтересованных сторон. Это явилось несомненным успехом миролюбивых сил, боровшихся за ликвидацию последствий израильской агрессии, против навязывания арабским странам американского и израильского диктата.

Выступая на открытии конференции, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, в частности, сказал: «Ставка на то, что удастся удержать оккупированные территории, опираясь на силу, — бесперспективна. Необходимость иного, реалистического подхода к вопросам войны и мира на Ближнем Востоке, о чем всегда говорил Советский Союз, становится безотлагательной. Подавляющее большинство государств мира в той или иной форме совершенно определенно показало, что оно не хочет мириться с увековечением очага напряженности на Ближнем Востоке. Не считаться с этим — значит идти против ясно выраженной воли народов»¹⁶. В выступлении министра иностранных дел СССР особо подчеркивалось, что ближневосточная проблема не может рассматриваться и решаться без участия представителей арабского народа Палестины. Советский Союз представил на конференции конструктивную развернутую программу комплексного решения сложных проблем Ближнего Востока с учетом интересов всех вовлеченных в конфликт сторон. Ее осуществление могло бы открыть путь к ликвидации опасного многолетнего конфликта в этом районе.

Однако по вине Вашингтона и Тель-Авива «прорыва» в ближневосточной ситуации не произошло. В нарушение своих обязательств как одного из сопредседателей Женевской мирной конференции США взяли курс на то, чтобы заблокировать ее работу, вновь, как и в предыдущие годы, стали настойчиво подталкивать арабов к сепаратным сделкам с Израилем в обход созданного в Женеве политического механизма урегулирования. При этом

американцы фактически перечеркнули свои договоренности с Советским Союзом относительно совместных действий в пользу мира и разрядки, в частности на Ближнем Востоке.

Нежелание Вашингтона считаться с новыми реалиями было обусловлено не только инерцией «имперского мышления», которым он руководствовался многие десятилетия, не только нажимом сионистских кругов, яростно сопротивляющихся любым попыткам добиться справедливого всеобъемлющего урегулирования кризиса в ближневосточном регионе, но и тем обстоятельством, что, как казалось американской администрации, у нее в этот период появился шанс вдохнуть жизнь в бесплодную, обанкротившуюся политику «сепаратного решения» арабо-израильского конфликта, которую США проводили в предшествующие годы. Известно, что, навязывая после июня 1967 года арабским народам «мир по-американски» и «по-израильски», Соединенные Штаты никак не могли найти в арабском лагере политических деятелей, готовых капитулировать перед израильским агрессором, пойти на сепаратный торг с ним. И это, считали в Вашингтоне, стопорит все дело.

С негодованием отвергал попытки США склонить Египет к сепаратному урегулированию президент Насер. Обращаясь в апреле 1968 года к представителям египетской интеллигенции, он подчеркивал: «Проблема ликвидации последствий израильской агрессии вовсе не сводится к выводу израильских войск только с Синая. Если бы дело было лишь в этом, то результата можно было бы добиться хоть завтра путем уступок. Я повторяю: если бы нужно было освободить только Синай, то все было бы легко. Но ведь речь идет о нашей судьбе, о судьбе арабов. Для того чтобы освободить Синай, надо принять американо-израильские условия, отдать на съедение Израилю Иерусалим, Западный берег реки Иордан и другие арабские земли. Таким образом, они осуществили бы свою заветную мечту — расширить свои земли «от Нила до Евфрата». Кроме того, нам надо отказаться от обязательств перед арабским миром... Тогда они уйдут, освободят Синай. Но проблема не в Синае, она намного шире и глубже. Она заключается в том: быть нам или не быть. Проблема ликвидации последствий агрессии гораздо больше, нежели освобождение Синая; останемся

ли мы независимым, суверенным государством или попадем в сферу влияния»¹⁷.

Со смертью Насера в сентябре 1970 года и приходом к власти Садата ситуация в Египте начала постепенно меняться. И с этими изменениями Вашингтон стал связывать свои далеко идущие планы на Ближнем Востоке.

Отказ от прогрессивного курса Насера

В 70-е годы, особенно после октябрьской войны 1973 года, египетские власти взяли курс на отход от прогрессивной, антиимпериалистической политики, которая проводилась Египтом после июльской революции 1952 года и снискала ему высокий авторитет в арабском мире, на международной арене, укрепила его политическую и экономическую независимость, позволила добиться ощутимых успехов в хозяйственном и культурном строительстве, улучшении условий жизни народа. Этот отход осуществлялся вначале в завуалированной форме, а затем всякая маскировка была отброшена. Определенная база для такой ревизии египетской политики в стране была.

В течение всех лет президентства Насера в Египте не прекращалась острая классовая борьба, принимавшая самые различные формы. Эксплуататорские классы постоянно оказывали ожесточенное сопротивление курсу прогрессивного режима, направленному на ограничение их влияния и привилегий. В этой борьбе они опирались на свои сохранившиеся позиции в ряде отраслей экономики, традиционные связи с различными звеньями госаппарата. Известно, что и после широкой национализации собственности египетской буржуазии ее представители продолжали активно действовать в сфере торговли, обслуживания, строительства, мелкой и средней промышленности. Аграрная реформа значительно ослабила, но не подорвала окончательно позиции помещичьего класса. К тому же в деревне в ходе осуществления аграрных преобразований заметно усилилась кулацкая прослойка. С годами в Египте произошло обуржуазивание большей части верхушки госаппарата. При помощи этой бюрократической буржуазии и в тесном сотрудничестве с ней по-

вышенную активность развили всякого рода дельцы, наживавшиеся на посреднических услугах, подрядах и спекуляциях.

Правые круги усилили свои нападки на прогрессивный курс египетской революции после июня 1967 года, спекулируя на трудностях борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии. Именно эти силы, опиравшиеся на поддержку империализма и арабской реакции, обеспечили социальную опору той контрреволюционной политике, которая стала проводиться в Египте в 70-е годы. При этом они умело использовали в своих целях ошибки и недостатки насеровского периода, разногласия в рядах национально-патриотических сил, в частности среди насеристов, отсутствие в стране эффективной политической организации, способной взять на себя роль авангарда в осуществлении революционных преобразований, и т. д.

Проводником и выразителем политики, направленной на подрыв завоеваний июльской революции, стал Садат, возглавивший с осени 1970 года египетское руководство. В течение длительного времени он считался одним из ближайших сподвижников Насера, входил в организацию «Свободные офицеры», осуществившую свержение монархического режима в июле 1952 года, занимал ряд ответственных постов в последующий период. Египетские и зарубежные наблюдатели отмечают, что в отличие от многих других коллег Насера, которые в разные годы расходились с ним во мнении по тем или иным вопросам, Садат всегда «шагал в ногу», внешне поддерживал все действия покойного президента. Между тем, как он сам подчеркивал впоследствии, со многими решениями Насера он был категорически несогласен. Официальная египетская пропаганда приложила в 70-е годы немало усилий с тем, чтобы изобразить Садата чуть ли не лидером июльской революции 1952 года. В действительности он фактически не участвовал непосредственно в выступлении египетской армии против проимпериалистической монархии. В своей книге «Восстание на Ниле», вышедшей во второй половине 50-х годов, Садат писал, что накануне революции он, находясь вне Каира, «получил срочный вызов от Насера». Прибыв по этому вызову 22 июля 1952 г. в Каир, он почему-то не стал связываться с Насером или с каким-либо другим руководителем

«Свободных офицеров», а отправился вместо этого... в кино, где пробыл до поздней ночи. Тем временем Насер дважды заезжал к нему домой и, не застав, оставил записку: «Это произойдет сегодня». Садат прочитал эту записку уже после того, как восстание «Свободных офицеров» началось. Лишь позже, когда восставшие овладели ключевыми объектами в городе, он присоединился к ним¹⁸.

Определенное представление о политических симпатиях Садата дает его активная пронацистская деятельность в период второй мировой войны. Он установил связи со штабом немецко-фашистских войск в Ливии, выполнял поручения немецкой разведки, вынашивал мысль о пронацистском перевороте в Каире. В 1942 году Садат был арестован в момент, когда он проводил встречу с двумя немецкими шпионами, и два года провел в тюрьме за деятельность в пользу держав оси¹⁹. Все это можно было бы объяснить политической незрелостью и неопытностью Садата (ему тогда было меньше 25 лет), если бы не одно обстоятельство. В своих мемуарах и интервью, опубликованных уже в 70-е годы, он не только не скрывал, что сотрудничал с фашистами, но, напротив, с большой гордостью сообщал об этих связях. Так что дело было вовсе не в заблуждениях молодости.

Из тех же мемуаров видно, что одной из главных черт политического облика Садата являлась его крайняя неприязнь к Советскому Союзу, научному социализму. Хотя свой антисоветизм он до поры до времени был вынужден тщательно скрывать.

Заслуживает внимания и такой факт политической биографии Садата, как его тесные контакты в 40-е годы с реакционной организацией «братья-мусульмане», которая после июльской революции 1952 года встала на путь активных насильственных действий против режима Насера. Он был, в частности, близок с основателем и лидером этой организации Хасаном эль-Банной. Если Насер решительно выступал против объединения «Свободных офицеров» с «братьями-мусульманами», то Садат, напротив, был активным сторонником такого объединения. «Я лично считал, — подчеркивал он, — что можно добиться огромных успехов в результате наших совместных усилий»²⁰.

Возглавляемое Садатом руководство нанесло удар по

важнейшим завоеваниям египетского народа, достигнутым в ходе длительной антиимпериалистической борьбы, — госсектору, аграрной реформе, кооперативному движению, демократическим правам трудящихся. Были реставрированы капиталистические порядки, восстановлены экономические и политические позиции крупной буржуазии и помещиков. Провозглашенная властями в июне 1974 года политика «инфитаха» («открытых дверей») обеспечила различные гарантии, многочисленные льготы и привилегии как иностранному, так и местному частному капиталу.

В результате этой политики империалистические монополии получили возможности для широкого проникновения в различные отрасли египетской экономики и в короткие сроки заняли в ней ведущие позиции. Как отмечала зарубежная пресса, в мире найдется немного стран, где иностранный капитал пользовался бы такими неограниченными правами, как в Египте. «Вчерашний гордый Египет, верный своим принципам независимости, сегодня продает себя с молотка»²¹, — писала в этой связи алжирская газета «Аль-Муджахид».

Стремилась не отстать от иностранных капиталистов и местная буржуазия. В стране за счет широких народных масс лихорадочно сколачивали огромные состояния крупные торговцы, домовладельцы и спекулянты всех мастей — «жирные коты», как называют их египтяне. До революции 1952 года в Египте было только 4 миллионера, в конце 1970 года — ни одного, а во второй половине 70-х годов их уже насчитывалось около 500 человек. С крупной египетской буржуазией был тесно связан и сам Садат, который через подставных лиц и родственников приобрел на большие суммы акции многих компаний. Он состоял в родстве с рядом египетских миллионеров. Вдова и дети Садата официально являются владельцами влиятельных торговых фирм.

Египетское руководство рассчитывало, что в ходе проведения политики «открытых дверей» иностранный капитал будет активно содействовать индустриализации страны, развитию ее сельского хозяйства. Но этого не произошло. Добываясь от египетских властей все новых и новых уступок, империалистические монополии проявляли интерес лишь к непроизводительным сферам (туризм, гостиницы, банки, торговля и т. п.), иначе говоря,

к отраслям, где при сравнительно незначительных затратах можно было быстро получить высокие прибыли. В то же время они практически игнорировали действительные нужды экономического развития Египта.

Местная крупная буржуазия также не проявляла большого желания участвовать в строительстве фабрик и заводов, уделяя внимание главным образом торгашеским и спекулятивным операциям. Как подчеркивали египетские экономисты, социальное лицо этого класса определяли в основном тесно связанные с иностранным капиталом паразитические слои. Каирская газета «Аль-Гумхурия» отмечала, что «экономическая политика «открытых дверей» не только далека от того, чтобы способствовать трансформации нашего общества в производительное, она превратилась в орудие контрабандистов и спекулянтов».

В результате осуществления этой политики экономические и социальные проблемы Египта обострились до крайности. Как указывал французский журнал «Монд дипломатик», «египетская экономика разваливается до такой степени, что ставит под угрозу самые основы инфраструктуры, которые она создала до этого»²². В годы садатовского правления катастрофически вырос дефицит платежного и торгового баланса страны. В Египте свирепствовала инфляция, достигавшая 30—40% в год. Усиливался процесс обнищания широких народных масс. О серьезных негативных последствиях садатовской политики «инфитаха» открыто говорят ныне сами египетские руководители.

Экономика Египта была доведена до такого состояния, что она практически не могла уже функционировать без постоянного притока значительных финансовых средств из-за рубежа. По свидетельству египетского министра экономики и внешней торговли Авада, внешний долг страны, составлявший в 1970 году 1,6 млрд. долларов, достиг к началу 80-х годов гигантской суммы — 18 млрд. долларов²³. Кредиты и займы, которые Каир получал от империалистических государств и международных валютных организаций, позволяли режиму Садата кое-как избегать полного финансового и экономического краха, но не давали возможности решить ни одной из стоящих перед Египтом проблем. Как сообщала египетская печать, эта «помощь» использовалась глав-

ным образом на погашение ранее полученных займов и финансирование импорта потребительских и продовольственных товаров. Следует отметить, что условия, на которых они предоставлялись Египту, были весьма суровы и ущемляли его суверенитет. Чтобы обеспечить бесперебойное поступление кредитов извне, саатовский режим фактически поставил национальную экономику под контроль Запада, осуществлявшийся, в частности, через Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития²⁴. Все это давало в руки империализму, в первую очередь американскому, мощные рычаги для оказания своего воздействия на египетскую политику.

Процессы, происходившие в Египте после смерти президента Насера, изменения в соотношении классовых сил, естественно, не могли не отразиться и на внешнеполитическом курсе страны. Известный французский журналист А. Аллег справедливо указывал, что у представителей египетской паразитической буржуазии, «мечтающих еще более расширить для себя сферу извлечения прибылей, превалируют иные заботы, а не стремление защитить право палестинцев на отечество и сохранить независимость страны»²⁵. Режим Садата полностью перечеркнул антиимпериалистические, антиколониальные принципы внешней политики Насера, порвал связи с прогрессивными государствами и силами, отказался от поддержки национально-освободительных движений. В то же время он установил тесные отношения с самыми реакционными режимами.

Если в годы президентства Насера одним из основных направлений внешнеполитического курса Египта было всемерное укрепление дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, другими социалистическими странами, то Садат поставил своей целью подрыв советско-египетских отношений. Усиливая постепенно свою враждебность к СССР, египетское руководство предприняло многочисленные шаги, направленные на свертывание советско-египетских связей в различных областях, развязало шумную антисоветскую кампанию. В марте 1976 года Садат денонсировал Договор о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Египтом, заключенный в мае 1971 года по инициативе египетской стороны.

Антисоветские акции должны были, по замыслам са-

датовского режима, обеспечить ему «доверие» со стороны империалистических кругов, создать базу для сближения с западными державами, прежде всего США, при содействии которых он надеялся решить как внутренние, так и внешние проблемы Египта, в том числе и проблемы ближневосточного урегулирования. Не случайно в связи с расторжением египетскими властями договора с Советским Союзом французская газета «Фигаро» опубликовала статью под весьма знаменательным заголовком: «На коленях перед Вашингтоном?», в которой указывалось, что Садат «никогда не переставал быть человеком Запада» и «все, что он сделал, начиная с 1970 года, преследовало цель вновь расположить к себе американцев»²⁶.

Практически сразу же после смерти Насера египетское руководство стало налаживать активные контакты с американской администрацией, несмотря на то что дипломатические отношения между Каиром и Вашингтоном были прерваны с момента израильской агрессии 1967 года. Эти контакты, носившие, как правило, закрытый характер, осуществлялись на двух уровнях — по обычным дипломатическим каналам и по каналам разведок двух стран. Примечательно, что обе стороны отдавали предпочтение использованию второй линии связи. Через ЦРУ и египетские спецслужбы передавались, в частности, послания Садата и президента США Р. Никсона, а также другие наиболее важные сообщения²⁷.

В ноябре 1970 года Садат через саудовского эмиссара, прибывшего с тайным визитом в Каир, довел до сведения американцев, что он мог бы при определенных условиях «дистанцироваться» от Советского Союза, «заставить русских уйти», «если первая фаза израильского отхода будет завершена»²⁸. Эту же мысль он развивал и на переговорах с государственным секретарем США У. Роджерсом, посетившим Египет в начале мая 1971 года. В июле того же года Садат принял на своей вилле в Каире двух официальных американских представителей — Д. Бергуса и М. Стернера. Спустя два месяца в Вашингтоне состоялась встреча министра иностранных дел Египта М. Риада с У. Роджерсом. В феврале 1973 года Садат направил в США своего специального представителя Х. Исмаила, который был принят Никсоном и имел три секретные беседы с советником президента по

вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером. Этот визит был осуществлен несмотря на то, что за два дня до него израильские истребители, поставленные Тель-Авиву Вашингтоном, совершили пиратский налет в египетском воздушном пространстве на ливийский гражданский лайнер и сбили его, в связи с чем в различных арабских странах раздавались требования отменить поездку Х. Исмаила. Однако египетский президент не счел нужным прислушаться к этим требованиям, что получило высокую оценку Никсона²⁹.

Все названные контакты готовили почву как для вовлечения Египта в орбиту империалистической политики, так и для последующих сепаратных сделок по Ближнему Востоку. Этим же целям служил и выдвинутый Садатом тезис о том, будто «США на 99% владеют картами ближневосточного урегулирования». С подобными заявлениями он вначале выступал в узком кругу, а затем стал назойливо повторять их публично.

По свидетельству известного египетского политического деятеля и журналиста М. Хейкала, который в тот период был хорошо осведомлен о всех шагах египетского руководства, Садат уже со второй половины 1971 года приходит к выводу, что для достижения каких-либо результатов в решении ближневосточных проблем необходимо действовать через Киссинджера³⁰. Таким образом, «челночная дипломатия» США на Ближнем Востоке, начавшаяся формально осенью 1973 года, имела свою предысторию.

Характерно, что Израиль весьма быстро отреагировал на эти изменения в позиции Египта. Уже в июле 1972 года израильское правительство обратилось к Садату с предложением «встретиться как равные», заверяя, что оно «не собирается заморозить современное состояние в регионе». Однако египетский президент не был тогда еще готов к прямым переговорам с Тель-Авивом.

Со своей стороны США также предприняли ряд шагов с тем, чтобы направить развитие событий в Египте в выгодном для себя направлении, закрепить наметившиеся тенденции к его отходу от антиимпериалистического курса Насера. Вашингтон в начале 70-х годов приложил немало усилий, чтобы создать видимость, будто его политика на Ближнем Востоке становится «более сбалансированной». Никсон в своем обращении к Садату в

июне 1971 года заверял его, что любое послание, которое египетский президент направит в Вашингтон, «будет рассмотрено с самым пристальным вниманием»³¹. Широко использовались и экономические посулы, обещания обеспечить крупные американские кредиты и капиталовложения.

Однако в действительности позиция США в отношении ближневосточных проблем продолжала оставаться откровенно произраильской. И Садат в ходе своего начавшегося флирта с американской администрацией быстро получил возможность убедиться в этом. Как отмечает М. Хейкал, когда госсекретарь США Роджерс прибыл в Каир в начале мая 1971 года, «стало ясно, что он не привез никаких новых предложений. Он продолжал пережевывать старую тему о „частичном решении проблемы“»³². На последовавших затем переговорах в Вашингтоне в конце сентября 1971 года Роджерс прямо указал Риаду, что «если Египет настаивает на том, чтобы Израиль взял на себя обязательство полностью уйти со всех захваченных территорий, то он (Роджерс) должен со всей откровенностью заявить, что Соединенные Штаты не располагают средствами, чтобы убедить израильтян в необходимости сделать это или заставить их принять такое обязательство»³³. Еще более жесткую линию проводил Киссинджер в ходе бесед с Исмаилом. Он следующим образом изложил американскую позицию: «Ясно, что Египет, как страна, находящаяся под оккупацией, является той стороной, от которой требуют сделать уступки. Устных гарантий недостаточно. Уступки, которых ожидают от Египта, должны быть политическими и территориальными»³⁴.

Комментируя эти американо-египетские контакты, М. Хейкал выделяет шесть главных, по его мнению, принципов, которыми США руководствовались на Ближнем Востоке в период, предшествовавший октябрьской войне 1973 года. Он пишет: «1. Они хотели удерживать русских вне этого региона и не позволять им активно участвовать в его делах... 2. Они хотели, чтобы переговоры по различным проблемам осуществлялись отдельно — чтобы велись переговоры об урегулировании между Израилем и Египтом, между Израилем и Сирией, между Израилем и палестинцами (если это когда-либо станет возможным) и т. д. Но все должно происходить на сепа-

ратной основе и не рассматриваться как часть всеобъемлющего урегулирования. 3. Каждое сепаратное урегулирование должно было достигаться поэтапно. 4. Соглашаясь с тезисом израильтян, американцы были убеждены, что не может быть возврата к границам 1967 года. 5. Палестинская проблема должна была рассматриваться только как проблема беженцев. 6. Конечным результатом должен стать «пакс американа», гарантирующий американские интересы в регионе»³⁵.

Активное покровительство израильским агрессорам Вашингтон оказывал и в ходе военных действий на Ближнем Востоке в октябре 1973 года. Правда, США не могли не учитывать новые тенденции в международной жизни, возникшие в условиях разрядки напряженности. В частности, в Совете Безопасности ООН они вместе с СССР явились соавторами резолюций 338 и 339, проголосовали за резолюцию 340 (все эти решения были призваны способствовать прекращению огня и достижению справедливого решения ближневосточного конфликта). Однако одновременно США осуществляли массированные поставки боевой техники Тель-Авиву, что позволяло ему силой удерживать захваченные в 1967 году арабские территории. Американская администрация фактически дала «зеленый свет» Израилю на продолжение военных действий против арабов и после достижения соглашения о прекращении огня. 25 октября 1973 г. в состоянии повышенной боевой готовности были приведены вооруженные силы США в Европе и в ряде других районов мира, что было справедливо расценено международной общественностью как демонстрация американской поддержки экспансионистского курса Тель-Авива. Эти действия Вашингтона встретили решительный отпор со стороны Советского Союза, других миролюбивых сил.

Однако несмотря на явно антиарабский характер политики США, Садат продолжал настойчиво домогаться американского «посредничества» в ближневосточных делах. Факты свидетельствуют, что его закулисные маневры в этом направлении не прекращались даже в период октябрьской войны. Именно этим объясняются многие «странные», на первый взгляд, действия египетского президента в ходе боев на Ближнем Востоке осенью 1973 года. Садат сам признавал, что преследовал в октябрьской войне «ограниченные цели» и что «территории

для него не были важны». Как показали дальнейшие события, он стремился использовать военные действия для того, чтобы подготовить для себя более благоприятные позиции в последующем торге с США вокруг арабо-израильских проблем.

Разумеется, реализация этих намерений Садата имела в тот период свои пределы. Он не мог не считаться с сохранявшимся в Египте влиянием национально-патриотических сил, решимостью египетского и других арабских народов добиваться ликвидации последствий израильской агрессии и восстановления своих попранных прав. Именно мужественная борьба арабов, опиравшихся на всестороннюю помощь Советского Союза, их солидарность на антиимпериалистической основе, героизм и умелые действия солдат и офицеров арабских армий дали возможность Египту и Сирии, вопреки ущербным военно-политическим концепциям Садата, достигнуть ряда важных успехов в войне 1973 года.

Однако негативное воздействие этих концепций египетского президента все же по понятным причинам ощущалось. Видный египетский военачальник генерал С. аш-Шазли, занимавший в период октябрьской войны пост начальника генерального штаба вооруженных сил Египта и сыгравший важную роль в обеспечении их успехов на поле боя, подчеркивал, что если бы не вмешательство Садата в дела египетского командования, то «мы могли бы добиться гораздо большего, мы провели бы войну по нашим планам, а не по тем, которые нам навязал противник». Причем, указывал С. аш-Шазли, речь идет не об оперативно-тактических просчетах Садата, а о действиях иного плана, нанесших серьезный ущерб арабам³⁶.

Как уже отмечалось, в первый же день войны египетские армии стремительно форсировали Суэцкий канал. Всего 6 часов понадобилось им для того, чтобы овладеть его восточным берегом. Однако этот успех по вине Садата не был развит. Он отдал приказ о введении так называемой «оперативной паузы», т. е. о прекращении наступления, хотя, по мнению египетских и зарубежных военных специалистов, в том числе представителей высшего командования АРЕ, египетские войска, имея перед собой ослабленную и дезорганизованную оборону противника, располагали всеми возможностями для дальнейшего про-

движения в направлении горных перевалов Митла и Гидди, расположенных в центральной части Синайского полуострова. В результате была упущена благоприятная ситуация для установления египетского контроля над этими стратегически важными пунктами. Израильтяне получили передышку и смогли укрепить свои позиции на синайском фронте. Решение Садата, не согласованное с руководством Сирии, резко осложнило положение сирийских войск, поскольку израильское командование, поняв, что египетское наступление ему не грозит, бросило свои основные силы в район Голанских высот в попытке нанести поражение Сирии и вывести ее из войны. Не случайно сирийские политические и военные руководители решительно осудили тогда позицию, занятую египетским президентом.

Еще более «странными» были действия Садата, когда израильские части под командованием генерала Шарона нанесли 15 октября удар на стыке второй и третьей египетских армий, находившихся на восточном берегу Суэцкого канала, пересекли канал и образовали плацдарм на его западном берегу в районе Деверсуара — Абу Султана. Египетские войска имели возможность ликвидировать этот опасный прорыв, тем более что позиции израильтян на созданном ими плацдарме были весьма уязвимы, они поддерживали связь со своими войсками на Синае через понтонные мосты и узкий шестикиллометровый коридор. Но сделано это не было. Вот как описывает М. Хейкал драматические события, происходившие в районе израильского прорыва: «Первой целью атаковавших (израильтян) была Исмаилия, но они натолкнулись на упорное сопротивление и повернули на юг и на запад, быстро расширяя захваченную территорию. Так продолжалось до 17 октября, когда 182-я парашютная бригада, зарекомендовавшая себя как высокоэффективная боевая часть и состоящая из добровольцев и десантников, была брошена в бой, чтобы овладеть положением. Подразделения этой бригады почти достигли израильских переправ, водолазы-разведчики, действовавшие вместе с ними, уже погрузились в воду, чтобы взорвать мост, и в этот момент был получен приказ отойти назад и удерживать фронт на одной линии с соседней дивизией для того, чтобы не создавать выступа. Полковник, командовавший бригадой, не мог поверить, что та

кой приказ исходит от египетского штаба, и попросил подтверждения. Оно было передано офицером, голос которого был ему знаком. В попытке выиграть время и таким образом дать его миссии шанс на успех командир бригады обратился в ставку главного командования в Каире с просьбой подтвердить полученный приказ. Это было сделано, и с неохотой он отнял руку от горла израильтян, которое он уже почти сжал. Артиллерия второй армии, находившаяся под умелым командованием бригадного генерала Абдель Халима Абу Газалья, и артиллерийские части 3-й армии, которыми не менее умело командовал бригадный генерал Мунир Шааш, начали обстрел мостов, наведенных врагом, и имели не одно прямое попадание. Но они также получили приказ отступить, чтобы не создавать выступа»³⁷.

Садат игнорировал также настоятельные рекомендации начальника генерального штаба С. аш-Шазли отвести часть египетских войск, в первую очередь некоторые бронетанковые и ракетные войска, с восточного на западный берег Суэцкого канала с целью не допустить дальнейшего расширения израильского плацдарма, который, находясь в тылу у 2-й и 3-й армий, создавал для них серьезную угрозу. В результате израильтянам удалось отрезать от основных египетских сил 3-ю армию, личный состав которой понес большие потери.

М. Хейкал фактически не дает объяснения всем этим «непонятым» шагам Садата, которые генерал С. аш-Шазли характеризует не как обычные ошибки командующего, а как «величайшее преступление»³⁸. Однако мотивы, лежавшие в основе деятельности египетского президента в октябре 1973 года, ныне не составляют секрета. Это в первую очередь его стремление «вести войну с оглядкой на США», чье расположение ему было столь нужно в послевоенный период. И американцы, используя свои тайные, через разведслужбы, каналы связи с Садатом, которые продолжали функционировать в ходе боев на Ближнем Востоке, не преминули воспользоваться его беспринципностью и оппортунизмом. На египетского президента, как он сам признавал позднее, было оказано соответствующее давление из Вашингтона, в результате чего и стали возможны перечисленные выше «странности» октябрьской войны³⁹.

В фарватере политики Вашингтона

Октябрьская война стала своего рода рубежом в эволюции саатовского режима. До этого, несмотря на все негативные моменты и противоречащие национальным интересам зигзаги, египетская политика все же сохраняла немало черт, унаследованных от насеровского курса. После октября 1973 года Садат, считая, что он достаточно укрепил свои позиции, повел дело к тому, чтобы окончательно отбросить принципы и цели июльской революции. Парадокс заключался в том, что при этом египетский президент порывал с политикой, без которой успехи Египта в октябрьской войне не были бы возможны.

Спустя всего две недели с момента прекращения военных действий на Ближнем Востоке в Каир прибыл Киссинджер, занявший к тому времени пост государственного секретаря США. Ему здесь был оказан подчеркнуто теплый прием. Этот визит, положивший начало «челночной дипломатии» США, послужил отправной точкой для установления «сердечных отношений» Садата с Киссинджером, которого он стал называть не иначе, как «милый друг» или «мой брат Генри». С этого периода, отмечала зарубежная печать, наблюдалась все возрастающая эскалация «политики лести и улыбок» в отношениях между Каиром и Вашингтоном. Египетские руководители, официальная египетская пропаганда всюду начали превозносить администрацию Никсона, которая-де радикально изменила американскую политику на Ближнем Востоке и не сегодня-завтра обеспечит вывод израильских войск со всех захваченных арабских территорий.

В Вашингтоне после октябрьской войны, естественно, не могли не задуматься о том, как не допустить подрыва американских позиций в арабских странах. К этому США вынуждал ряд политических и экономических факторов: успехи арабских народов в противоборстве с израильским агрессором и его империалистическими покровителями, обострение энергетического кризиса в капиталистическом мире, растущая зависимость Запада от арабской нефти, интересы американских нефтяных монополий и т. п. В создавшихся условиях американская администрация стала вносить некоторые тактические коррективы в свою политику на Ближнем Востоке, все

более активно «заигрывать» с арабами. Но все это ни в коей мере не затрагивало сути стратегической линии США, которая по-прежнему шла вразрез с подлинными национальными интересами арабских стран.

«Усиление внимания» Вашингтона к арабскому миру проявилось, в частности, в том, что если раньше США в своей политике на Ближнем Востоке делали основную ставку на Израиль, то в этот период, полностью сохраняя свои «особые» отношения с Тель-Авивом, они в то же время начали все больше опираться на правые арабские силы. Американский империализм стремился использовать в своих интересах усиливающуюся классовую дифференциацию внутри арабского мира, углубление социально-политических различий между арабскими государствами. Весьма заманчивой представлялась Вашингтону идея образования под своей эгидой союза между Израилем и арабской реакцией, направленного против арабского национально-освободительного движения.

Особое значение США придавали закреплению наметившегося ранее «взаимопонимания» с египетским режимом. В ноябре 1973 года между Каиром и Вашингтоном были восстановлены дипломатические отношения. В июне 1974 года состоялся визит президента Никсона в Египет, вокруг которого была поднята большая шумиха. В ходе визита стороны договорились о создании совместной комиссии по сотрудничеству, которой поручалось рассматривать различные аспекты египетско-американских отношений. С 1975 года США стали оказывать экономическую помощь Египту, причем, как подчеркивала газета «Вашингтон пост», она первоначально осуществлялась «в рамках челночной дипломатии государственного секретаря Генри Киссинджера с целью побудить Садата благосклонно взглянуть на миротворческие усилия США»⁴⁹. К 1977 году эта помощь возросла до 1 млрд. долларов, и Каир превратился в крупнейшего (после Израйля) получателя американских финансовых инъекций. В 1975 году Вашингтон согласился пересмотреть свое решение об отказе поставлять оружие Египту, которое действовало в течение многих лет. Правда, на первых порах (1975—1977 гг.) садатовскому режиму были переданы лишь 6 транспортных самолетов «С-130» и некоторое количество другой вспомогательной военной техники.

США исходили из того, что если им удастся вырвать из рядов арабского антиимпериалистического фронта такую крупную и авторитетную страну, как Египет, то его примеру волей-неволей последуют и другие арабы. Однако они не учли, что по мере отхода египетского режима от прогрессивного курса июльской революции и вовлечения в русло американской политики его влияние в арабском мире будет все больше и больше ослабевать. Не учли в Вашингтоне и решимости арабских народов отстаивать свои законные права, несмотря ни на какие трудности.

Возложив большие надежды на Садата, США сосредоточили свои усилия на том, чтобы форсировать заключение сепаратных сделок по ближневосточным проблемам. Уже в ходе первого визита в Каир в ноябре 1973 года Киссинджер согласовал с египетским руководством общую стратегию США и Египта на Ближнем Востоке. Ее стержнем, по свидетельству зарубежных источников, было стремление отстранить Советский Союз от участия в ближневосточном урегулировании⁴¹. Следует подчеркнуть, что тем самым обе стороны грубо нарушали обязательства, которые они приняли на себя в рамках двусторонних отношений с СССР, а также обязательства, вытекающие из поддержки ими резолюции 338 Совета Безопасности ООН. За этим визитом Киссинджера последовали в течение двух лет еще 11 его «челночных» поездок на Ближний Восток. Эта «поэтапная дипломатия» США, опиравшаяся на активное содействие садатовского режима, нанесла в конечном счете серьезный ущерб делу справедливого урегулирования арабо-израильского конфликта.

Необходимо отметить, что Советский Союз в принципе не отвергал идею решения сложных проблем Ближнего Востока поэтапно при условии, что каждый такой этап должен рассматриваться как неотъемлемая часть всеобщего урегулирования, являться шагом на пути к ликвидации всех последствий израильской агрессии 1967 года. Но такой подход не устраивал США и их партнеров по готовившимся сепаратным сделкам.

Вашингтон стремился навязать арабам всякого рода «частичные решения», которые позволили бы израильскому агрессору уклониться от выполнения главных условий урегулирования — освобождения всех оккупиро-

ванных в 1967 году арабских земель и осуществления национальных прав арабского народа Палестины. Провозглашенная Киссинджером тактика «шаг за шагом» на практике вела не в сторону справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, а в прямо противоположном направлении.

Против такой линии США решительно выступили Советский Союз, различные арабские государства. Активно противодействуя попыткам Вашингтона протащить сепаратные варианты «решения» арабо-израильского конфликта, СССР подчеркивал, что они противоречат коренным интересам арабских народов — жертв израильской агрессии, блокируют подлинное урегулирование на Ближнем Востоке. Все это имело весьма важное значение для разоблачения проводимой американской администрацией политики сепаратных сделок, срыва опасных планов империализма и сионизма в отношении арабского освободительного движения. Выступая в апреле 1974 года, Л. И. Брежнев отмечал: «Опасность состоит в том, что на фоне некоторого снижения накала напряженности агрессор и его покровители могут вновь попытаться избежать радикального, всеобъемлющего решения проблемы. Отнюдь не случайно в последнее время в ход пущены, я бы сказал, «эрзац-планы» ближневосточного урегулирования. Фактически речь идет о подмене общего урегулирования разного рода «частичными» соглашениями»⁴².

18 января 1974 г. представители Египта и Израиля подписали на 101-м километре шоссе Каир — Исмаилия первое соглашение о разъединении войск на синайском фронте. Оно предусматривало, в частности, возвращение под египетский контроль участков на западном берегу Суэцкого канала, захваченных израильской военщиной в октябрьской войне. На территории между позициями сторон (в так называемой «буферной зоне») разместились войска ООН. В соглашении подчеркивалось, что его следует рассматривать не как окончательное урегулирование, а лишь как первый шаг на пути к справедливому и прочному миру в соответствии с резолюцией 338 Совета Безопасности ООН. Если бы США, Египет и Израиль на деле, а не на словах исходили из этих соображений, то ситуация на Ближнем Востоке могла бы развиваться в благоприятном направлении. Однако, как показали их

дальнейшие шаги, добиваться справедливого и прочного мира они не собирались.

31 мая 1974 г. было подписано соглашение о разъединении сирийских и израильских войск в районе Голанских высот. В отличие от январского египетско-израильского соглашения оно было заключено в рамках Женевской мирной конференции. В соответствии с его статьями израильские войска были выведены с сирийской территории, оккупированной в 1973 году, а также из некоторых районов, захваченных в 1967 году (включая административный центр Голан город Эль-Кунейтру). В зону, разделяющую позиции сторон, вводились войска ООН. В ходе выработки этого соглашения империалистические и реакционные круги оказывали на Сирию сильный нажим, добиваясь от нее существенных уступок Тель-Авиву, отхода от принципиального патриотического курса в вопросах ближневосточного урегулирования. Однако сирийское руководство, опираясь на поддержку СССР, твердо противостояло этому давлению.

Убедившись в том, что Сирия, а также Иордания не склонны поддерживать американскую политику «сепаратных решений», Вашингтон стал еще более активно разыгрывать «египетскую карту». К усилиям Киссинджера, подталкивавшего египетский режим к сепаратным сделкам с Израилем, подключился новый американский президент Дж. Форд. В июне 1975 года он встретился в Зальцбурге (Австрия) с Садатом, а несколько позже в Вашингтоне — с израильским премьером И. Рабином.

В результате всех этих маневров 4 сентября 1975 г. при активном содействии США было заключено второе соглашение о разъединении египетских и израильских войск на Синае. Это соглашение, носившее откровенно сепаратный характер, резко ухудшило перспективы оздоровления обстановки на Ближнем Востоке. Оно готовилось за спиной арабских народов, союзников Египта в арабском мире и вне его.

В сущности такое пренебрежение к интересам других арабских стран Садат проявил не впервые. Например, во время войны 1973 года он не только не согласовал с сирийским руководством свое выступление в египетском парламенте 16 октября с изложением «развернутой программы мира на Ближнем Востоке», но даже не счел нужным заранее проинформировать о нем. Президент

Сирии Х. Асад указал тогда в своем послании Садату на недопустимость подобных действий в отношениях между союзниками. «Я предпочел бы, — писал он, — поскольку мы все еще ведем битву, ознакомиться с предложениями, представленными Вами Народному собранию, до того, как они были высказаны публично... Я полагаю, что каждый из нас имеет право знать о намерениях партнера до того, как услышит о них по радио»⁴³.

Подписав второе синайское соглашение, садатовский режим вновь показал, что он не намерен считаться с интересами своих арабских союзников, равно как и с длинными интересами Египта. По этому соглашению израильские войска отводились к горным перевалам Митла и Гидди, расположенным в 30—40 км к востоку от Суэцкого канала, но сами перевалы оставались в руках израильтян. Египту передавались нефтяные месторождения Абу-Рудайс, в значительной мере истощенные за годы оккупации. В общей сложности под египетский контроль перешло всего 5,5% территории Синая (еще 7% территории включалось в «буферную зону», разделявшую египетские и израильские войска). Этим и ограничивались «приобретения» Каира. Взамен же он пошел на далеко идущие уступки Израилю.

Прежде всего египетский режим взял на себя обязательство отказаться от применения силы или угрозы силой в отношении Израиля. В условиях продолжающейся оккупации арабских территорий и неурегулированности палестинской проблемы это было равнозначно выходу Египта из общеарабского фронта борьбы против израильской агрессии, тем более что в соглашении ничего не говорилось ни о судьбе остающихся под пятой Тель-Авива арабских земель, ни о законных национальных правах палестинцев.

Садат согласился также не вести никакой пропаганды против Израиля, способствовать прекращению экономического бойкота Израиля со стороны арабских стран, разрешить проход израильских невоенных судов через Суэцкий канал.

Одним из ключевых с точки зрения США и Израиля моментов соглашения была договоренность о создании в «буферной зоне» системы раннего оповещения, состоявшей из нескольких радиолокационных станций, которые обслуживались американским персоналом. Это открыва-

ло путь к весьма опасной эскалации участия Соединенных Штатов в ближневосточном конфликте.

Соглашение предусматривало выделение полос с ограниченным присутствием войск и вооружений в районах, находившихся и под египетским, и под израильским контролем. Но у Египта такая полоса была в 2 раза шире, чем у Израиля. Этот перечень негативных для арабов положений соглашения можно было бы продолжить.

Следует подчеркнуть, что, пойдя на заключение второго синайского соглашения, Тель-Авив добился обещания США заметно увеличить ему военную и экономическую помощь, а также не признавать и впредь Организацию освобождения Палестины.

Египетско-израильское соглашение существенно ослабило позиции арабов в борьбе за свои справедливые права и интересы. Оно явилось прологом к дальнейшим капитулянтским акциям Садата.

Весьма симптоматично, что своими антиарабскими действиями египетский президент заслужил похвалу сионистской верхушки Израиля. Так, один из них, бывший министр иностранных дел А. Эбан, вскоре после подписания второго синайского соглашения назвал Садата «исторической личностью»⁴⁴.

Эта сделка вызвала решительное осуждение в арабских странах. Президент Х. Асад заявил тогда, что Сирия рассматривает ее как «измену общеарабскому делу и, более того, как предательство военного времени». Председатель Исполкома ООП Я. Арафат указал, что сепаратное египетско-израильское соглашение по Синаю направлено на то, чтобы укрепить позиции США на Ближнем Востоке, попытаться вбить клин в арабо-советские отношения и подорвать единство арабов⁴⁵. Против соглашения выступили правительства, государственные и общественные деятели, широкие народные массы в различных частях арабского мира. В этих условиях даже правые, консервативные арабские круги не решились пойти на открытую поддержку Садата.

Синайское соглашение 1975 года было отвергнуто Советским Союзом, другими социалистическими странами, всеми миролюбивыми силами.

Примечательно, что Соединенные Штаты, стремясь затушевать сепаратный характер соглашения, попытались использовать для его одобрения механизм Женев-

ской мирной конференции. Однако эта попытка была сорвана Советским Союзом.

Силы империализма, сионизма и реакции воспользовались осложнением обстановки на Ближнем Востоке, вызванным заключением синайского соглашения, для активизации подрывных действий против различных отрядов арабского национально-освободительного движения. Предпринимались настойчивые попытки дестабилизировать прогрессивные арабские режимы, в частности в Сирии, ИДРИ, Ливии, ослабить позиции патриотических сил в других арабских странах. Одним из главных объектов империалистических происков в этот период стало Палестинское движение сопротивления, которое США и их союзники рассматривали в качестве серьезного препятствия на пути осуществления их планов на Ближнем Востоке. Империалистические круги прилагали усилия с тем, чтобы разобщить арабские страны, столкнуть арабов друг с другом и таким образом свести на нет их борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии. Этим же целям служил внешнеполитический курс саатовского режима. Один из лидеров Организации освобождения Палестины З. Мохсен, впоследствии павший жертвой заговора сионизма и реакции, указывал, что Садат поощрял «конфликты между арабами в интересах Израиля и в ущерб интересам самих арабов».

В 1975 году империализм, Израиль и местные реакционные круги спровоцировали острый кризис в Ливане. Именно здесь они решили нанести главный удар по Палестинскому движению сопротивления. Одновременно ставилась задача нанести поражение ливанским национально-патриотическим силам, оказывавшим активную поддержку ПДС. Важная роль в реализации этих планов отводилась правохристианским кругам Ливана, действовавшим в тесном контакте с Тель-Авивом. В 1975—1976 годах в результате кровопролитных битв в этой маленькой стране с населением около 3 млн. человек было убито, по данным ливанских властей, 60 тыс. человек и еще 200 тыс. получили ранения⁴⁶. В октябре 1976 года усилиями ряда арабских государств было достигнуто соглашение о прекращении огня между противоборствующими сторонами. В Ливане были размещены межарабские силы по поддержанию мира. Их основу составили сирийские войска, введенные в страну за полгода до

этого. Однако напряженная обстановка в Ливане сохранилась. И в последующий период эта страна не раз становилась ареной трагических событий. Ливанский кризис самым неразрывным образом связан с общей неурегулированностью ближневосточного конфликта, происками империализма, сионизма и их арабских пособников против освободительной борьбы арабских народов.

Зарубежная печать неоднократно указывала, что трагедия Ливана явилась прямым следствием политики сепаратных сделок на Ближнем Востоке, осуществлявшейся при опоре на египетский режим. Так, «Монд дипломатик» подчеркивал: «На самом деле, каждому новому сепаратному шагу Садата соответствовало новое ухудшение положения в ливанской столице»⁴⁷. Стремясь ослабить арабское противодействие сближению Египта с Израилем, подорвать позиции ПДС и Сирии, египетские власти проводили линию на то, чтобы затянуть по возможности ливанский конфликт, оказывали поддержку правохристианской агентуре Тель-Авива. Как отмечал генеральный секретарь Национально-прогрессивной (левой) партии Египта Х. Мохи эд-Дин, в Ливане «египетская политика помогла движению сепаратистов, поддерживаемых Израилем»⁴⁸.

Обращает на себя внимание, что после заключения сепаратного синайского соглашения, которое вывело Египет из состояния конфронтации с Израилем, режим Садата активизировал свои демарши перед США, добиваясь поставок вооружения для своей армии. При этом египетское руководство не делало секрета из того, как оно намерено распорядиться американской боевой техникой, если получит ее. Например, в одном из своих интервью Садат заявил: «Я не хочу, чтобы ко мне относились как прежде, чтобы, глядя на меня, оглядывались на Израиль. Я прошу оружия не для того, чтобы напасть на Израиль, поскольку американское оружие не может быть использовано против союзников или друзей Америки. Но сейчас у меня есть другие проблемы».

Подобные заявления подкреплялись конкретными делами. Оружие Каиру действительно нужно было не для отпора израильской агрессии, а для осуществления военно-полицейских акций против национально-освободительного движения, с помощью которых он надеялся продемонстрировать свою «полезность» империалистическому

Западу. Так, в 1976 году под прикрытием египетско-суданского «договора о совместной обороне» египетские войска были направлены в Судан, где они находятся до сих пор. За это время они, по сообщениям арабских газет, неоднократно участвовали в подавлении выступлений оппозиционных сил этой страны против реакционной политики нынешних суданских властей. Летом 1977 года Каир совершил агрессию против соседней арабской страны — Ливии, добиваясь свержения ее антиимпериалистического режима. Это нападение, потерпевшее полное фиаско, вызвало возмущение широких кругов международной общественности.

В тот период Садат и его окружение, оказывая содействие империализму, стали предпринимать активные попытки подорвать освободительную борьбу народов и за пределами арабского мира. Как отмечала алжирская «Аль-Муджахид», Египет «предложил себя в качестве жандарма империализма в Африке, прикрываясь лозунгом борьбы против «коммунистического влияния» в регионе»⁴⁹. Сразу же вслед за заключением второго синайского соглашения египетский режим фактически поддержал интервенцию империалистических и расистских сил против независимой Анголы. Весной 1977 года египетские власти оказали помощь иностранному военному вмешательству в дела Заира, послав туда оружие и военный персонал. В том же году они выступили на стороне сомалийского режима, развязавшего агрессивную войну против Эфиопии. В Сомали были срочно направлены египетские военные советники и инструкторы, переброшено большое количество оружия, боеприпасов. За всем этим скрывалось намерение египетского руководства помешать прогрессивным преобразованиям в Эфиопии, добиться ее расчленения. Активно вмешивались египетские власти и во внутренние дела Чада, поддерживая реакционные силы этой страны.

Пособничество империалистическим кругам негативно сказалось на престиже Египта в африканских странах. Зато происки Садата против освободительного движения на африканском континенте получили высокую оценку в Израиле. Так, на заседании израильского правительства в апреле 1977 года премьер-министр И. Рабин заявил, что Египет, оказывая помощь Заиру, выступает в качестве прозападного бастиона в борьбе против ком-

мунизма в Африке и эта помощь может означать новую отправную точку в американо-египетских отношениях.

Говоря о новой роли вооруженных сил Египта, журнал «Мидл Ист» обращал внимание на то, что они используются «в Чаде, Заире, Сомали, Судане, Ливии, иными словами, везде, но только не на границе с Израилем»⁵⁰. Таковы были последствия отхода египетского режима от антиимпериалистического курса, его политики сепаратных сделок с Тель-Авивом. В результате этих действий Садата египтяне были вынуждены нести тяжелое бремя военных расходов, рисковать жизнью и проливать кровь не для защиты родины от внешней агрессии, а ради обеспечения чуждых им интересов империалистических держав и западных монополий.

С течением времени в политике Египта и Израиля обнаруживалось все больше общих моментов. Египетское и израильское руководство не могли не сближать такие неотъемлемые черты их курса, как готовность обслуживать империалистические интересы на Ближнем Востоке, в Африке, Азии, враждебность ко всем прогрессивным, освободительным движениям, оголтелый антисоветизм и антикоммунизм.

Существовали и другие факторы, стимулировавшие сближение Каира с Тель-Авивом. Давала о себе знать, в частности, растущая экономическая зависимость Египта от империалистических держав. Как сообщала английская газета «Санди телеграф», в 1977 году «часть иностранных займов была предоставлена Египту при условии — по крайней мере негласном — что тот значительно улучшит отношения с Израилем». Это условие, как мы знаем, было выполнено.

Такова в действительности была подоплека «спонтанного» решения египетского президента посетить Израиль в ноябре 1977 года.

Подготовка к этому визиту началась заранее и осуществлялась, естественно, в условиях строгой секретности. Ему предшествовали прямые тайные контакты египетских и израильских представителей. В июле 1977 года в одной из зарубежных стран состоялась встреча руководителей разведок Египта и Израиля. В середине сентября того же года личный представитель Садата Х. Тухами провел (снова в третьей стране) переговоры с министром иностранных дел Израиля М. Даяном. В ходе

этих контактов были намечены контуры последовавших в дальнейшем сепаратных шагов Каира и Тель-Авива. Израильская сторона получила возможность убедиться в готовности египетского режима пойти на новые принципиальные уступки в вопросах ближневосточного урегулирования. Информировав израильское руководство о своих контактах с Тухами, Даян, в частности, подчеркнул, что Садат хотел бы встретиться с премьером Израиля М. Бегином и мог бы пойти даже на подписание сепаратного договора с Тель-Авивом в случае возвращения Египту Синайского полуострова⁵¹.

США со своей стороны всячески поощряли наметившееся сближение Египта и Израиля, были в курсе всех секретных египетско-израильских контактов. И лицемерными являются утверждения официальных американских представителей, будто Вашингтон только в последний момент узнал о решении Садата предпринять поездку в Израиль. Эти утверждения опроверг не кто иной, как сам Садат. В одном из интервью он прямо сказал, что еще в сентябре 1977 года информировал президента Картера о своем намерении «попытаться предпринять смелый шаг» в ближневосточных делах⁵².

СССР отстаивает справедливое дело арабов

В условиях ухудшения обстановки на Ближнем Востоке, вызванного «челночной дипломатией» США, заключением в 1975 году египетско-израильской сделки по Синаю, Советский Союз проводил большую работу с целью достижения подлинного, а не мнимого урегулирования в этом взрывоопасном районе, активно добивался возобновления работы Женевской мирной конференции. Созыв этого форума, естественно, не был самоцелью. Выступая за проведение Женевской конференции, СССР исходил из того, что она могла в тот период при надлежащей подготовке сдвинуть с мертвой точки дело ближневосточного урегулирования, открыть путь к справедливому решению проблем региона. Эту советскую позицию разделяли арабские страны, широкие круги международного сообщества.

9 ноября 1975 г. Советское правительство обратилось

к правительству США с предложением, чтобы СССР и США как сопредседатели Женевской мирной конференции проявили совместную инициативу в деле возобновления ее работы с участием на равных правах всех непосредственно заинтересованных сторон, включая представителей арабского народа Палестины в лице ООП. «Опыт показывает, — подчеркивалось в обращении, — что путь частичных мер, осуществляемых к тому же на сепаратной основе, не ведет к решению ближневосточной проблемы. Да он и не может вести к такому решению, поскольку при этом остаются в стороне главные, ключевые вопросы политического урегулирования... Советский Союз считал и считает, что единственно верным путем достижения кардинального урегулирования ближневосточной проблемы является путь совместных, коллективных усилий всех непосредственно заинтересованных сторон»⁵³.

СССР решительно выступал против попыток американской администрации отстранить арабский народ Палестины и его законного представителя — ООП от участия в решении проблем Ближнего Востока, работе Женевской конференции. В заявлении, которое было вручено советским послом в Вашингтоне государственному секретарю США 18 декабря 1975 г., отмечалось, в частности, что «американская сторона на деле делает невозможным созыв Женевской конференции, возражая против участия в ней — с самого начала возобновления ее работы и на равных правах с другими ее участниками — представителей палестинского народа в лице Организации освобождения Палестины»⁵⁴.

10 января 1976 г. было опубликовано заявление Советского правительства по Ближнему Востоку. Высказываясь вновь за созыв Женевской конференции, СССР одновременно привлек внимание международного сообщества к тем опасным последствиям, которые могла вызвать в регионе политика сепаратных сделок. «Это, — говорилось в заявлении, — рискованная и бесперспективная политика. Она не может привести к урегулированию и установлению прочного мира на Ближнем Востоке. Ее результатом может быть только дальнейшее осложнение обстановки, усиление опасности новых военных взрывов в этом районе. Тем, кто продолжает придерживаться этой политики, пора понять, что она лишь повышает ре-

шимость арабских стран, арабских народов крепить сплоченность своих рядов и свою обороноспособность»⁵⁵. Последующие события убедительно продемонстрировали, насколько прозорливы и точны оказались эти оценки, сколь своевременны и актуальны были предостережения, сделанные Советским Союзом.

Решимость СССР давать отпор проискам империалистических кругов и их пособников на Ближнем Востоке, содействовать комплексному всеобъемлющему урегулированию арабо-израильского конфликта авторитетно подтвердил состоявшийся в конце февраля — начале марта 1976 года XXV съезд КПСС. В числе первоочередных задач советской внешней политики съезд указал на необходимость «сосредоточить усилия миролюбивых государств на ликвидации остающихся военных очагов, и прежде всего на осуществлении справедливого и прочного урегулирования на Ближнем Востоке»⁵⁶. На съезде был вновь разоблачен опасный характер курса Вашингтона, стремившегося навязать арабским народам отдельные соглашения с израильским агрессором. «Не ясно ли, — отмечал в своем докладе Л. И. Брежнев, — сколь серьезную ответственность берут на себя те, кто, преследуя эгоистические цели, превращает ближневосточное урегулирование в предмет политической игры, кто использует отдельные частичные договоренности, чтобы оттянуть время подлинных решений, а то и вообще поставить их под вопрос»⁵⁷. Съезд заявил о готовности СССР участвовать в поисках решения такой проблемы, как прекращение гонки вооружений в этом районе. Но, разумеется, только в тесной увязке с общим урегулированием на Ближнем Востоке. Решать ее до такого урегулирования, подчеркивалось на съезде, значило бы ставить на одну доску агрессора и его жертвы.

Руководствуясь установками XXV съезда КПСС, Советское правительство выступило 29 апреля 1976 г. с новым заявлением, в котором опять привлекло внимание правительств всех государств мира к ситуации на Ближнем Востоке, происходившим там событиям. В заявлении было убедительно показано, что вина за обострение обстановки в этом регионе целиком и полностью ложилась на Израиль и его империалистических покровителей, игнорировавших законные права арабских народов и пытавшихся подменить справедливое решение всех аспек-

тов ближневосточного кризиса сепаратными договоренностями, которые позволяли бы агрессору безнаказанно пользоваться плодами своей преступной политики. «Всякому объективно мыслящему человеку, — указывало Советское правительство, — должны быть понятны действительные цели тех, кто хотел бы бесконечно откладывать решение проблемы ближневосточного урегулирования на неопределенное время. Сохранение на Ближнем Востоке нынешнего положения полностью согласуется с их долговременными планами по установлению своего контроля над районом Ближнего Востока, над его колоссальными нефтяными ресурсами и важными стратегическими позициями»⁵⁸. В заявлении отмечалось, что СССР проводит принципиально иную линию в вопросах, относящихся к Ближнему Востоку, исходит из того, что народы этого района должны быть полными хозяевами своей судьбы, должны получить возможность жить в условиях независимости, свободы и мира. Советское правительство подчеркнуло, что «Советский Союз не ищет для себя на Ближнем Востоке никаких выгод или преимуществ. Ни на Ближнем Востоке, ни в каком-либо другом районе мира он не добивается ни военных баз, ни каких-либо прав на разработку естественных богатств, ни возможностей оказывать влияние на внутреннее развитие соответствующих государств... Мир и спокойствие в районе Ближнего Востока — вот то, к чему направлена политика СССР в этом районе»⁵⁹. В заявлении указывалось, что принципы ближневосточного урегулирования, которые последовательно отстаивает Советский Союз, учитывают должным образом права всех непосредственно заинтересованных сторон, являются справедливыми как для арабских государств, подвергшихся израильской агрессии, палестинского арабского народа, так и для Израиля, создают надежную и реалистическую основу решения конфликта. Подчеркнув, что СССР, исходя из принципиальных соображений, намерен и впредь твердо поддерживать справедливую позицию арабов, Советское правительство одновременно подтвердило, что у Советского Союза нет и не может быть предубеждений против какого-либо государства Ближнего Востока, в том числе против Израиля, если он в своей политике сойдет с пути агрессии и повернет на путь мира и добрососедства с арабами. В заявлении также содержались практические

предложения, направленные на то, чтобы привести в действие механизм Женевской мирной конференции.

В начале октября 1976 года правительствам США, Египта, Сирии, Иордании, Израиля и руководству Организации освобождения Палестины было вручено «Предложение Советского Союза об урегулировании на Ближнем Востоке и Женевской мирной конференции». Стремясь обеспечить продвижение в направлении справедливого и прочного мира в регионе и содействовать с этой целью возобновлению работы форума в Женеве, СССР представил на рассмотрение участников конференции конкретные соображения относительно ее повестки дня, поскольку, как отмечалось в этом документе, «практика международных переговоров и конференций свидетельствует, что важным фактором их успеха является точное определение круга вопросов, подлежащих обсуждению между сторонами»⁶⁰.

Большое значение для дела мира на Ближнем Востоке имели советские предложения относительно главных принципов и направлений урегулирования в этом районе, изложенные в речи Л. И. Брежнева на XVI съезде советских профсоюзов в марте 1977 года. В политических кругах различных государств, в мировой печати подчеркивалось в этой связи, что СССР выдвинул конструктивную, реалистическую и всеобъемлющую программу решения ближневосточного конфликта на справедливой основе. Отмечалось также, что советские предложения не только четко определяли основополагающие принципы урегулирования, но и включали в себя конкретный план их осуществления.

«Мы считаем, в частности, — подчеркивал Л. И. Брежнев в этой речи, — что в основу итогового документа (или документов) о мире на Ближнем Востоке должны быть положены принцип недопустимости приобретения территории путем войн, право всех государств этого района на независимое существование и безопасность. Разумеется, должны быть обеспечены неотъемлемые права палестинского арабского народа, включая его право на самоопределение, на создание собственного государства.

Мы считаем бесспорным, что документы о мире должны предусматривать вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий. Такой вы-

вод мог бы быть осуществлен не сразу, а по этапам, в течение, например, нескольких месяцев, в строго определенные сроки. Должны быть четко определены соответствующие линии границ между Израилем и его арабскими соседями — участниками конфликта. Эти границы должны быть объявлены окончательно установленными и нерушимыми.

Мы исходим из того, что с момента завершения вывода израильских войск между арабскими государствами — участниками конфликта и Израилем прекратится состояние войны и будут установлены отношения мира. При этом все стороны возьмут на себя взаимные обязательства уважать суверенитет, территориальную целостность, неприкосновенность и политическую независимость друг друга, разрешать свои международные споры мирными средствами.

По обе стороны установленных границ могли бы быть созданы, конечно, с согласия соответствующих государств, демилитаризованные зоны — без односторонних преимуществ для кого-либо. В пределах этих зон были бы размещены на какой-то четко определенный срок либо чрезвычайные вооруженные силы ООН, либо наблюдатели ООН.

По-видимому, итоговые документы конференции должны будут содержать и положение о свободе прохода для судов всех стран, включая Израиль (после прекращения состояния войны), по Тиранскому проливу и Акабскому заливу, а также заявление Египта о проходе судов по Суэцкому каналу, который находится целиком под египетским суверенитетом.

Выполнение условий мирного урегулирования могло бы, по нашему мнению, быть гарантировано, если того пожелают договаривающиеся стороны, Советом Безопасности ООН, а возможно, и отдельными державами, например, Советским Союзом, Соединенными Штатами, Францией, Англией. Государства-гаранты могли бы иметь своих наблюдателей в контингентах ООН в соответствующих зонах⁶¹.

Таким образом, Советский Союз, сознавая свою международную ответственность как великой социалистической державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН и сопредседателя Женевской мирной конференции, делал все от него зависящее, чтобы не допустить даль-

нейшего осложнения положения на Ближнем Востоке, создать условия для эффективного политического урегулирования проблем этого региона.

Двуличная позиция американской администрации

Потребовалось совсем немного времени, чтобы бесперспективность и порочность сепаратного подхода к вопросам ближневосточного урегулирования обнаружались в достаточной мере. Стала выдыхаться американская дипломатия «частичных шагов». Прекратил свои «челночные» поездки на Ближний Восток Киссинджер. В декабре 1976 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН была одобрена резолюция, в соответствии с которой генеральный секретарь ООН должен был вступить в контакт с сопредседателями Женевской мирной конференции — СССР и США, а также со всеми другими заинтересованными сторонами на предмет созыва этой конференции не позднее конца марта 1977 года. В поддержку этой резолюции проголосовали 122 государства, а против — только США и Израиль⁶².

В этих условиях новая американская администрация Картера, принявшая бразды правления в Вашингтоне в январе 1977 года, была вынуждена маневрировать, официально заявить, что она будет добиваться всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта. Американская печать писала тогда о том, что Белый дом стремится руководствоваться рекомендациями доклада Брукингского института «К миру на Ближнем Востоке», в котором признавалась необходимость комплексного подхода к проблемам региона и согласованных действий с СССР. США согласились осуществить контакты с Советским Союзом по проблемам Ближнего Востока.

На переговорах Л. И. Брежнев и А. А. Громыко с государственным секретарем США С. Вэнсом в Москве 28—30 марта 1977 г. была достигнута договоренность о проведении в мае 1977 года в Женеве встречи министра иностранных дел СССР и государственного секретаря США, в ходе которой имелось в виду осуществить углубленный обмен мнениями и по ближневосточной проблеме, включая вопрос о возобновлении работы Женевской мир-

ной конференции. Эта встреча состоялась 18—20 мая. На ней советская и американская стороны условились предпринять усилия с тем, чтобы Женевская конференция возобновила свою работу в течение осени 1977 года. Наконец, 1 октября 1977 г. было принято совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку, которое, если бы его положения были претворены в жизнь, могло бы способствовать выводу из тупика дела урегулирования в этом беспокойном районе.

В этом документе Советский Союз и Соединенные Штаты высказались в пользу такого урегулирования на Ближнем Востоке, которое «должно быть всеобъемлющим, охватывающим все заинтересованные стороны и все вопросы». При этом они заявили, что «единственно правильным и эффективным путем для обеспечения кардинального решения всех аспектов ближневосточной проблемы в комплексе являются переговоры в рамках специально созданной для этих целей Женевской мирной конференции». Тем самым, по существу, отвергались как неприемлемые всякого рода сепаратные, частичные варианты решения ближневосточного конфликта. Весьма важным было и то, что США впервые были вынуждены признать необходимость «обеспечения законных прав палестинского народа» и участия его представителей в Женевской мирной конференции. В заявлении было также зафиксировано намерение СССР и США «путем совместных усилий и действуя в контакте со всеми заинтересованными сторонами всемерно содействовать тому, чтобы работа конференции была возобновлена не позже декабря 1977 года»⁶³.

Советско-американское заявление было с удовлетворением воспринято в арабском мире. Заведующий политическим отделом Исполкома ООП Ф. Каддуми отметил, в частности, что в нем содержатся «позитивные возможности для справедливого урегулирования ближневосточного кризиса»⁶⁴. В поддержку этого заявления выступило подавляющее большинство государств — членов ООН, его приветствовали различные круги мировой общественности. В этой связи подчеркивалось, что появление указанного документа стало возможным в результате настойчивых усилий Советского Союза, принципиальной, последовательной позиции СССР в вопросах ближневосточного урегулирования.

Однако администрация Картера, как свидетельствуют факты, не думала вести дело к радикальному оздоровлению обстановки на Ближнем Востоке, проявила двуличие. Заявляя о своем намерении способствовать всеобъемлющему решению арабо-израильского конфликта на справедливой основе, осуществляя контакты с Советским Союзом по этим вопросам, она в то же время продолжала линию своих предшественников в Белом доме, пытавшихся увековечить результаты израильской агрессии. Поддерживая на словах Женевскую мирную конференцию, Картер и его окружение на практике стремились к тому, чтобы либо блокировать конференцию, либо выхолостить ее работу, превратить этот международный форум в ширму для прикрытия сепаратных сделок.

Уже вскоре после своего вступления в должность президента Картер громогласно объявил о необходимости обеспечить Израилю так называемые «защитимые границы». Это было явное поощрение израильских экстремистов, широко использующих данный термин в качестве «оправдания» своего отказа вернуть оккупированные арабские земли. В ходе визита в Вашингтон израильского премьера Бегина, пришедшего к власти в результате победы на выборах в кнессет в мае 1977 года крайне реакционного блока «Ликуд», со стороны США последовали самые активные заверения в неизменности американской поддержки агрессивного курса Тель-Авива. Администрация Картера, как уже отмечалось, стояла у истоков тайных египетско-израильских контактов, завершившихся визитом Садата в Иерусалим. Но, пожалуй, особенно неприглядными были действия США после принятия совместного советско-американского заявления по Ближнему Востоку. Они полностью разоблачили Вашингтон как неискреннего и ненадежного партнера, который с поразительной безответственностью относится к своим международным обязательствам.

Уступая давлению израильских правителей и сионистского лобби в США, встретивших в штыки советско-американское заявление и развязавших истерическую пропагандистскую кампанию против него, Белый дом едва ли не сразу отказался от своих договоренностей с СССР по Ближнему Востоку. Уже 5 октября 1977 г. в результате переговоров Картера и Бегина, в пожарном порядке прибывшего в Вашингтон, на свет появился «рабочий

американо-израильский документ», который, по существу, перечеркивал основные положения, зафиксированные в советско-американском заявлении. В нем, в частности, говорилось, что «согласие сторон с совместным советско-американским заявлением от 1 октября 1977 г. не является непременным условием созыва вновь и проведения Женевской конференции». Ублажая сионистские круги, администрация Картера изо всех сил старалась показать, что она ни на йоту не отошла от традиционной политики Вашингтона в отношении Израиля. Сам президент в середине октября 1977 года заверил, что он «скорее совершит политическое самоубийство, чем нанесет ущерб Израилю»⁶⁵.

Примечательно, что совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку встретило негативную реакцию не только со стороны Израиля, но и со стороны Египта. И это было вполне закономерно. Все больше втягиваясь в русло империалистической политики, перейдя на позиции антисоветизма, саатовский режим явно не хотел отказываться от курса на сепаратные соглашения, с которым он прочно связал себя. Его, как и израильское руководство, не устраивала перспектива активного участия Советского Союза в ближневосточном урегулировании, поскольку это полностью исключало возможность закулисных сделок и махинаций за счет арабских народов, арабского национально-освободительного движения. «Главной связующей основой согласия между Сададом и Бегиним, — писал французский еженедельник «Нувель обсерватор», — является общая для них непримиримая ненависть к СССР и их стремление исключить, насколько это возможно, Советский Союз из участия в любом урегулировании израильско-арабского конфликта»⁶⁶. Таким образом, путь антисоветизма, на который саатовский режим вступил еще в предыдущие годы, привел его в конечном счете к капитулянтству перед израильским агрессором, к предательству национальных интересов арабов, в том числе и египетского народа.

Чувствуя, что возобновление работы Женевской мирной конференции может стать реальным делом, и стремясь воспрепятствовать этому, Каир и Тель-Авив с благословения Вашингтона форсировали осуществление договоренностей, достигнутых в ходе тайных контактов между ними летом и осенью 1977 года.

Тройственный заговор против арабского национально- освободительного движения

«Сенсация» в Каире

Утром 9 ноября 1977 г. израильская военщина предприняла широкую агрессию в Южном Ливане. В ней участвовали военная авиация, тяжелая артиллерия, корабли ВМС. В результате этих варварских налетов было убито и ранено около 200 человек. Серьезный ущерб нанесен городам Тир и Набатия, многим другим населенным пунктам, лагерям палестинских беженцев. Одна деревня — Иззия — была фактически стерта с лица земли.

В тот же день на открытии сессии Народного собрания Египта выступил президент Садат. Он не счел нужным ни осудить эти преступные акции израильских агрессоров, ни выразить сочувствие в связи с гибелью и страданиями детей, женщин, стариков — ливанцев и палестинцев, а заявил вместо этого о своей готовности встретиться с руководителями Израиля, провести с ними дискуссию «даже в самом израильском кнессете»¹. Как отмечало агентство Франс Пресс, «до сих пор подобные предложения о прямых переговорах во враждебной стране исходили от израильского правительства». Какие цели при этом преследовал Тель-Авив, хорошо известно.

«Инициатива» Садата незамедлительно получила поддержку со стороны Израиля. Бегин публично приветствовал ее, как только узнал о речи египетского президента. Затем, выступая 11 ноября по радио с «обращением к египетскому народу», израильский премьер повторил, что ему «будет приятно принять Садата в Иерусалиме», и подчеркнул, что глава Египта сделал «хорошее заявление».

Египетская сторона в свою очередь столь же быстро реагировала на эти «встречные жесты» Тель-Авива. После выступления Бегина, адресованного «египетскому на-

роду», каирское телевидение прервало передачи, чтобы зачитать заявление официального представителя Египта, в котором приветствовался «призыв к миру», якобы содержащийся в обращении израильского премьер-министра. Между тем даже связанная с режимом египетская печать весьма критически комментировала упомянутое выступление Бегина. Так, по словам газеты «Аль-Ахрам», это обращение свидетельствовало о том, что «Израиль не хочет мира и не стремится к нему»².

12 ноября на встрече с делегацией американских конгрессменов Садат вновь подтвердил свое намерение совершить визит в Иерусалим. «Как только Бегин скажет, что он готов, — сказал египетский президент, — я буду готов отправиться в Израиль».

В ответ на призывы Садата премьер-министр Израиля официально пригласил его, как сообщило израильское радио 13 ноября, «прибыть в Иерусалим для переговоров по вопросам ближневосточного урегулирования». Это приглашение было одобрено кнессетом и 15 ноября передано послу США в Израиле для направления египетской стороне. 17 ноября Садат получил послание президента США Картера, содержащее израильское приглашение. Сразу вслед за этим в Египте и Израиле было официально объявлено, что визит египетского президента в Иерусалим начнется 19 ноября.

Обращает на себя внимание, что в те дни американская администрация старательно делала вид, будто все происходящее на Ближнем Востоке является «сюрпризом» для нее. В Вашингтоне пытались внушить общественности, что Египет и Израиль, мол, действуют сами по себе, а США оказывают им лишь «техническую помощь» в поддержании связей друг с другом. «Президент Картер не желает, чтобы его считали оказывающим влияние на развитие событий в данном случае», — писала американская газета «Крисчен сайенс монитор»³. В действительности же США, как свидетельствуют факты, играли первостепенную роль в подготовке и осуществлении визита Садата в Иерусалим. И этого не скрывали ни в Каире, ни в Тель-Авиве. Не случайно Бегин в послании Картеру 18 ноября 1977 г., выразив «глубокую благодарность» за его усилия, которые «в столь огромной мере способствовали организации этой важной встречи в Иерусалиме», подчеркнул, что без вклада американского президента

«это не могло бы произойти» и что именно он, Картер, создал этот «исторический момент».

Отправляясь в Израиль, Садат демонстративно игнорировал острую негативную реакцию арабского мира на такого рода визит, попытки различных арабских руководителей удержать его от капитулянтского шага. «Меня не интересует мнение других арабских государств, — цинично заявил он в интервью американской телекомпании Си-би-эс накануне визита. — Я не просил их соглашаться или не соглашаться со мной».

На что же рассчитывал и чего добивался египетский президент, затеявая поездку в оккупированный Иерусалим?

Прежде всего Садат стремился «вдохнуть жизнь» в пресловутую политику сепаратных сделок, которая, несмотря на все старания США и Израиля, пребывала в состоянии кризиса. Он полагал, что в Тель-Авиве и Вашингтоне должным образом оценят эти его усилия и предоставят соответствующую «компенсацию», которая позволила бы египетскому режиму хотя бы формально «оправдать» свой отход от общеарабской позиции. Основные надежды Садат, естественно, возлагал на США, исходя из своего любимого тезиса о том, что «ключ к миру на Ближнем Востоке находится в руках Америки». Ему казалось, что стоит принять американские условия, особенно требование о «прямых переговорах» с израильским агрессором, и Вашингтон станет учитывать не только притязания Тель-Авива, но и арабские интересы.

При помощи новых сделок с США и Израилем, путь к которым открывала поездка в Иерусалим, Садат рассчитывал также подорвать позиции Палестинского движения сопротивления и, поставив в сложное положение Сирию, добиться изменения ее антиимпериалистического курса. Ему это было надо потому, что как ПДС, так и прогрессивный сирийский режим оказывали активное противодействие антиарабской политике Каира в вопросах ближневосточного урегулирования. Раздражало Сада-та и то, что Организация освобождения Палестины и Сирия последовательно проводили линию на всемерное укрепление связей с Советским Союзом.

Торгуя коренными интересами арабских народов, Садат надеялся, кроме того, найти выход из той критической ситуации, которая сложилась для его режима внут-

ри Египта в результате отказа от прогрессивного курса июльской революции. Резкое обострение социально-экономических проблем, растущее недовольство народа политикой властей привели к тому, что в январе 1977 года вся страна была охвачена массовыми выступлениями и манифестациями протеста, в которых участвовали миллионы египтян. Этот взрыв народного возмущения — беспрецедентный за три последних десятилетия египетской истории — основательно напугал египетское руководство. В создавшейся обстановке Садат, принимая решение направиться в Израиль, рассчитывал получить не только политические дивиденды, но и дополнительные щедрые финансовые подачки от империалистического Запада для спасения разваливавшейся египетской экономики. Наряду с этим он пытался использовать свою «мирную инициативу» для того, чтобы отвлечь внимание египтян от сложных внутренних проблем. Поднятая официальной пропагандой шумиха о «близком мире», за которым якобы последует «процветание» Египта, должна была, по замыслу Садата, помочь сбить волну недовольства в стране в связи с ухудшившимися условиями жизни.

В целом можно сказать, что в основе всех шагов египетского президента по налаживанию сотрудничества с израильскими агрессорами лежали как его проимпериалистические, антиарабские концепции, так и обусловленные этим близорукие расчеты и иллюзии. Этот порочный путь весьма скоро завел садатовский режим в тупик.

Следует указать, что Садат, сталкиваясь с широкой оппозицией арабов его политике, старался по возможности скрывать свои подлинные цели и намерения, поскольку, несмотря на демонстративное пренебрежение мнением арабских государств, его, конечно же, не могла не беспокоить усиливавшаяся день ото дня изоляция Каира. В этой связи египетские власти, их пропагандистские органы развернули лихорадочную активность в попытке замаскировать сепаратный, капитулянтский характер действий своего президента. Сам Садат, его министры, деятели проправительственной партии выступали с многочисленными заявлениями, в которых доказывали, будто Египет ни на йоту не отойдет от общеарабских требований и не заключит каких-либо соглашений с Израилем без других арабских стран. Вот что, например, Садат

утверждал в беседе с американскими конгрессменами 12 ноября 1977 г.: «Я решительно заявляю, что не могу подписать сепаратный мирный договор с Израилем. Эта проблема является не египетской, а арабской. Мирное соглашение должно быть подписано всеми заинтересованными сторонами».

В ход была пущена ложь о том, что поездка Садата в Иерусалим была предпринята якобы для... ускорения созыва Женевской мирной конференции, устранения «процедурных сложностей», мешавших ее проведению. Переворачивая все с ног на голову, египетские руководители и журналисты пытались даже представить тех, кто выступал с критикой действий Каира, противниками этой конференции, подрывавшими надежды народов Ближнего Востока на справедливый и прочный мир. Воистину лицемерие садатовского режима не знало границ!

Для «оправдания» своего капитулянтского шага в глазах общественности Садат выдвинул и такой нелепый аргумент, будто «арабо-израильский конфликт состоит на 70% из психологических проблем и только на 30% из проблем по существу»¹. Стоит, мол, преодолеть этот психологический барьер, ради чего он решил ехать в Иерусалим, и главные препятствия на пути урегулирования ближневосточного кризиса будут устранены. По логике египетского президента получалось, что суть конфликта на Ближнем Востоке заключалась не в отказе Тель-Авива освободить захваченные арабские земли и признать законные национальные права арабского народа Палестины, а в наличии неких «психологических проблем» между арабами и израильтянами. Однако подобную предательскую логику арабские народы, естественно, принимать не желали.

В своем флирте с израильскими агрессорами Садат, как уже отмечалось, рассчитывал хотя бы на минимальную «взаимость» с их стороны. Но его с самого начала ждало разочарование. Тель-Авив отнюдь не собирался подыгрывать садатовскому режиму, а тем более идти ему на какие-либо уступки. И это было совершенно закономерно. Отказавшись от антиимпериалистического курса Насера, от сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, Садат серьезно ослабил внешнеполитические позиции Каира, подорвал боеспособность египетской армии. Его реакционная поли-

тика нанесла ущерб авторитету Египта в арабском мире. В этих условиях сионистские лидеры Израиля получили возможность диктовать любые условия Каиру, который ничего не мог противопоставить их жесткому давлению.

Визит в Иерусалим еще только готовился, а израильские руководители уже показали, как они намереваются обращаться с Садатом и вести с ним переговоры. Игнорируя попытки египетского президента представить эту поездку как подготовку к Женевской конференции, Бегин 16 ноября 1977 г. заявил в интервью корреспонденту Би-би-си: «Пусть он приезжает. Но Женевская конференция не имеет никакого отношения к этим взаимным приглашениям». Израильский премьер сказал также, что «Садату будут оказаны теплый прием и гостеприимство», но требования о полном выводе израильских войск с оккупированных в 1967 году арабских территорий и создании палестинского государства «для нас неприемлемы».

Руководители Израиля не ограничивались подобными заявлениями. Они и действовали соответственно. Подготовка к визиту Садата осуществлялась под аккомпанемент взрывов бомб и снарядов на ливанской земле. Никакой сдержанности в ответ на «мирную инициативу» Египта Тель-Авив проявлять не стал. Более того, он расширил свою агрессию против ливанцев и палестинцев. «Израиль совершил чудовищное преступление против мирных жителей в Южном Ливане»⁵ — так охарактеризовал действия Тель-Авива постоянный наблюдатель Организации освобождения Палестины при ООН З. Терази.

Все это, однако, не остановило Садата. Вступив на путь капитуляции перед израильским агрессором, он уже не сходил с него.

«В гостях» у израильских агрессоров

19 ноября 1977 года. На борту реактивного лайнера, державшего курс на Тель-Авив, президент Садат, питавший слабость к различного рода интервью, в своей обычной многословной манере отвечал на вопросы сопровождавших его египетских и иностранных журналистов. При этом, как сообщала «Аль-Ахрам», он «выразил оптимизм

в отношении того, что вернется в Каир, имея у себя по крайней мере согласие Израиля на свои предложения»⁶.

А в это время в международном аэропорту Тель-Авива царил большое оживление. Здесь собрались все «власть предержащие» Израиля — и те, кто занимал в тот момент высокие правительственные посты, и бывшие. Встречать египетского президента прибыла даже, несмотря на свой преклонный возраст, Голда Меир — экс-премьер и один из главных организаторов и проводников агрессивной, экспансионистской политики Тель-Авива. Правительственный салон едва вмещал всех приглашенных. Настроение у израильских госдеятелей было приподнятое. Еще бы! Глава ведущего арабского государства совершал по своей воле паломничество в Израиль, закрывая глаза на продолжающуюся оккупацию арабских территорий, бесправное положение палестинцев. О таком сионистские лидеры Израиля могли только мечтать.

И вот, наконец, «исторический момент», столь желанный для всех собравшихся в аэропорту, настал. Из приземлившегося самолета с черной арабской вязью на фюзеляже вышел, широко улыбаясь, Садат. Звучали фанфары, раздавался грохот артиллерийского салюта, непрерывно щелкали затворы фотоаппаратов, стрекотали камеры многочисленных репортеров и операторов. Встреча, как сообщила израильская пресса, была «сердечной». Присутствовавшие в аэропорту журналисты обратили внимание, что с «особой теплотой» египетский гость поздоровался с Бегинем, Меир и министром иностранных дел Моше Даяном, которого, по словам корреспондента агентства Рейтер, он назвал не «господин Даян», а просто «Моше» (генерал Даян, занимая в 1967 г. пост министра обороны, был едва ли не главной фигурой в подготовке и осуществлении вероломного нападения Израиля на арабские государства).

Из Тель-Авива путь Садата лежал в Иерусалим. Сразу по прибытии в его апартаментах на шестом этаже фешенебельной гостиницы «Царь Давид» состоялась первая беседа с Бегинем. После ее завершения израильский премьер вышел к поджидавшим его журналистам. Он не скрывал своего удовлетворения. «Мы провели очень теплую и сердечную беседу, — заявил Бегин. — Можете сказать, что мы понравились друг другу». Эта встреча положила начало целой серии закрытых египетско-изра-

ильских переговоров, которые интенсивно велись в течение всех трех дней визита.

Утром 20 ноября, в день религиозного праздника мусульман — жертвоприношения, Садат с явным расчетом произвести впечатление на арабов своим показательным «мусульманским благочестием» посетил мечеть «Аль-Акса», считающуюся одной из главных святынь ислама. Этот фарс, однако, успеха не имел. У мечети Садата встретила демонстрация арабских жителей, раздались возгласы: «Изменник, не продавай нас!», «Палестина принадлежит арабам!». Израильская полиция набросилась на демонстрантов, многие из которых были арестованы.

В тот же день состоялось одно из центральных мероприятий визита — посещение Садатом израильского кнессета, где он выступил с речью. Увещевая собравшихся в зале заседаний депутатов, египетский президент пространно говорил о важности достижения справедливого и прочного мира между арабами и Израилем, о том, что израильтяне «должны отказаться от всякой мечты о захватах» и что экспансия не принесет им «никаких благ и выгод». Прозвучали в его выступлении и заявления о необходимости вывести израильские войска со всех оккупированных в 1967 году арабских земель, удовлетворить законные права арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного государства. В очередной раз было сказано, что «сепаратный мир между Египтом и Израилем не обеспечит справедливого мира всему району». Однако, как отмечал один из руководителей Организации освобождения Палестины Я. Абд Раббо, все эти декларации Садата были «предназначены лишь для внутреннего потребления в арабских странах». Это была своего рода «дымовая завеса», с помощью которой он хотел укрыть от глаз арабов свою капитулянтскую позицию.

Но даже в таком выступлении, рассчитанном в первую очередь на арабский мир, Садат счел возможным сделать крупную уступку Израилю. Он ни словом не обмолвился об ООП — единственном законном представителе палестинского народа. И это было с удовлетворением воспринято как израильскими руководителями, так и их покровителями за океаном. Большой «авторитет» в области сепаратных сделок Киссинджер поспешил назвать подобное изменение позиции Садата «весьма важным».

Тель-Авив, однако, не хотел останавливаться на достигнутом, требуя от Египта дальнейших шагов по подрыву общеарабской линии в вопросах ближневосточного урегулирования. Это наглядно показало ответное выступление Бегина в кнессете. Он ни слова не сказал о палестинцах, их неотъемлемых правах, вновь недвусмысленно заявил об отказе Израиля освободить захваченные арабские территории. Сообщив, что «мы будем как свободные партнеры вести переговоры о заключении мирного договора», израильский премьер пояснил, каким должен быть, по замыслам Тель-Авива, этот документ: «Когда речь заходит о мирном договоре, первая и самая важная идея — это нормальные отношения, дипломатические обмены. Нужно, чтобы у вас был посол в Иерусалиме, а у нас посол в Каире».

Оценивая речь Бегина в кнессете, каирская «Аль-Ахрам» уныло констатировала, что «он не сказал ничего нового в отношении концепции мира», «игнорировал права палестинцев и арабских сил»⁷.

Жесткая, вызывающая позиция израильского руководства не смущала тем не менее Садата. Демонстрируя свою готовность и дальше уступать сионистскому агрессору, он на следующий день после выступления Бегина заявил в беседе с израильскими парламентариями: «Главным вопросом должна быть безопасность для Израиля. Я вполне согласен с вами». Между тем всему миру хорошо известно, что имеет в виду руководство Израйля, разглагольствуя о «безопасности»: удержание захваченных арабских земель и игнорирование законных национальных прав палестинцев.

На заключительной пресс-конференции в Иерусалиме Садату был задан, в частности, такой вопрос: «Аннулирует ли Ваше замечание в кнессете заявление, которое Вы сделали перед этим и согласно которому, если оккупированные территории нельзя будет вернуть с помощью дипломатии, то они будут возвращены путем войны?». И вот какой последовал ответ: «После того, что только что произошло, мы надеемся, что отныне все решения будут приниматься путем переговоров, а не с помощью войн». Иными словами, египетский президент публично взял на себя обязательство не прибегать к силе в отношениях с Израилем, несмотря на категорический отказ Тель-Авива пойти навстречу справедливым требованиям

арабов, касающимся ликвидации последствий израильской агрессии.

Перед возвращением в Египет 21 ноября Садат сделал еще один жест, вызвавший бурную реакцию в арабском мире. Он возложил венок к памятнику израильским солдатам, участвовавшим в агрессивных войнах против арабских стран. Арабские народы справедливо восприняли это как оскорбление по отношению к многочисленным жертвам израильского экспансионизма.

В совместном коммюнике по итогам визита, опубликованном в Иерусалиме, ничего не говорилось о ключевых вопросах ближневосточного урегулирования. Упор делался лишь на необходимости продолжения двусторонних контактов между Египтом и Израилем, что полностью отвечало замыслам израильского руководства, стремившегося закрепить Каир на позициях сепаратизма.

Однако сколь ни значительны были уступки, сделанные Садатом, так сказать, на глазах общественности, главное, конечно же, происходило за кулисами — на закрытых встречах египетских и израильских руководителей. «Наиболее существенные и важные слова Садат сказал на секретных переговорах с Бегинем и Даяном», — писала в этой связи бейрутская газета «Ас-Сафир»⁸. Так, сразу после начала этих переговоров израильское радио, ссылаясь на «надежные источники» из окружения египетского президента, сообщило, что «Египет, вероятно, готов установить полные и широкие политические и экономические отношения с государством Израиль и хотел бы нейтрализовать ООП». Спустя несколько дней в комментарии телевидения Израиля было сказано, что «Садат и Бегин, как хорошие друзья, быстро достигли договоренности с целью отстранить Сирию и ООП от переговоров». Журнал «Африк-Ази» указывал со ссылкой на правительственные и дипломатические круги Вашингтона, что Египет и Израиль договорились также всеми возможными средствами препятствовать участию Советского Союза в процессе ближневосточного урегулирования, хотя СССР в соответствии с волей международного сообщества являлся одним из сопредседателей Женевской мирной конференции. Генеральный директор канцелярии премьер-министра Израиля, давая оценку результатам египетско-израильских переговоров, подчеркнул, что Тель-Авив абсолютно исключает создание палестинского

государства, и при этом с удовлетворением констатировал, что «впервые Египет, Израиль и Соединенные Штаты проводят одинаковую стратегическую линию». Вся эта информация, исходившая из весьма осведомленных кругов, убедительно свидетельствует о том, что уже в ноябре 1977 года, в ходе своего визита в Иерусалим, Садат пошел на попятную перед израильским агрессором по всем основным вопросам ближневосточного урегулирования.

Пытаясь сохранять хорошую мину при плохой игре, египетский президент охарактеризовал свои переговоры в Израиле как «конструктивные». Не в меру ретивые египетские журналисты сравнивали даже поездку Садата в Иерусалим с «первым шагом человека на Луне». Однако у арабов было иное мнение на сей счет. Они квалифицировали визит Садата как откровенное предательство их справедливого дела, как опасный заговор империализма и его пособников против арабского национально-освободительного движения. Арабские народы имели веские основания именно так оценивать действия Садата. Объективный анализ характера и итогов его визита в оккупированный Иерусалим подтверждает это.

Садатовский режим и его зарубежные покровители приложили немало усилий, чтобы представить поездку египетского президента для бесед с израильскими руководителями как «внутреннее дело Египта и Израиля». При этом делались ссылки на то, что и раньше государства, находившиеся в состоянии войны, вступали, дескать, в контакт друг с другом для урегулирования спорных проблем. Однако адвокаты визита сознательно умалчивали, что ближневосточный конфликт отнюдь не сводится к проблеме египетско-израильских отношений, он намного шире, затрагивает интересы различных сторон. Между тем эти интересы в расчет не принимались вовсе. Поездка Садата в Иерусалим готовилась и осуществлялась за спиной арабов, вопреки воле других участников конфликта. Сам египетский президент признавал, что он не согласовывал свои действия ни с кем из арабских руководителей. Иначе говоря, этот визит носил откровенно сепаратный характер, подрывал единство арабского фронта, противостоящего израильской агрессии, вносил раскол в арабские ряды.

Садат нанес серьезный ущерб справедливому делу

арабских народов и тем, что вступил в переговоры с Тель-Авивом на условиях, продиктованных израильским агрессором, а в ходе переговоров, как было показано, пошел на дальнейшие уступки Бегину по принципиальным вопросам урегулирования. Это означало, что египетский режим, по существу, смирился с продолжающейся оккупацией арабских территорий, отказался от поддержки национальных прав арабского народа Палестины. Своим визитом Садат фактически признал «законность» притязаний израильских правителей на то, что Иерусалим целиком принадлежит Израилю и является его столицей. Он оказал содействие империалистическим и сионистским кругам в их усилиях, направленных на ослабление международной изоляции Израиля, которая представляет собой закономерное следствие его захватнической политики. Беспринципные акции Садата полностью противоречили решениям совещаний арабских стран на высшем уровне. В результате этого визита Египет был окончательно выключен из борьбы арабов за устранение последствий израильской агрессии.

Обращает на себя внимание то, что, оказав многочисленные услуги Тель-Авиву, Каир не получил ничего существенного взамен. «Почему от меня требуют уступок в обмен на визит Садата? — цинично заявил Бегин. — Он приехал, а я его хорошо принял. Этого достаточно».

Более того, беспринципная политика Каира стала причиной ужесточения позиции Израиля в отношении арабов, урегулирования ближневосточного конфликта. Хорошо понимая, что без Египта арабским странам гораздо сложнее противостоять агрессии, Тель-Авив в последующий период расширил масштабы своих экспансионистских действий в регионе, усилил давление на Сирию, Ливан, Палестинское движение сопротивления. Такое вызывающее поведение Израиля — наглядное свидетельство справедливости слов, сказанных официальным представителем ПДС по поводу паломничества Садата в Иерусалим: «Унижение перед врагами арабской нации — отнюдь не реалистический путь к восстановлению прав арабов».

Визит египетского президента в Израиль представлял собой диверсию против Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, причем в условиях, когда перспективы ее созыва начали вырисовываться вполне оп-

ределенно. По авторитетному свидетельству одного из ближайших помощников Садата И. Фахми, подавшего в отставку с поста заместителя премьер-министра и министра иностранных дел Египта в знак протеста против капитулянтского шага Каира, «нужная основа для возобновления работы конференции уже была достигнута, однако визит Садата в Иерусалим сорвал ее». Вопреки утверждениям официальной египетской пропаганды, будто поездка Садата «открыла путь в Женеву», даже официальные представители американского правительства не могли не признать, что этот визит поставил будущее Женевской конференции «под сомнение»⁹.

Антиарабские действия Каира резко осложнили обстановку на Ближнем Востоке. В результате предательства Садата США и их союзники в регионе получили возможность активизировать свои происки против арабских народов.

По меткому выражению «Монд дипломатик», после своего визита в Иерусалим египетский президент оказался «в роли заложника Израиля»¹⁰. Это действительно так. Ведь вернуться в арабский лагерь Садат уже практически не мог, ибо ему пришлось бы тогда признать беспринципный, антиарабский характер своего курса на сближение с израильскими агрессорами со всеми вытекающими отсюда последствиями для его политической карьеры. Да он, впрочем, и не хотел возвращаться в ряды арабских стран, противостоящих экспансионизму Тель-Авива. В то же время, продолжая свои контакты с израильскими правителями, Садат неизбежно сталкивался с их ультимативными требованиями, отказом идти на какой-либо компромисс. Конечно же, он рассчитывал на содействие Вашингтона. Надеялся, что США помогут ему «смягчить» позицию Израиля, дабы «спасти лицо Египта». Но эти расчеты были построены на песке. США, хотя и стремились закамуфлировать капитулянтский характер предпринятых Садатом шагов, тем не менее, как показали последующие события, по всем основным проблемам урегулирования неизменно занимали сторону Тель-Авива, а не Каира. В этих условиях египетскому президенту не оставалось ничего другого, кроме как соглашаться на все новые и новые уступки Израилю.

Противодействие сепаратному курсу Каира

Империалистические, сионистские и реакционные круги, инспирировавшие визит Садата в Иерусалим и связывавшие с ним далеко идущие замыслы, с самого начала столкнулись с большими трудностями в реализации своих планов. Они явно не ожидали столь решительного отпора арабов капитулянтским акциям Каира. Заискивание Садата перед израильскими агрессорами было осуждено подавляющим большинством арабских государств, арабскими политическими и общественными силами самых различных направлений. Как отмечала мировая печать, этот шаг Египта вызвал беспрецедентную по своим масштабам волну негодования и возмущения в арабском мире.

«Решение президента АРЕ, — подчеркивалось в совместном заявлении руководства правящей Партии арабского социалистического возрождения, центрального руководства Прогрессивного национального фронта и правительства Сирии, — представляет собой болезненный удар по арабской нации, подрыв сплоченности арабских стран. Кроме того, это — огромная трагедия для арабского Египта и героев, отдавших жизнь в долгой борьбе с сионистами». В заявлении Исполкома Организации освобождения Палестины отмечалось, что визит Садата в Израиль «является отходом от священных принципов борьбы арабской нации за освобождение оккупированных арабских территорий» и что арабы «никогда не простят любому арабскому лидеру подобного шага». Всеобщий народный конгресс Ливии назвал действия египетского президента «преступлением перед всей арабской нацией» и предупредил, что они «будут иметь тяжелые последствия как для египетского народа, так и для всего арабского мира». Решительно осудили капитулянтский шаг Садата Народная Демократическая Республика Йемен, Алжир.

Важное значение имело то, что против сепаратной линии Каира выступили не только прогрессивные арабские режимы и ПДС, но и государства, в которых у власти находятся ориентирующиеся на Запад буржуазные и консервативные круги. В частности, министр иностранных дел Туниса Х. Шатти подчеркнул, что «египетская

инициатива ставит под угрозу принцип арабской солидарности в том смысле, что она указала на стремление одного арабского государства идти своим собственным путем в отношении проблемы, касающейся всех арабов». Кабинет министров Иордании охарактеризовал визит Садата как «негативный» в отношении общеарабского дела. В заявлении Объединенных Арабских Эмиратов в связи с проведением египетско-израильских переговоров была подвергнута критике «тенденция некоторых арабских стран предпринимать шаги, которые не были одобрены другими арабскими государствами». Свое «недоумение по поводу контактов с врагом» выразил также Кувейт.

Даже Саудовская Аравия, несмотря на противоречивый и непоследовательный характер своей позиции в отношении политики сепаратных сделок, не могла не считаться с реакцией арабского мира на капитулянтские шаги египетского руководства. Как заявил саудовский кабинет министров 18 ноября 1977 г., «любая инициатива арабов в целях ближневосточного урегулирования должна исходить из единой позиции арабских стран». В заявлении отмечалось, что «борьба арабов переживает трудный этап, который еще больше осложнился в результате сомнительных действий». Примечательно, что пропагандистские органы Египта, не брезгуя никакими средствами в попытке внушить общественности страны, будто действия Садата «популярны» в арабских странах, пошли на прямую фальсификацию позиции, занятой Саудовской Аравией. Официоз «Аль-Ахрам» сообщил, например, после возвращения египетского президента из Иерусалима, что саудовский король Халед якобы направил в Каир послание «с высокой оценкой роли, которую сыграл президент Садат во имя дела арабов». Эта фальшивка была разоблачена саудовским информационным агентством, официально заявившим, что «никакого подобного послания не было» и что «появившиеся измышления об изменении позиции Саудовской Аравии в отношении развития событий в арабском мире не соответствуют действительности»¹¹.

Широкие народные массы различных арабских стран ответили на предательство египетского президента мощными демонстрациями, митингами, забастовками протеста. В них приняли участие миллионы людей. Дамаск и Бейрут, Аден и Триполи, Алжир и Багдад — эти и мно-

гие другие арабские города стали ареной массовых выступлений против капитулянтских шагов Садата. Действия Каира резко осудили профсоюзные, крестьянские, женские, студенческие, молодежные и другие общественные организации во всех частях арабского мира. Ряд межарабских организаций в знак протеста против курса Садата объявил о переводе своих штаб-квартир из Египта в другие арабские страны. Эта широкая кампания протеста охватила и оккупированные арабские территории, где в ответ на визит Садата также прошли бурные манифестации местного населения, сопровождавшиеся стычками между демонстрантами и израильской полицией.

Активная роль в противодействии сепаратным сделкам с израильским агрессором принадлежала компартиям арабских стран. Коммунисты осуществляли большую работу по разоблачению антиарабского характера действий Садата, по мобилизации арабских народов на борьбу против опасных планов империализма, сионизма и реакции на Ближнем Востоке.

Широкая оппозиция визиту в оккупированный Иерусалим отмечалась и в Египте. Надо сказать, что египетские власти загодя осуществили целый комплекс мер в плане подготовки к этому «экспромту» Садата. Примерно за пять недель до визита, когда египетский президент принял окончательное решение отправиться в Израиль (но еще не объявил о нем), была проведена реорганизация правительства. В отставку было уволено несколько членов кабинета, которые, по мнению Садата, могли выступить против этой беспринципной затеи¹². С целью пресечения недовольства в рядах вооруженных сил — главной опоры режима — применялась политика «кнута и пряника». «В конце октября, — сообщал каирский корреспондент «Дейли телеграф», — всем военнослужащим было объявлено, что их денежное довольствие будет увеличено на 30%. Одновременно тысячам офицеров были предоставлены особые денежные льготы по тем или иным статьям. Опять-таки одновременно сотни старших офицеров были уволены в отставку на месяцы, а подчас и годы раньше, чем они сами рассчитывали. Другие неожиданно обнаружили, что их перевели с баз вокруг Каира в отдаленные лагеря в Верхнем Египте или на побережье Красного моря. Особенно широко эти меры

были приняты в отношении личного состава военно-воздушных сил, которые всегда были очагом особого недовольства»¹³. После объявления о «сенсационном» решении Садата египетский режим развязал интенсивную кампанию по «обработке» общественного мнения страны. Египетские органы пропаганды распространяли заведомо лживую информацию, прибегали к подтасовке фактов, замалчивали реакцию арабов на действия Каира, спекулировали на усталости египтян от войны, на их стремлении к миру, пытались использовать в своих целях неграмотность большого числа жителей АРЕ, их неискушенность в политике. Все эти меры, конечно, давали определенные результаты.

Но тем не менее обеспечить «единодушную поддержку» своему курсу внутри страны египетским властям не удалось. Против флирта с израильским агрессором решительно выступили Национально-прогрессивная (левая) партия (НПП), находящаяся в подполье Египетская компартия, многие видные политические и общественные деятели. «Визит президента Садата, — говорилось в заявлении НПП, — способствует ослаблению арабской мощи и дает Израилю возможность укрепить свою позицию отказа от каких-либо уступок. Несомненно, что этот визит будет содействовать усилиям Тель-Авива навязать арабским странам «нормализацию» отношений, не дожидаясь заключения подлинного мира, и подтолкнет его на продолжение обструкции в отношении Женевской конференции»¹⁴. Паломничество Садата в оккупированный Иерусалим было осуждено группой независимых депутатов Народного собрания Египта. В распространенном ими заявлении подчеркивалось, в частности, что этот шаг «является огромным завоеванием Тель-Авива, полученным им без предоставления взамен каких-либо уступок»¹⁵. Обеспокоенное этими протестами египетское руководство ужесточило репрессии против оппозиционных сил.

Несмотря на принятые режимом превентивные меры, оппозиционные настроения проявились и в армии, где против курса Садата выступила большая группа офицеров. В ответ власти, по сообщениям арабской печати, осуществили массовые аресты среди военнослужащих.

Даже в ближайшем окружении Садата многие неодобительно отнеслись к его сближению с Израилем на се-

паратной основе. Он это признавал сам. Например, в беседе с американскими конгрессменами 12 ноября 1977 г. Садат сообщил, что некоторые из его помощников были «шокированы и напуганы» его решением отправиться в Иерусалим. Как уже отмечалось, накануне визита ушел в отставку заместитель премьер-министра и министр иностранных дел И. Фахми. Назначенный министром иностранных дел М. Риад также отказался от этого поста. После возвращения Садата из Израиля в официальных кругах Каира, по сведениям западных журналистов, царило замешательство в отношении итогов визита.

В авангарде общеарабской борьбы против заговора империализма и его пособников на Ближнем Востоке шли прогрессивные государства и ПДС. Сразу после проведения египетско-израильского «диалога» официально объявила о разрыве дипломатических отношений с Египтом Ливия. 2—5 декабря 1977 г. в Триполи состоялось совещание руководителей прогрессивных арабских режимов и Организации освобождения Палестины. На нем было решено образовать Национальный фронт стойкости и противодействия (НФСП) для борьбы против антиарабских происков империализма, сионизма и реакции, против капитулянтских сделок по вопросам ближневосточного урегулирования. В состав фронта вошли Сирия, Ливия, Алжир, НДРЙ и ООП.

В условиях серьезного осложнения обстановки на Ближнем Востоке, вызванного сепаратными акциями Садата, проведение этого совещания, создание НФСП имели важное принципиальное значение. Встреча в Триполи наглядно продемонстрировала решимость арабских национально-патриотических сил противостоять любым попыткам подчинения арабского мира империалистическому и сионистскому диктату. На ней был дан твердый отпор планам США, Израиля и садатовского режима, направленным на раскол арабских рядов, намечены конкретные меры по сплочению арабских народов на антиимпериалистической основе и противодействию капитулянтскому курсу Каира.

Собравшиеся в Триполи арабские руководители особо подчеркнули необходимость всемерного укрепления дружбы и сотрудничества арабских стран с Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества, которые оказывают неизменную поддерж-

ку и помощь справедливому делу арабов. Они решительно осудили непрекращающиеся происки империализма и его союзников, направленные на ослабление этих дружественных связей.

Участники совещания приняли решение заморозить дипломатические и иные отношения с Египтом. Кроме того, они сообщили о своем намерении поставить вопрос о членстве АРЕ в Лиге арабских стран (ЛАС). В ответ саатовский режим, стремясь создать впечатление, будто инициатива в межарабских делах по-прежнему принадлежит Каиру, объявил о разрыве дипломатических отношений со странами — членами НФСП и Ираком. Все это еще больше усугубило изоляцию Египта в арабском мире.

Национальный фронт стойкости и противодействия стал играть важную мобилизующую роль в практических усилиях арабов по нейтрализации и срыву политики сепаратных сделок на Ближнем Востоке. Он превратился в существенный фактор борьбы за национальные интересы арабских народов, против империализма, сионизма и реакции.

Заметной вехой в упрочении позиций НФСП перед лицом империалистических происков стало его второе совещание в верхах, проведенное в начале февраля 1978 года в Алжире. На нем были рассмотрены вопросы дальнейшей консолидации прогрессивных сил арабского мира и укрепления общеарабской солидарности в борьбе за справедливое урегулирование ближневосточного конфликта. Совещание одобрило Политическую декларацию, а также Хартию совместных действий, которая предусматривала, в частности, создание объединенного командования входящих в НФСП государств и ООП, образование специального фонда для оказания финансовой и другой помощи странам, непосредственно противостоящим израильской агрессии.

Одновременно с созданием НФСП были приняты меры по обеспечению единства действий патриотических политических и общественных организаций арабского мира против капитулянтских планов Садата и его внешних покровителей. Собравшиеся 6 декабря 1977 г. в Триполи представители этих организаций из различных арабских стран учредили Общеарабский народный конгресс (ОНК). Спектр сил, вошедших в состав ОНК, был

весьма широк: революционные демократы и коммунисты, арабские националисты и антиимпериалистически настроенные мусульманские круги. Всех их сплотило стремление не допустить подрыва завоеваний арабских народов в борьбе за национальное и социальное освобождение. «Единство всех прогрессивных сил, единство внутри рядов ПДС, — подчеркивалось на встрече в Триполи, — является прочной гарантией успеха национально-освободительного движения в противодействии попыткам империализма и реакции приостановить процесс революционного развития на Ближнем Востоке». Общеарабский народный конгресс, в котором представлено более 210 политических партий, общественных организаций и освободительных движений из 17 арабских стран¹⁶, многое сделал для развертывания массовых выступлений в арабском мире против предательского курса Садата. Он наладил тесное сотрудничество с международными демократическими организациями.

Как и прежде, активную поддержку справедливому делу арабских народов в этот сложный для них период оказали Советский Союз, другие государства социалистического содружества. Твердая принципиальная позиция, занятая социалистическими странами в отношении сепаратных шагов Каира, явилась одним из решающих факторов, позволивших арабам отразить наступление империализма и сионизма на их законные права и интересы. «Советский Союз, — указывал Л. И. Брежнев в ответах на вопросы корреспондента «Правды» в декабре 1977 года, — был и остается последовательным сторонником всеобъемлющего урегулирования в этом районе мира с участием всех заинтересованных сторон, включая, разумеется, и Организацию освобождения Палестины...

Мы отнюдь не считаем, что путь односторонних уступок Израилю и сепаратных переговоров с ним — таких, как пресловутые переговоры египетских и израильских руководителей, — ведет к этой цели. Напротив, он уводит от нее, создавая глубокий раскол в арабском мире. Это — линия на срыв подлинного урегулирования, и прежде всего на подрыв Женевской конференции еще до ее начала.

А усиленное расхваливание воображаемых «преимуществ» так называемых прямых переговоров, то есть переговоров Израиля с каждой из подвергшихся его напа-

дению стран, есть по сути дела не что иное, как попытка лишить арабов силы, которая заключается в их единстве и в поддержке их справедливого дела дружественными государствами»¹⁷. Продолжая выступать за созыв Женевской конференции, Советский Союз в то же время был решительно против того, чтобы она использовалась для прикрытия сепаратных сделок, и принял тогда практические шаги для противодействия этому.

Как известно, одной из главных целей организаторов сепаратных египетско-израильских контактов было стремление изолировать арабские страны, насколько это возможно, от Советского Союза и других союзников арабов в антиимпериалистической борьбе. Однако ослабить узы дружбы и сотрудничества, связывающие СССР с арабским миром, им не удалось. Напротив, различные арабские государства, и прежде всего прогрессивные арабские режимы, хорошо сознавая, сколь важное значение для их коренных интересов имеют отношения с Советским Союзом, особенно в период нового осложнения ситуации на Ближнем Востоке, осуществили меры по дальнейшему развитию этих отношений. Так, в конце 1977 — начале 1978 годов в Москву для переговоров с советскими руководителями приезжали главы и руководящие деятели многих арабских государств, а также ООП. Среди них — Х. Асад и А. Х. Хаддам (Сирия), Х. Бумедьен (Алжир), А. Н. Мухаммед (НДРГ), А. С. Джеллуд (Ливия), Я. Арафат (ООП) и ряд других. Эти визиты внесли важный вклад в дело упрочения солидарности антиимпериалистических сил на Ближнем Востоке, способствовали координации действий социалистических и арабских государств в борьбе за справедливое урегулирование ближневосточной проблемы.

Весьма негативно либо крайне сдержанно реагировали на «инициативу» Садата многие другие страны, в частности в Азии и Африке. Американская газета «Крисчен сайенс монитор» писала в этой связи: «США предприняли серьезные усилия, чтобы организовать международную поддержку попыткам президента Египта сблизиться с Израилем, но пока что никаких сколько-нибудь заметных успехов не достигнуто»¹⁸. Разумеется, необычайный по своей интенсивности пропагандистский залп империалистических и сионистских кругов, на все лады превозносивших через контролируемые ими средства

массовой информации визит Садата как «исторический прорыв» к миру на Ближнем Востоке, не мог не повлиять все же на некоторых членов международного сообщества. Однако эта искусственно стимулированная «эйфория» чем дальше — тем больше угасала, постепенно сменялась растущим скептицизмом. Подобный перепад настроений (например, в западноевропейских странах) был связан и с бурными протестами в арабском мире против односторонних действий Каира, и с крахом расчетов на то, что вслед за Садатом паломничество в Иерусалим совершат другие арабские руководители, и с непримиримой позицией Израиля в отношении справедливых требований арабов, которая была наглядно продемонстрирована в ходе египетско-израильских контактов. Об отношении мирового общественного мнения к политике сепаратных сделок красноречиво говорит тот факт, что при обсуждении ближневосточной проблемы Генеральной Ассамблеей ООН, состоявшемся сразу после визита Садата, подавляющее большинство членов Объединенных Наций высказалось не за «прямые переговоры» Израиля с арабами по типу израильско-египетских, а за комплексное всеобъемлющее урегулирование конфликта в рамках Женевской мирной конференции при обязательном участии Организации освобождения Палестины.

В тенетах капитулянтства

Не успел Садат вернуться из Израиля, как египетский режим стал осуществлять практические шаги по реализации договоренностей, достигнутых на переговорах в Иерусалиме. Они имели откровенную антипалестинскую направленность.

Собственно, меры против палестинцев были приняты уже накануне и в ходе визита Садата. Египетские власти закрыли базировавшуюся в АРЕ радиостанцию «Голос Палестины», жестоко расправились с участниками мирной демонстрации палестинской молодежи в Каире, арестовали большое число палестинских студентов. После визита наступление на права палестинцев приобрело еще более широкий размах. Из Египта были высланы официальный представитель ООП Д. ас-Саурани, сотрудники бюро ООП, руководящие деятели и представители ряда

других палестинских организаций. Вместе с ними страну были вынуждены покинуть сотни палестинцев. Многие другие оказались в египетских тюрьмах. В считанные дни саатовский режим фактически покончил с деятельностью ПДС на территории Египта.

Одновременно было объявлено о приглашении в Каир палестинских деятелей с оккупированных арабских территорий «для обсуждения положения, сложившегося после поездки президента Садата в Иерусалим»¹⁹. Это было воспринято в арабском мире как явная попытка обойти ООП, подменить ее квислингами из числа палестинцев, готовыми поддержать сепаратный курс египетского руководства. Подобные действия египетских властей являлись грубым нарушением решений арабского совещания в верхах (1974 г.) в Рабате, которое признало ООП единственным законным представителем арабского народа Палестины. Однако реализовать свои замыслы Садату не удалось. Мэры различных городов на оккупированных арабских землях — Наблуса, Тулькарма, Хеброна, Дженина и др. — отвергли адресованное им приглашение, подчеркнув при этом, что палестинцев может представлять лишь ООП.

Наряду с акциями против ПДС саатовский режим развязал настоящую пропагандистскую войну против арабских стран — многолетних союзников Египта в борьбе против израильской агрессии. Поскольку аргументов для обоснования своей позиции египетским властям явно не хватало, в ход нередко шла откровенная брань. Наглядное представление об уровне, на котором велась эта «полемика», дает, например, выступление Садата на митинге в Каире 8 декабря 1977 г. Говоря об арабских руководителях, подвергающих критике его курс, он назвал их «авантюристами», «карликами», «невеждами»²⁰. Через несколько дней в одном из интервью египетский президент сравнил их с «мышьями и обезьянами».

Сразу после возвращения Садата из Иерусалима египетские власти начали готовить почву для дальнейших контактов с Израилем на сепаратной основе. Как и раньше, это сопровождалось демагогическими заявлениями о «верности арабскому делу и арабской солидарности», «стремлении содействовать справедливому всеобъемлющему урегулированию на Ближнем Востоке» и т. п. Вновь для прикрытия своих истинных намерений Садат лице-

мерно сделал вид, будто он печется о скорейшем созыве Женевской мирной конференции. В своем выступлении в Народном собрании 26 ноября 1977 г. он, в частности, заявил, что приглашает все заинтересованные стороны, в том числе Израиль, направить своих представителей в Каир в начале декабря для «подготовки этой конференции»²¹. Но об Организации освобождения Палестины в этом продолжительном выступлении, как и в речи в кнессете, египетский президент не сказал ничего.

Показательна быстрота, с которой отреагировал на предложение Садата Тель-Авив. Чиня всяческие препятствия созыву Женевской конференции, израильские правители в то же время сочли возможным немедленно дать согласие на участие в каирской встрече, которая, по официальной египетской версии, предназначалась для подготовки этой конференции. Здесь нет никакого противоречия. Ведь Тель-Авиву было прекрасно известно, что предложение Египта никакого отношения к женевскому форуму не имеет. Более того, по сообщению американской телекомпании Си-би-эс, которая ссылалась на информированные источники, идею проведения каирской встречи Израиль и Египет обговорили и согласовали заранее. Заблаговременно были информированы о ней и США. Как заявил представитель американской администрации, «правительство США было уведомлено о содержании речи президента Садата еще до того, как текст речи был передан ему». Не удивительно, что и Вашингтон тут же сообщил, что принимает предложение Каира.

Этот маневр организаторов политики сепаратных сделок, с помощью которого они надеялись ввести в заблуждение арабскую и мировую общественность, успеха, однако, не имел. Арабские страны, ООП наотрез отказались участвовать в фарсе, подготовленном садатовским режимом вместе со своими империалистическими и сионистскими покровителями. Министр иностранных дел Сирии А. Х. Хаддам подчеркнул, что его страна рассматривает каирскую встречу «как прикрытие для продолжения египетско-израильских контактов». Официальный представитель ООП М. Лабади указал, что предложение Садата «является не чем иным, как попыткой получить одобрение двусторонних переговоров Египта с Израилем».

О своем решительном отказе участвовать в махинациях организаторов сепаратных сделок заявил Советский

Союз. Потерпели фиаско также попытки США, Египта и Израиля привлечь к каирской встрече Организацию Объединенных Наций.

Видя, в сколь сложном положении оказался саатовский режим, из-за кулис на авансцену решила выйти американская администрация. Из Вашингтона последовало «предложение» отложить каирскую встречу до середины декабря, что и было сделано. Кроме того, США, как сообщил один из самых осведомленных американских обозревателей Д. Рестон, указали Садату на то, что «он заходит слишком далеко, действует слишком поспешно и слишком открыто и ему следует немного сбавить темпы»²².

Одновременно американцы усилили давление на различные арабские страны, стремясь заставить их пересмотреть свое негативное отношение к курсу египетского руководства. «Мы пытаемся, — заявил президент Картер на пресс-конференции 30 ноября 1977 г., — побудить сирийцев, ливанцев, иорданцев поддерживать проходящие переговоры, которые начались в Иерусалиме и будут продолжены в Каире. Мы начали использовать все свое влияние, чтобы другие арабские страны воздержались от осуждения президента Садата, поскольку это подрывает его позиции». С этой целью на Ближний Восток был срочно направлен государственный секретарь США Вэнс, посетивший 9—15 декабря наряду с Египтом и Израилем Иорданию, Ливан, Сирию, Саудовскую Аравию. Он вернулся за океан ни с чем. Никто из арабов не захотел присоединиться к Садату.

14 декабря 1977 г. началась американско-египетско-израильская встреча в Каире. Делегации возглавляли: американскую — помощник государственного секретаря США А. Атертон, египетскую — постоянный представитель АРЕ при ООН И. Абдель Магид, израильскую — начальник канцелярии премьер-министра Э. Бен-Элиазар. В ходе переговоров, проходивших в гостинице «Мена-хауз» у подножия пирамид, египтяне получили возможность вновь убедиться в непримиримости Тель-Авива. Израильские представители навязывали свои условия буквально по всем вопросам. Дело дошло до того, что они в ультимативной форме потребовали снять палестинский флаг, вывешенный устроителями встречи перед зданием «Мена-хауз» для придания видимости «представительно-

сти» каирскому мероприятию, а также табличку с надписью «Организация освобождения Палестины», которая с той же целью была установлена перед пустующими креслами, якобы предназначенными для палестинской делегации. Недолго поломавшись, египтяне удовлетворили эти израильские требования.

Пока участники каирской встречи вели свои дискуссии, Садат оказал очередную «любезность» правителям Израиля. Он открыто поставил под сомнение право ООП представлять палестинцев. Выступая на пресс-конференции в египетской столице, Садат заявил, что ООП, «подписав резолюцию триполийского совещания, уже отменила решения рабатского совещания в верхах, возлагающие на нее ответственность как на единственного законного представителя арабского народа Палестины».

Но главное действие в той крупной и опасной игре, которая велась на Ближнем Востоке империалистическими и сионистскими кругами, происходило в те дни не в Каире, а в Вашингтоне, куда в срочном порядке 14 декабря 1977 г. вылетел израильский премьер-министр Бегин. Он намеревался обсудить со своими заокеанскими покровителями «план мира», подготовленный Тель-Авивом в ответ на «инициативу» Садата. В общих чертах этот план был публично изложен Бегинем в его выступлении по американскому телевидению перед отлетом из США, а более детально — в ходе дебатов в кнессете в последней декаде декабря.

Предложения Израиля свидетельствовали о его стремлении продолжать в чуть подновленном виде прежнюю политику экспансии, не допустить ликвидации последствий агрессии 1967 года. «План Бегина» отказывал арабскому народу Палестины в праве на самоопределение и создание собственного государства, предусматривая лишь куцую «административную автономию» для населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа под контролем Тель-Авива, при сохранении израильской оккупации. Согласно этому плану, восточная часть Иерусалима безоговорочно отходила к Израилю, не подлежали ликвидации военизированные израильские поселения, созданные на захваченных арабских землях. В предложениях Бегина ничего не говорилось о судьбе отторгнутых у Сирии Голанских высот. Хотя израильский «план мира» провозглашал в общей форме готовность Тель-Авива уйти

с Синая, это сопровождалось большим числом оговорок и условий, наносящих ущерб интересам Египта.

Аннексионистская сущность израильского плана была столь очевидна, что шокирована была даже официозная египетская пресса. «Те, кто знакомится сейчас с предложениями Бегина и его недавними высказываниями, — с обидой писала каирская «Аль-Гумхурия», — невольно задают себе вопрос: неужели это тот самый почетный мир, ради которого народы нашего района в течение 30 лет вели ожесточенную кровопролитную борьбу, неужели это тот мир, который признает суверенитет каждого народа над своей территорией, право каждого народа на самоопределение, право жить в рамках признанных международных границ?»²³ На откровенно антиарабский характер «плана Бегина» указывали и многие органы буржуазной печати Запада. Так, французская «Фигаро» подчеркивала: «Израильский премьер-министр изложил предложения по урегулированию, которые, как совершенно ясно, не может принять ни одна арабская страна, даже Египет»²⁴. Газета, однако, не могла предвидеть, как далеко пойдет в своем предательстве Садат. Забегая вперед, скажем, что в основу последующих египетско-израильских соглашений лег все же пресловутый «план мира» Бегина.

Администрация Картера опять продемонстрировала произраильскую направленность политики США, выразив свое одобрение предложениям, которые привез в Вашингтон израильский премьер. После этого Бегин решил представить их на «рассмотрение» Египта.

20 декабря 1977 г. в Александрию прибыл министр обороны Израиля Э. Вейцман, который был дважды принят Садатом в Исмаилии и имел многочасовые беседы с военным министром АРЕ А. Г. аль-Гамаси. А 25—26 декабря Египет посетил сам Бегин. Его переговоры с Садатом состоялись в Исмаилии.

В преддверии этой второй египетско-израильской встречи в верхах пропагандистские органы садатовского режима принялись на все лады увещевать израильских руководителей, призывая их «снять с себя старый костюм», «понять великий смысл предоставившейся им возможности» и т. п.²⁵ Иначе говоря, у израильского агрессора откровенно выпрашивали уступки. В аналогичном духе высказывался и Садат. «Я жду, я продолжаю

ждать, — провозглашал он в одном из своих интервью. — У меня много терпения».

Как и во время визита Садата в Иерусалим, империалистические и сионистские органы пропаганды подняли невероятную шумиху вокруг новых переговоров египетских и израильских руководителей. В Исмаилию съехалось около 2 тыс. египетских и зарубежных корреспондентов. Под аршинными заголовками сообщалось, что президент Картер обратился к Садату и Бегину, прося их «преподнести миру рождественский подарок». Во всех подробностях описывались фасоны костюмов участников встречи, цвет их галстуков, убранство помещений, где проходили беседы, и т. д. Не было конца умилению по поводу того, что египетский президент, сам управляя автомобилем, катал Бегина по улицам города. Садат и Бегин охотно позировали репортерам, много улыбались, шутили, обменивались любезностями. Но вся эта шумиха, все это показное «дружелюбие» не могли скрыть того очевидного факта, что никакого движения в сторону подлинного мира на переговорах в Исмаилии не происходило.

Несмотря на все призывы официального Каира, Бегин, как он сам подчеркнул на пресс-конференции после завершения исмаилийской встречи, не внес каких-либо принципиальных коррективов в свой «план мира», который был согласован с США. Он вновь демонстративно повторил израильскую интерпретацию резолюции 242 Совета Безопасности ООН, заявив, что эта резолюция якобы не обязывает Тель-Авив полностью выводить свои войска с арабских земель. Об агрессивных намерениях израильского премьера свидетельствовали и его наглые утверждения, будто принцип отказа от захвата территорий силой не может быть применен к проблеме оккупации Израилем арабских территорий, поскольку агрессия 1967 года была, дескать, «войной законной самообороны».

В тот период Садат еще не был готов принять «план Бегина» и поэтому отверг — во всяком случае публично — израильские предложения. Но уже тогда он прилагал все силы, чтобы, вопреки фактам, доказать, будто в позиции Тель-Авива происходят «позитивные сдвиги» и она «начинает учитывать арабские требования». Иными словами, он, по существу, добровольно взял на себя роль адвоката израильских экспансионистов. Чего стоит, на-

пример, такое его высказывание в интервью американской телевизионной компании Эн-би-си сразу после завершения встречи в Исмаилии: «Израильтяне предлагают автономию для палестинцев, мы предлагаем самоопределение. Разве это не большой скачок и не подлинный успех, если спустя всего 40 дней со времени посещения мною Иерусалима мы расходимся по палестинскому вопросу только (!) в этом отношении».

Конечно, выдавать желаемое за действительное было трудно, тем более что Израиль демонстративно подчеркивал свою приверженность жесткой агрессивной линии и отказывался отойти от нее хотя бы на шаг. Но и тут у саатовского режима находилось «оправдание» для Тель-Авива. Оказывается, поведал миру главный редактор египетского официоза «Аль-Ахрам» аль-Гаммаль, неуступчивость Бегина по вопросу о национальных правах палестинцев объясняется... позицией ООП, которая отвергла «мирную инициативу» Садата²⁶.

Хотя египетский президент и его пропагандистский аппарат продолжали твердить, что на сепаратное соглашение с Израилем Каир не пойдет, на переговорах в Исмаилии вполне конкретно рассматривался вопрос о заключении «мирного» договора между двумя странами. Это подтверждают, в частности, материалы пресс-конференции Садата и Бегина. Им был задан вопрос: «Г-н президент и г-н премьер-министр, можете ли вы сказать, что Израиль и Египет близки к заключению мирного договора?» Садат сделал вид, что обиделся: «Мирного договора между Египтом и Израилем? Мы работаем над всеобъемлющим урегулированием». Бегин, однако, прокомментировал эту тему иначе. «Переговоры в Исмаилии были успешными, — отметил он. — Теперь начинается стадия самых серьезных детальных переговоров о путях установления мира между Египтом и Израилем». Высказанная при этом оговорка, что этот мир «явится частью всеобъемлющего урегулирования», понятно, ничего не меняла.

Таким образом, направление совместных египетско-израильских «поисков мира» на Ближнем Востоке обозначилось весьма четко. Это — подготовка сепаратной египетско-израильской сделки за счет коренных интересов арабов, прежде всего арабского народа Палестины.

Многое говорит о том, что после встречи в Исмаилии число выгодных Израилю «точек соприкосновения» в по-

зициях Каира и Тель-Авива заметно возросло. Так, хорошо информированный «Монд дипломатик» сообщал, что к этому времени Садат негласно «признал справедливость следующих израильских соображений: конфликт в июне 1967 года был для Израиля оборонительной войной, что дает ему полную возможность предъявить притязания на оккупированные территории; создание независимого палестинского государства не является необходимым условием обсуждаемого мирного договора»²⁷.

В ходе переговоров Садат и Бегин достигли договоренности о создании «в рамках каирской встречи» двух комитетов — политического и военного, которые должны были проводить свои заседания в Иерусалиме и Каире. Имелось в виду, что первый комитет (трехсторонний, в составе министров иностранных дел Египта, Израиля и США) займется политическими вопросами «урегулирования», а второй (двусторонний, на уровне министров обороны Египта и Израиля) — военными аспектами готовившейся сделки. После этого было немедленно объявлено, что каирская встреча «завершила первый этап своей работы». Практически же эта встреча, которая была задумана ее организаторами как «широкий, представительный международный форум», тихо сошла на нет. Расчеты на то, что с ее помощью удастся создать подходящую ширму для прикрытия антиарабского сговора Каира с Тель-Авивом, позорно провалились. «Никто и не помышляет больше о том, чтобы отрицать сепаратный характер египетско-израильских переговоров»²⁸, — писала в этой связи газета «Фигаро».

Разумеется, предательство Садата само по себе служило гарантией того, что эти переговоры завершатся «успешно» в соответствии с замыслами США и Израиля. Но египетский президент, столкнувшись с лавиной протестов арабов против его беспринципного сотрудничества с Тель-Авивом, остро нуждался хотя бы в видимости уступок со стороны израильских руководителей по территориальной и палестинской проблемам, тем более что версия о «скором мире» на арабских условиях, активно распространявшаяся официальным Каиром для обоснования своего курса, стала весьма скоро работать против него: время шло, а обещанный «справедливый мир» не предвиделся. В этих условиях взоры Садата обратились к Вашингтону.

Как раз после второй египетско-израильской встречи в верхах президент Картер отправился в длительный зарубежный вояж с заездом на Средний и Ближний Восток. Придавая большое значение вовлечению арабов в русло сепаратных сделок с Израилем, он посетил Саудовскую Аравию, а также провел незапланированные программой визита встречи с королем Иордании Хусейном в Тегеране и с Садатом в Асуане (4 января 1978 г.). Накануне своего турне Картер в интервью корреспондентам основных телекомпаний США высказался категорически против создания независимого палестинского государства²⁹. Сетую по этому поводу, египетская печать перед встречей в Асуане умоляла американского президента скорректировать свою позицию с учетом арабских интересов и оказать соответствующее воздействие на Израиль. При этом всячески подчеркивалось, что Египет является «надежным союзником США» и «оплотом борьбы с коммунизмом».

Но Картер остался глух к стенаниям Каира. После возвращения в Вашингтон он снова заявил на пресс-конференции: «Я никогда не считал и не считаю, что для нас, для ближневосточных стран и для всего мира было бы благоразумно иметь независимое палестинское государство, расположенное между Израилем и Иорданией». Не изменили США и своей позиции в отношении вывода израильских войск с оккупированных в 1967 году арабских территорий. Что касается надежд египетского руководства на американскую помощь в обуздании аннексионистских притязаний Тель-Авива, то государственный секретарь США Вэнс прямо указал после асуанской встречи, что Вашингтон не намерен оказывать давление на Израиль ни путем ограничения поставок вооружения, ни путем сокращения экономической поддержки.

Свой «сюрприз» египетскому режиму подготовил Израиль. Садат, видимо, полагал, что добиться согласия Тель-Авива на освобождение Синайского полуострова будет в общем-то несложно, учитывая неоднократные прежние заявления израильских лидеров об их готовности «вернуть Синай в обмен на мир». Это, как казалось ему, подтвердила и встреча в Исмаилии. Близкий к Садату главный редактор газеты «Аль-Ахбар» М. Сабри писал, что на этой встрече между Египтом и Израилем

«не было расхождений относительно полного вывода израильских войск с Синайского полуострова на международные границы Египта»⁵⁰. Однако не успел Бегин вернуться домой, как израильский кнессет принял решение об укреплении и расширении еврейских поселений на Синае. Прибывший в АРЕ 11 января 1978 г. министр обороны Израиля Вейцман выдвинул на заседании египетско-израильского военного комитета заведомо неприемлемые для Египта условия эвакуации израильских войск с египетских территорий (сохранение военизированных поселений и некоторых военных аэродромов Израиля, обеспечение его контроля над Шарм аш-Шейхом и рядом других стратегически важных пунктов на Синайском полуострове и т. п.). С этих же позиций Израиль выступал и на заседании трехстороннего египетско-израильско-американского политического комитета, открывшемся в Иерусалиме 17 января 1978 г. с участием госсекретаря США Вэнса. Намерения Тель-Авива были ясны: ужесточив до предела свои требования в отношении Синая, он рассчитывал использовать это как рычаг давления на египетских руководителей, чтобы добиться их капитуляции по ключевым проблемам ближневосточного конфликта.

Обескураженный поведением американцев и израильтян Садат сделал вид, что собирается «хлопнуть дверью». Вечером 18 января 1978 г. он объявил, что прерывает переговоры с Израилем, и дал указание своему министру иностранных дел М. И. Камелю «немедленно покинуть Иерусалим». Израильское руководство отнеслось к этой акции Каира весьма спокойно. Оно считало (и вполне резонно), что египетский президент просто-напросто блефует.

Провал египетско-израильских переговоров, естественно, не входил в планы США. Слишком большая ставка была сделана на них. К этому времени в деятельности американской администрации начала все более явственно просматриваться тенденция к блокированию и подрыву разрядки международной напряженности, расширению прямого военного присутствия США в различных районах мира, усилению американского вмешательства во внутренние дела независимых государств и народов. Эта тенденция, получив дальнейшее развитие в последующие годы, стала в конце-концов определяющей в политике

Вашингтона. Активизация агрессивных происков американского империализма происходила в том числе и на Ближнем Востоке. В начале 1978 года министр обороны США Г. Браун издал директиву, предусматривавшую, в частности, использование американских войск в зоне Персидского залива «при чрезвычайных обстоятельствах». В соответствии с этой директивой Пентагон приступил к созданию специального мобильного соединения в составе ударных авиадесантных частей и подразделений морской пехоты, которое могло быть в любой момент переброшено в указанный район под предлогом «защиты» нефтяных источников. Так было положено начало пресловутым «силам быстрого развертывания» (СБР), которым ныне отводится столь важная роль в глобальных планах американской военщины. В этот же период США развернули интенсивный поиск военных баз и «опорных пунктов» на Ближнем Востоке для своих вооруженных сил, вынашивали идею расширения агрессивного блока СЕНТО с подключением к нему ряда арабских стран прозападной ориентации. К милитаристским приготовлениям Вашингтона привлекались и его европейские союзники. Весной того же 1978 года были проведены маневры военно-морских сил НАТО в Красном море и Индийском океане.

Неотъемлемой частью этой стратегической линии США было их стремление форсировать создание под своей эгидой военно-политического альянса Израиля и Египта, имея в виду распространить его в дальнейшем и на другие арабские государства. Вот почему сразу после демарша Садата американцы приняли срочные меры по спасению зашедших в тупик египетско-израильских переговоров. Прежде всего был оказан прямой нажим на Каир. С этой целью Египет 20 января 1978 г. посетил Вэнс. Как сообщала газета «Нью-Йорк дейли ньюс», Садату посоветовали «унять его нетерпеливость, отказаться от неожиданных сенсационных жестов вроде прекращения переговоров в Иерусалиме». Одновременно ему последовало приглашение посетить Вашингтон. Кроме того, США решили вновь гальванизировать методы «челночной дипломатии», направив с этой целью на Ближний Восток в конце января 1978 года помощника госсекретаря А. Атертона. Все это возымело свое действие. Египетские власти дали согласие на возобновление работы еги-

петско-израильского военного комитета, и уже 31 января в Каир для участия в его заседаниях прибыл Вейцман.

В начале февраля 1978 года Садат отправился в США. Его длительные беседы с Картером не принесли ничего утешительного Каиру. Египетскому президенту фактически рекомендовали подстраиваться под израильскую политику. После завершения переговоров Садат, по сообщениям корреспондентов, выглядел «угрюмо и насто-роженно».

В порядке компенсации египетскому президенту за его «издержки» при осуществлении сепаратного курса Соединенные Штаты согласились частично удовлетворить его просьбу о поставках Каиру военной техники. Это должно было также, по замыслам американцев, облегчить получение новых уступок от Египта, еще теснее привязать его к военно-политической стратегии Вашингтона в ближневосточном регионе. Но свое обещание Садату США выполнили таким образом, что в выгоде в первую очередь оказался не Каир, а Тель-Авив. 14 февраля 1978 г. в Вашингтоне было объявлено о решении администрации Картера осуществить «комплексную поставку» 200 боевых самолетов трем ближневосточным странам на общую сумму 4,8 млрд. долларов. 90 из них предназначались Израилю, 60 — Саудовской Аравии и только 50 — Египту. Причем, если Тель-Авиву передавались машины последних образцов (15 истребителей-бомбардировщиков «F-15» и 75 истребителей «F-16»), то Каиру выделялись заметно уступающие им по боевым качествам истребители «F-5» (Саудовская Аравия, которую американцы усиленно обхаживали, учитывая ее роль ведущего на мировом рынке экспортера нефти, получила самолеты типа «F-15»).

Во второй половине февраля 1978 года начался очередной раунд «челночной дипломатии» Атертона. Он курсировал между Иерусалимом и Каиром, навещался в Иорданию, пытаясь сдвинуть с мертвой точки сепаратные переговоры. Перед ним была поставлена задача сосредоточить усилия на выработке некоей «декларации о принципах урегулирования». Однако, как справедливо подчеркивала печать многих стран, такие принципы уже давно имелись. Они были зафиксированы в соответствующих решениях ООН, советско-американском заявлении от 1 октября 1977 г. Но эти признанные международным

сообществом положения, осуществление которых реально открывало путь к справедливому и прочному миру на Ближнем Востоке, явно не устраивали вдохновителей политики сепаратных сделок. Они стремились к другому: сконструировать пышные и вместе с тем ни к чему не обязывающие фразы, которые помогли бы замаскировать сепаратный характер египетско-израильских договоренностей и позволить Тель-Авиву продолжать свой аннексионистский курс, а саатовскому режиму оправдывать свое капитулянтство. Задача оказалась непростой, и дело двигалось туго.

Между тем Израиль, считая, что после выхода Египта из общеарабской борьбы он может безнаказанно совершать любые акции на Ближнем Востоке, подготовил и осуществил в марте 1978 года новую агрессию против арабов. Его удар был направлен против Ливана, который, учитывая кризис, переживаемый этой страной, рассматривался правителями Тель-Авива в качестве одного из слабых звеньев арабского сопротивления. Своим вероломным нападением Израиль намеревался устроить арабские страны, силой навязать им свои условия «урегулирования», склонить Ливан к заключению сепаратного мира, разгромить отряды ПДС, находившиеся на ливанской территории, а заодно «прирезать» себе новые арабские земли.

Вторгшись в Ливан в ночь с 14 на 15 марта, израильские войска численностью в 35 тыс. человек оккупировали всю южную часть страны вплоть до реки Литани (17% ливанской территории). В результате этой варварской агрессии, совершенной с применением самых смертоносных видов оружия (истребители-бомбардировщики «F-15», новейшие танки, ракеты, шариковые и кассетные бомбы и т. п.), было убито около 1300 ливанцев и палестинцев, а еще почти 4 тыс. человек получили ранения. Свыше 265 тыс. жителей юга Ливана были вынуждены покинуть свои дома и искать спасения в центральных и северных районах страны. На территории, подвергшейся агрессии Тель-Авива, оказались разрушенными 80% городов и деревень.

Этот разбой Израиль учинил при фактическом одобрении Вашингтона. Официальные представители американской администрации заявили о своем «понимании» политики израильского руководства в ливанском вопро-

се. 19 марта 1978 г., когда израильская военщина зверствовала на ливанской земле, в США с большой помпой принимали Бегина, прибывшего с «дружественным визитом». Накануне агрессии в Вашингтоне побывал министр обороны Израиля Вейцман. Судя по имеющейся информации, американские власти были заблаговременно поставлены в известность о намерениях Тель-Авива в отношении Ливана.

Садатовский режим попытался отмежеваться от преступных действий Израиля, заявив о своем «осуждении» его агрессии против Ливана. Но эти лицемерные заявления никого не могли ввести в заблуждение. Как подчеркивала, например, алжирская газета «Аш-Шааб», Израиль не решился бы на боевые действия в Ливане, если бы «Египет занимал другую позицию».

Тель-авивская военщина с самого начала натолкнулась на упорное сопротивление вооруженных отрядов ливанских патриотов и ПДС, которые, несмотря на неблагоприятное для них соотношение сил, нанесли ощутимый урон захватчикам. Так, за первые 4 дня боев израильские войска потеряли 450 человек убитыми и ранеными, около 100 танков и бронемашин различных типов, 4 самолета.

Агрессия Израиля была решительно осуждена всеми арабскими государствами. В Дамаске было проведено экстренное совещание министров иностранных дел и обороны стран — членов Национального фронта стойкости и противодействия, наметившее ряд практических мер по оказанию помощи ливанцам и палестинцам в их борьбе против израильского нападения и потребовавшее незамедлительного и полного вывода войск агрессора с ливанской территории.

С гневным протестом против разбоя Тель-Авива выступили Советский Союз, другие государства социалистического содружества. Широкий резонанс на международной арене получило заявление ТАСС в связи с израильской агрессией, опубликованное 17 марта 1978 г. Высоко оценивая солидарность, проявленную СССР в трудный для Ливана период, Центральный политический совет национально-патриотических сил Ливана подчеркнул, что «неуклонная поддержка Советским Союзом борьбы ливанского народа и всех арабских народов дает возможность арабскому национально-освободительному движе-

нию сохранять свои позиции перед лицом заговоров империализма, сионизма и реакции»³¹.

Свое возмущение наглыми действиями Тель-Авива выразили и многие другие государства различных континентов планеты. Это отчетливо проявилось в ходе рассмотрения в ООН жалобы Ливана в связи с израильской агрессией. После трехдневных заседаний Совет Безопасности ООН принял 19 марта 1978 г. резолюцию 425, в которой призвал Израиль немедленно прекратить военные действия против Ливанской Республики и незамедлительно эвакуировать свои войска со всей захваченной ливанской территории. Одновременно предусматривалось создание сил ООН по поддержанию мира в Ливане. Поскольку резолюция не содержала прямого осуждения преступного нападения израильской военщины на эту страну, чего добивался СССР, советская делегация при голосовании воздержалась. Однако она приняла к сведению соответствующую просьбу ливанского правительства и поэтому не препятствовала принятию данной резолюции.

Столкнувшись с широким противодействием его разбойничьим акциям и не добившись своих целей, Израиль был вынужден уйти с оккупированных ливанских земель. Однако вывод израильских войск затянулся до середины июня 1978 года. Причем многие ключевые позиции в южных районах Ливана Тель-Авив в нарушение резолюции 425 передал своим правохристианским марионеткам во главе с майором Хаддадом. Тем самым была создана база для новых агрессивных действий Израиля против ливанского и палестинского народов.

Садатовский режим не счел нужным дожидаться прекращения разбоя израильской военщины на юге Ливана, чтобы продолжить сепаратный торг с Тель-Авивом. Всего через полторы недели после широкомасштабного вторжения израильских войск на ливанскую территорию министр иностранных дел Египта Камель, а затем сам Садат публично подтвердили, что Каир по-прежнему выступает за «мирные переговоры» с Израилем. Эти выступления воочью показали подлинную цену заявлениям египетского руководства об «осуждении» действий Тель-Авива в Ливане. В ответ на призывы египетских лидеров в Каире 30 марта 1978 г. в очередной раз оказался министр обороны Израиля Вейцман.

В этот период органы массовой информации США,

других стран Запада, Израиля стали активно муссировать сообщения о «серьезных разногласиях» и даже «кризисе», якобы возникших в американо-израильских отношениях. Приняв все это за чистую монету, садатовские пропагандисты также с большим усердием ухватились за данную тему. В действительности ни о каком «несовпадении позиций» Вашингтона и Тель-Авива говорить, естественно, не приходилось. Оба партнера — и старший, и младший — по-прежнему действовали рука об руку. Если между ними и были определенные расхождения во мнениях, то они касались лишь второстепенных вопросов тактического порядка. Шумиха о мнимых «разногласиях» понадобилась израильским правителям (причем не в первый раз), чтобы с помощью сионистского лобби в США «приструнить» американскую администрацию, не допустить каких-либо нежелательных для Израиля изменений в ее ближневосточном курсе, добиться от Вашингтона новых военных поставок и финансовых даров. Не осталось в накладе и американское руководство: за дымовой завесой разговоров о «кризисе» в американо-израильских отношениях было легче скрывать от арабов односторонний, произраильский характер политики Соединенных Штатов Америки.

Игра в «разногласия» продолжалась очень недолго. Из Вашингтона одно за другим посыпались заявления, призванные ублажить израильских агрессоров. Так, в конце апреля 1978 года президент Картер в интервью английской газете «Санди таймс» в очередной раз подчеркнул, что он «никогда не ратовал за независимое палестинское государство» и не будет этого делать впредь и что США не намерены добиваться полного вывода израильских войск с захваченных арабских территорий. Тогда же, выступая на встрече с представителями печати в Вашингтоне, он сообщил, что американская администрация при осуществлении поставок вооружения на Ближний Восток «уделяет наивысшее внимание нуждам Израиля», причем, как было сказано, эти поставки «в довольно большой степени определяются самим Израилем». В ходе второго в 1978 году визита Бегина в США (30 апреля — 7 мая) Картер привел в восторг израильского премьера и сопровождавших его лиц, заявив: «Мы никогда не будем колебаться в нашем абсолютном обязательстве по обеспечению безопасности Израиля. Я могу

со всей определенностью сказать, что мы будем выполнять это обязательство вечно». Что означает слово «безопасность» на языке вашингтонских и тель-авивских политиков, мы уже говорили. Бегин назвал упомянутое заявление американского президента «одним из величайших моральных обязательств», которые когда-либо давались Соединенными Штатами.

С аналогичных, откровенно израильских позиций США продолжали выступать и при осуществлении своей «посреднической» миссии на сепаратных египетско-израильских переговорах. Стремясь продвинуть вперед эти переговоры, которые постоянно буксовали, американцы «выкручивали руки» не Бегину, а Садату. Это отчетливо проявилось во время визитов высокопоставленных эмиссаров Вашингтона в Египет — госсекретаря Вэнса (середина апреля 1978 г.) и вице-президента Мондейла (начало июля 1978 г.).

Кризис политики сепаратных сделок становился все более очевидным. Весьма показательны в этом плане высказывания генерального секретаря ООН К. Вальдхайма в его интервью австрийскому радио летом 1978 года. «Уже окончательно стало ясно, — подчеркнул он, — что инициатива Садата не принесла никаких перемен к лучшему». С течением времени улетучивались надежды империалистических и сионистских кругов на то, что удастся подключить к египетско-израильским переговорам кого-либо из арабов.

Недовольство курсом на беспринципное «замирение» с израильским агрессором усиливалось внутри Египта. Большое впечатление на египетскую общественность произвел разрыв с садатовским режимом посла АРЕ в Португалии, бывшего начальника Генерального штаба вооруженных сил страны Саш-Шазли, выступившего в июне 1978 года с резким осуждением проимпериалистической, антиарабской политики официального Каира. Стремясь подавить оппозиционные настроения, египетские власти приняли в начале июня 1978 года драконовский закон о «защите внутреннего единства и социального мира». Ряд членов Народного собрания Египта был лишен депутатских мандатов. В знак протеста против этих антидемократических действий объявила о своем самороспуске одна из ведущих оппозиционных партий страны «Новый вафд».

Бесперспективная и опасная политика навязывания сепаратного псевдомира на Ближнем Востоке подвергалась растущей критике также в Израиле. Наиболее решительно и последовательно против нее выступала Компартия Израиля. В ряде городов страны были проведены массовые митинги, участники которых осудили экспансионистский курс правительства Бегина.

Несмотря на проявившуюся абсолютную несостоятельность сепаратного подхода к ближневосточным проблемам, египетско-израильские переговоры практически не прерывались. «Движение» на них поддерживалось за счет того, что Садат, хотя и артачился, но сдавал раз за разом одну арабскую позицию за другой. «Египетский лидер, — вспоминал впоследствии Г. Эйлтс, занимавший до 1979 года пост посла США в Каире, — согласился на компромиссные решения по всем вопросам, о которых он сам же ранее говорил, что не пойдет в них ни на какие уступки»³².

Хотя, как известно, никто не уполномочил саатовский режим выступать от имени палестинцев, а тем более распоряжаться их национальными правами и землями, официальный египетский представитель заявил в начале января 1978 года, что Каир «не настаивает на немедленном создании палестинского государства и в любом случае предпочитает, чтобы палестинская территория была связана с Иорданией». В том же месяце Садат выдвинул предложение об установлении ограниченного мандата ООН над Западным берегом реки Иордан и сектором Газа, которое было решительно отклонено Организацией освобождения Палестины. В марте 1978 года он открыто выступил против Женевской мирной конференции, которая, по его словам, «может продолжаться без какого-либо прогресса десятки лет». Вскоре Садат допустил новый отход от согласованной линии арабов, предложив, чтобы Западный берег был передан Иордании, а Газа — Египту. Как заявил в беседе с корреспондентом ТАСС председатель Исполкома ООП Я. Арафат, «это — прямой удар по законным правам арабского народа Палестины, открытое нарушение резолюций совещаний глав государств и правительств арабских стран в Алжире и Рабате»³³. Но египетский президент пошел дальше. Выступая в кнессете летом 1978 года, лидер оппозиционной партии труда Израиля Ш. Перес сообщил, что в ходе встречи с ним в Ав-

стрии Садат дал согласие на изменение границ в пользу Израиля на Западном берегу реки Иордан.

Все эти уступки не привели, однако, к каким-либо изменениям жесткой позиции Тель-Авива. Израильское руководство явно добивалось полной капитуляции Садата. Потерпели неудачу и попытки египетского президента апеллировать к израильской оппозиции, в частности к Партии труда, чтобы с ее помощью оказать соответствующее влияние на Бегина (с этой целью Садат дважды встречался с Пересом — в феврале и июле 1978 г.). В вопросах, касающихся оккупированных арабских территорий и национальных прав палестинцев, между правящим блоком Ликуд и партией Переса не было никаких принципиальных разногласий. Очередные разочарования Каиру принесли встреча Садата с израильским министром обороны Вейцманом в Зальцбурге (Австрия) 13 июля 1978 г. и переговоры министров иностранных дел Египта и Израиля в английском замке Лидс 18—19 июля 1978 г. с участием госсекретаря США Вэнса.

В этих условиях Садат решил вновь сделать «драматический» жест, продемонстрировать свою «жесткость». 27 июля 1978 г. в Каире было объявлено о прекращении деятельности израильской военной миссии, которая находилась в Египте более полугода в связи с работой египетско-израильского военного комитета. Военный министр АРЕ аль-Гамаси оповестил, что «это решение правительства Египта подтверждает его позицию, согласно которой не будет никаких прямых контактов с Израилем до тех пор, пока правительство Бегина не выработает новых конструктивных предложений на переговорах по урегулированию». На Израиль показная «твердость» Садата, как и раньше, не произвела ни малейшего впечатления. «Несмотря на неожиданное решение Каира, — заявил Бегин, — шансы на прогресс мирных переговоров остаются хорошими».

Израильский премьер знал, что говорил. В Тель-Авиве прекрасно понимали, что никаких возможностей выступать «с позиции силы» у египетского режима нет. Учитывали здесь и заинтересованность США в установлении на Ближнем Востоке «мира по-американски». Так что шансы на навязывание Садату своих условий у израильского руководства были действительно хорошими.

Американская администрация, видя, что египетско-

израильский торг недопустимо затягивается, решила форсировать развитие событий. На Ближний Восток в срочном порядке выехал госсекретарь Вэнс. 6 августа 1978 г. он посетил Иерусалим, а 7 августа — Александрию, передал Бегину и Садату послание Картера. Вопреки своим декларациям египетский президент был вынужден согласиться на продолжение прямых переговоров с Израилем. 8 августа Белый дом сообщил, что Картер, Бегин и Садат встретятся в начале сентября 1978 года в загородной резиденции президента США в Кэмп-Дэвиде. «Вашингтон, — подчеркивалось в комментарии американской телекомпании Эй-би-си, — намерен поместить участников египетско-израильского диалога в кастрюлю-скороварку, в которой давление ускоряет процесс». «Мирная инициатива» Садата, не принеся лавров ее «творцу», приближалась к своему бесславному финишу.

Антиарабская сделка в Кэмп-Дэвиде

Вечером 6 сентября 1978 г. американо-египетско-израильская встреча в верхах в Кэмп-Дэвиде начала свою работу. Подготовка к ней и сама встреча проходили в условиях повышенной секретности. Кэмп-Дэвид, расположенный в 110 км к северу от Вашингтона в Катоктинском национальном парке, был полностью изолирован от внешнего мира частями морской пехоты.

Организаторам кэмп-дэвидских переговоров было что скрывать от международной общественности. На этой встрече наполнялись конкретным содержанием зловещие планы, направленные против коренных интересов арабских народов, создающие угрозу миру и безопасности на Ближнем Востоке и во всем мире.

Еще в преддверии переговоров в Кэмп-Дэвиде мировая печать обращала внимание на стремление Вашингтона использовать их для наращивания американского военно-политического присутствия в ближневосточном регионе, для создания здесь под своей эгидой блока с участием Израиля, Египта и других «умеренных» арабских режимов, нацеленных против арабских прогрессивных сил и социалистических государств. Стремясь успокоить американскую и международную общественность (ведь трой-

ственное совещание, по версии администрации Картера, созывалось для «достижения мира между арабами и Израилем»), пресс-секретарь Белого дома Дж. Пауэлл заявил журналистам в ходе кэмп-дэвидской встречи, что появившиеся сообщения о возможной отправке американских войск на Ближний Восток, в частности на Синай, «лишены оснований». Последующие события наглядно продемонстрировали, сколь лживыми были эти опровержения американских властей.

Оба партнера США в Кэмп-Дэвиде всецело поддерживали милитаристские амбиции Вашингтона на Ближнем Востоке. Перед поездкой на это совещание израильский премьер Бегин во всеуслышанье заявил о своем желании заключить военный союз между США и Израилем. Не отставал от Тель-Авива и садатовский режим. Он прямо таки зазывал американцев в ближневосточный регион. «Невозможно, — писал в дни кэмп-дэвидской встречи близкий к Садату главный редактор каирского еженедельника «Октябрь» А. Мансур, — чтобы США оставили Ближний Восток в наследство Франции, или Японии, или Германии, или оставили его открытым для проникновения Советского Союза. Невозможно также, чтобы США отказались от ближневосточных рынков сбыта и нефтяных скважин»³⁴.

Египетское руководство было готово оказать любую услугу Вашингтону, все еще лелея надежду на то, что взамен американская администрация на кэмп-дэвидских переговорах поможет Каиру хоть немного «урезонить» израильских лидеров. Как видно, опыт предшествующих лет ничему не научил садатовский режим. В Кэмп-Дэвиде египетскую делегацию ждало очередное разочарование. Как заявил тогда пресс-секретарь при израильском премьер-министре, США «не оказывают давления на Израиль с тем, чтобы он изменил свою позицию»³⁵. И не случайно, видимо, сам Бегин подчеркнул, что чувствует себя в Кэмп-Дэвиде, «как в раю»³⁶. Иным было положение Садата, который, по сообщению агентства ЮПИ, находился в ходе тройственной встречи под «сильнейшим давлением» американской стороны. Газета «Нью-Йорк таймс» в разгар кэмп-дэвидских переговоров писала, что «Садат далек от того, чтобы чувствовать себя удовлетворенным»³⁷.

Ситуация, в которой оказался египетский президент, была и впрямь незавидной. Перед кэмп-дэвидской встре-

чей он разразился очередной серией обещаний «твердо отстаивать интересы арабов». Как указывала каирская «Аль-Гумхурия», «Садат обязался перед всей арабской нацией, что на тройственных переговорах он не согласится на частичные или сепаратные решения и не вступит в торг ни в отношении арабской земли, ни в отношении прав палестинского народа»³⁸. Между тем в Кэмп-Дэвиде, как выяснилось, ему предстояло пойти на полную капитуляцию перед Тель-Авивом.

В этих условиях в рамках кэмп-дэвидской встречи был осуществлен пропагандистский маневр, призванный, по замыслам ее организаторов, облегчить продвижение сепаратного сговора. В то время как Картер, Бегин и Садат вели свои переговоры, западные и египетские органы информации стали в унисон нагнетать пессимизм вокруг тройственного совещания, указывать на «непреодолимые трудности», с которыми оно столкнулось, запугивать общественность «катастрофическими последствиями», якобы угрожающими Ближнему Востоку в случае провала переговоров. Египетская «Аль-Ахбар» писала, например, 15 сентября, что «Картер продолжает прилагать последние усилия по спасению встречи, однако они кажутся попытками отчаявшегося» и что «надежды на успех встречи незначительны или вообще нереальны»³⁹. Распространялись даже слухи, что Садат якобы намеревался покинуть Кэмп-Дэвид. Действительная картина переговоров была, однако, иной. Конечно же, египетский президент пытался сопротивляться оказывавшемуся на него нажиму, выторговать побольше для себя. Но влиять на развитие событий он уже не мог. Слишком далеко зашел он в своих уступках Тель-Авиву, слишком велика была его зависимость от Вашингтона, слишком большую ставку американская администрация и лично Картер сделали на кэмп-дэвидскую встречу, чтобы она не завершилась результатами, угодными США и Израилю. Что касается искусственно раздувавшейся шумихи о «непреодолимых противоречиях» в Кэмп-Дэвиде, то смысл ее состоял в том, чтобы создать видимость «принципиальности» и «твердости» Садата (в первую очередь в глазах арабской общественности) и представить затем достигнутые американо-египетско-израильские соглашения как «единственно возможный компромисс» и «почти невозможный успех». Следуя этой линии, египетская «Аль-Ахрам» на-

звала итоги кэмп-дэвидских переговоров «чудом», «сюрпризом, превзошедшим все ожидания»⁴⁰.

Но чуда не произошло. На самом деле мировая общественность стала свидетелем постыдного антиарабского фарса. В Кэмп-Дэвиде, как указывала Национально-прогрессивная (левая) партия Египта, был заключен «мир по-американски на условиях Израиля».

После начала переговоров между Картером, Садатом и Бегиним «Аль-Ахрам» в редакционной статье писала, что «результаты Кэмп-Дэвида надо будет оценивать в зависимости от того, насколько определенными и конкретными будут принятые там решения по вопросу об уходе Израиля с оккупированных арабских земель и восстановлении законных национальных прав арабского народа Палестины»⁴¹. Последуем совету египетской газеты и рассмотрим под этим углом зрения основные положения кэмп-дэвидских соглашений.

Подписанные 17 сентября 1978 г. Картером, Садатом и Бегиним документы — «Рамки мира на Ближнем Востоке» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» — несмотря на содержащиеся в них ссылки на резолюции 242 и 338 Совета Безопасности ООН, не решают в действительности ни одной из кардинальных проблем, лежащих в основе ближневосточного конфликта. Причем главным назначением первого документа является прикрытие сепаратной египетско-израильской сделки, параметры которой определяет второй документ. И не случайно сразу после завершения тройственной встречи в Кэмп-Дэвиде представители администрации США подчеркивали, что «мирный договор между Израилем и Египтом может быть заключен даже в том случае, если переговоры о Западном берегу реки Иордан и секторе Газа окажутся нереальными или закончатся провалом»⁴². Так это и было в дальнейшем.

Кэмп-дэвидские соглашения не предусматривают ни эвакуации израильских войск со всех захваченных в 1967 году арабских территорий, ни обеспечения законных национальных прав арабского народа Палестины. Они полностью игнорируют Организацию освобождения Палестины, без участия которой никакое справедливое урегулирование на Ближнем Востоке невозможно.

В Кэмп-Дэвиде Садат фактически согласился с так называемым «планом Бегина», который ранее он назы-

вал неприемлемым. «Рамки мира на Ближнем Востоке» предусматривают, в частности, создание на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа «автономного самоуправления» под контролем Израиля в течение «пятилетнего переходного периода». Хотя формально Тель-Авив выразил готовность ликвидировать свою военную и гражданскую администрацию в этих районах после «выборов органов самоуправления», израильские войска отсюда не выводятся. Речь идет о передислокации их, согласно формулировкам кэмп-дэвидских соглашений, «в специально оговоренные районы для обеспечения безопасности». Предполагается также создание на Западном берегу и в Газе «надежных полицейских сил», укомплектованных местными жителями. Одна из главных задач этих сил, как указано в кэмп-дэвидских документах, будет состоять в том, чтобы «гарантировать безопасность Израиля», иначе говоря, пресекать любые попытки палестинского населения выступать против израильской оккупации. «Рамки мира на Ближнем Востоке» не содержат, кроме того, никаких статей, которые препятствовали бы Тель-Авиву сохранять и даже расширять сеть своих незаконных военизированных поселений на захваченных землях.

В кэмп-дэвидских соглашениях не оговаривается срок создания «административного совета», который должен осуществлять так называемое «самоуправление» на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, а «переходный пятилетний период» может начаться лишь после этого. В «переходный период» имеется в виду провести переговоры «в целях определения окончательного статуса» этих районов. В них, по замыслам авторов кэмп-дэвидской сделки, должны участвовать Египет, Израиль, Иордания и «выборные представители жителей Западного берега и Газы». Палестинцы-изгнанники к этим переговорам не допускаются. От решения вопроса о судьбе оккупированных палестинских земель полностью отстраняется ООП. Действуя таким образом, участники кэмп-дэвидского сговора стремились расколоть палестинский народ, изолировать палестинцев на оккупированных территориях от их собратьев, находящихся в изгнании, а также от Организации освобождения Палестины.

Сразу после заключения сепаратной сделки Тель-Авив внес полную ясность в вопрос о том, каким, по его представлению, будет «окончательный статус» указанных

территорий и на что могут рассчитывать арабы в ходе соответствующих переговоров. Уже 19 сентября 1978 г. Бегин в беседе с американскими конгрессменами подчеркнул, что израильская оккупация «предусматривается на переходный период и дальше... ибо Иудея, Самария* и сектор Газа являются самыми важными районами для нашей национальной безопасности». В результате заключения кэмп-дэвидских соглашений Израиль получил возможность подводить «юридическую основу» под свой экспансионистский курс, поскольку в этих документах нет упоминаний о праве палестинцев на самоопределение и создание собственного государства или о передаче Западного берега и Газы под арабский суверенитет. Таким образом, Кэмп-Дэвид не только не открыл путь к справедливому решению палестинской проблемы, но, напротив, создал условия для осуществления аннексионистских планов израильского руководства, направленных на превращение палестинских территорий в своего рода «бантустаны», резервуары дешевой рабочей силы для израильской экономики и рынок сбыта для израильских товаров.

Один из наиболее острых вопросов — об Иерусалиме — вообще не упоминается в кэмп-дэвидских документах. Причем это было сделано по инициативе Садата. В одном из своих интервью он прямо указал, что, когда Бегин начал возмущать против возвращения арабам восточной части этого города, «я попросил президента Картера отложить обсуждение данной проблемы». Ничего не говорится в кэмп-дэвидских соглашениях и о захваченных израильской военщиной Голанских высотах, принадлежащих Сирии.

В Кэмп-Дэвиде Бегин дал согласие вывести израильские войска с Синая в два этапа в период до трех лет, ликвидировать израильские поселения и военные аэродромы в этом районе. Однако суверенитет Египта над возвращаемой территорией существенно ограничен. В соответствии с условиями соглашения Синайский полуостров, протяженность которого с востока на запад составляет около 200 км, должен стать демилитаризованной зоной, за исключением 50-километровой полосы вдоль восточно-

---

* Так израильские агрессоры произвольно именуют захваченный ими Западный берег реки Иордан.

го берега Суэцкого канала и Суэцкого залива, где разрешается дислоцировать лишь одну египетскую дивизию. В полосе шириной от 20 до 40 км к западу от границы и Акабского залива Египет может разместить только гражданскую полицию. А в обширной зоне, расположенной между двумя указанными полосами, египтяне имеют право держать символический контингент в составе не более трех батальонов пограничных патрульных войск. Аэродромы, которые оставил Израиль, могут использоваться только гражданскими самолетами (в том числе и израильскими). Ряд стратегически важных районов Синая (Шарм аш-Шейх, Рафах) передается под контроль так называемых «многонациональных сил», которые участники кэмп-дэвидского сговора пытались, хотя и неудачно, прикрыть флагом ООН. Причем Египет, согласно кэмп-дэвидским договоренностям, не может самостоятельно решать вопрос о выводе этих войск.

Все эти меры не носят взаимного характера. Со стороны Израиля зона ограниченного присутствия войск составляет полосу шириной всего в 3 км вдоль государственной границы. Но и здесь Тель-Авиву разрешено иметь 4 пехотных батальона. В порядке «компенсации» Израилю за эвакуацию военных аэродромов на Синае США взяли на себя обязательство построить в пустыне Негев, в непосредственной близости от египетско-израильской границы, две крупные базы для израильских ВВС общей стоимостью около 1 млрд. долларов. Все это дает возможность Тель-Авиву полностью сохранить свое военно-стратегическое господство над Синаем.

Показательно, что в Кэмп-Дэвиде Садат обязался не прибегать к силе или к угрозе применения силы в отношениях с Израилем и заключить мирный договор с ним еще до начала вывода израильских войск с египетской территории. После подписания такого договора Израиль должен был в период до 9 месяцев отойти на линию к востоку от Аль-Ариша и Рас-Мухаммеда (первый этап эвакуации). И сразу же, т. е. в условиях, когда примерно треть Синая оставалась под израильской оккупацией, Каиру надлежало установить дипломатические отношения с Тель-Авивом, наладить экономические и культурные связи с ним, «ликвидировать все барьеры, препятствующие свободному передвижению товаров и людей», гарантировать беспрепятственный проход израильских

судов через Суэцкий канал и т. п. Условия, прямо надо сказать, весьма унижительные для Египта.

Договоренность по Синаю является сепаратной, поскольку она не связана с урегулированием на других фронтах и решением палестинской проблемы (вспомним слова Насера: «Если бы нужно было освободить только Синай, то все было бы легко»).

Кэмп-дэвидские соглашения официально зафиксировали «особую» роль США в «урегулировании», которое империализм, сионизм и арабская реакция стремились навязать арабским народам. Помимо того, что Картер «засвидетельствовал» своей подписью оба документа, в «Рамках мира на Ближнем Востоке» подчеркивается, в частности, что «Соединенным Штатам будет предложено принять участие в переговорах по вопросам, касающимся условий претворения в жизнь вышеупомянутых соглашений и разработки графика выполнения обязательств всех сторон».

По замыслам организаторов кэмп-дэвидской сделки, она призвана служить моделью и для других арабских участников конфликта, которые должны вступить в двусторонние переговоры с Израилем и вести их с таких же позиций, как Садат. В соглашениях прямо указывается, что подписавшие их стороны «признают данные рамки надлежащей основой мира не только между Египтом и Израилем, но также и между Израилем и каждым из его соседей». И далее в документах говорится: «Структура, в рамках которой будет заключен мирный договор между Египтом и Израилем, будет определяющей и для мирных переговоров» со всеми другими вовлеченными в конфликт сторонами. При этом участники сговора в Кэмп-Дэвиде демонстративно игнорировали тот факт, что никто не предоставлял им права выступать от имени арабских государств и народов, распоряжаться по своему усмотрению судьбами арабов.

Имеется немало свидетельств того, что в рамках кэмп-дэвидской сделки были не только заключены официальные соглашения, опубликованные Белым домом, но и достигнуты различные секретные договоренности, которые участники переговоров постарались скрыть от глаз общественности. Так, накануне завершения встречи Картера, Садата и Бегина пресс-секретарь Белого дома Дж. Пауэлл в беседе с корреспондентами не исключил

возможности того, что не все итоговые документы этой встречи будут обнародованы. Наличие закрытых договоренностей в Кэмп-Дэвиде фактически подтвердил и израильский премьер. Он, например, сообщил о согласии Картера письменно поддержать требование Тель-Авива, чтобы палестинцы оккупированного Западного берега реки Иордан «впредь именовались арабами земли Израиля». Многие органы зарубежной печати, ссылаясь на информированные источники, писали о достижении на американо-египетско-израильских переговорах в Кэмп-Дэвиде серии тайных соглашений, направленных против сил независимости и прогресса в арабском мире и за его пределами. Эти соглашения предусматривают дальнейшее расширение военно-политической поддержки Тель-Авива со стороны США, включая обязательство Вашингтона вести дело к заключению договора о «совместной обороне» с Израилем; увеличение поставок американского оружия египетской армии, чтобы обеспечить выполнение ею откровенно жандармских функций; направление американских военных советников и специалистов в вооруженные силы Египта; обеспечение американской военной «защиты» Египта в случае его конфликта с Ливией или другими прогрессивными арабскими государствами; активное политическое и военное сотрудничество Каира и Тель-Авива, их совместные действия против антиимпериалистических арабских режимов и ПДС; координацию деятельности американской, египетской и израильской разведок и т. д.⁴³ Некоторые из перечисленных договоренностей впоследствии были преданы гласности.

Обращает на себя внимание, что заключение кэмп-дэвидских соглашений, которые были широко разрекламированы империалистическими и сионистскими кругами, саатовским режимом как «грандиозная акция мира», сопровождалось направлением на Ближний Восток крупных партий американского вооружения и военной техники. Буквально через несколько дней после завершения американо-египетско-израильских переговоров сенат США ассигновал 785 млн. долларов для обеспечения «безвозмездных» военных поставок Тель-Авиву и еще 750 млн. долларов для финансирования аналогичных поставок Египту. Весьма своеобразное «здание мира» было возведено в Кэмп-Дэвиде!

Все это, однако, вполне закономерно, ибо тройственные сепаратные договоренности Картера, Садата и Бегина не имели ничего общего с интересами подлинного мира и безопасности на Ближнем Востоке. Находящийся в вопиющем противоречии с решениями ООН по проблемам арабо-израильского конфликта и нормами международного права сговор в Кэмп-Дэвиде сделал еще более взрывоопасной и неустойчивой обстановку в этом районе. Как уже не раз было в прошлом, наиболее остро последствия сепаратных сделок дали о себе знать в Ливане. Подписание кэмп-дэвидских соглашений подтолкнуло правые силы в этой стране на развязывание при поддержке Израиля военных действий. Наряду с предоставлением помощи правохристианским экстремистам Тель-Авив сам осуществил серию провокаций против Ливана. Выступая по радио в начале октября 1978 года, президент Ливанской Республики И. Саркис заявил, что «эскалация напряженности в стране приняла небывалые масштабы». Эти и другие трагические события, происходившие на Ближнем Востоке после заключения американо-египетско-израильской сделки, воочию показали, какой «мир» принес на арабскую землю Кэмп-Дэвид.

Кэмп-дэвидские соглашения подвели «юридическую основу» под военно-политический альянс садатовского режима и Тель-Авива, который начал складываться под патронажем США в предшествующий период. Этот альянс имел откровенно проимпериалистическую, антиарабскую направленность, должен был служить, по замыслам его создателей, своего рода ударной силой в борьбе против освободительных движений народов на Ближнем Востоке и в прилегающих к нему районах.

Выражая принципиальное отношение Советского Союза к сепаратным действиям США, Египта и Израиля, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко подчеркнул в своем выступлении на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в конце сентября 1978 года: «Весь накопленный опыт, особенно последнего времени, говорит: кардинальное и всеобъемлющее урегулирование на Ближнем Востоке может быть достигнуто только на базе совместных усилий всех непосредственно заинтересованных сторон. Сепаратные сделки за счет арабов только уводили и уводят в сторону от решения проблемы.

Именно таков характер договоренностей, достигнутых

на недавней трехсторонней встрече в Кэмп-Дэвиде. Если смотреть на вещи реально, то нет никаких оснований считать, что они, как утверждается, приближают ближневосточное урегулирование. Наоборот, речь идет о новом антиарабском шаге, затрудняющем справедливое решение этой неотложной проблемы. Вот почему кампания искусственного, наигранного оптимизма не может никого ввести в заблуждение»⁴⁴.

Чего не учли в Вашингтоне, Тель-Авиве и Каире

США вместе со своими партнерами по сепаратной сделке приложили максимум усилий, чтобы заставить арабские страны принять условия кэмп-дэвидских соглашений. Дело не ограничилось пропагандистской обработкой арабов в рамках развернутой на Западе, в Египте, Израиле широкомасштабной кампании по восхвалению подписанных в Кэмп-Дэвиде документов. Для продвижения сепаратных договоренностей на Ближний Восток отправился государственный секретарь США Вэнс, посетивший 20—24 сентября 1978 г. Иорданию, Саудовскую Аравию, а также Сирию. В ходе этого визита он оказывал грубый нажим на арабских руководителей, пытался запугать их. Для воздействия на арабов применялись также меры военного характера. Так, одновременно с началом переговоров в Кэмп-Дэвиде Израиль приступил к концентрации своих войск на линии прекращения огня с Иорданией. Затем израильская военщина стала подтягивать свои части к территории Сирии. Выше сообщалось о возобновлении боев в Ливане в этот период. Однако все попытки империализма и его пособников на Ближнем Востоке подчинить арабские народы своему диктату оказались тщетными.

Выступая в Вашингтоне после заключения сепаратной сделки, Садат сказал, что, «хотя некоторые арабские страны, возможно, и не сразу оценили соглашения, достигнутые на встрече в верхах в Кэмп-Дэвиде, в скором времени они разберутся в них». И арабы действительно разобрались в этих соглашениях (правда, не так, как этого хотел египетский президент). Они единодушно отвергли кэмп-дэвидский сговор, квалифицировав его, как

опасное посягательство на их законные права и интересы, приняли меры по сплочению своих рядов с целью противодействия планам Вашингтона, Тель-Авива и Каира на Ближнем Востоке.

В числе первых против сепаратной египетско-израильской сделки решительно выступили страны — участницы Национального фронта стойкости и противодействия, проводшие 20—23 сентября 1978 г. в Дамаске третье совещание на высшем уровне. Как подчеркивала сирийская газета «Ас-Саура», на НФСП «легла ответственность по срыву нового империалистического заговора и разоблачению истинных целей тройственной встречи в Кэмп-Дэвиде, ее опасности для будущего арабских народов»⁴⁵. И входящие во фронт прогрессивные арабские государства, ООП действительно проделали большую работу, чтобы оправдать возлагавшиеся на них надежды, внесли весомый вклад в развертывание общеарабской борьбы против кэмп-дэвидских соглашений.

Участники совещания в Дамаске заявили о том, что они считают американско-египетско-израильские договоренности незаконными и недействительными. «Соглашения Кэмп-Дэвида, — отмечалось в документах совещания, — это часть широкого процесса по навязыванию господства американского империализма и сионизма над арабским миром и Африкой с использованием египетского режима в качестве орудия для нанесения удара по национально-освободительным движениям». На встрече в Дамаске председатель Исполкома ООП Я. Арафат произнес фразу, которая получила широкую известность в арабском мире и далеко за его пределами. «Садат, — сказал он, — продал Иерусалим и права арабского народа Палестины за горсть синайского песка».

Члены НФСП приняли решение разорвать все отношения с Египтом, подвергнуть его экономическому бойкоту, добиваться переноса штаб-квартиры Лиги арабских стран из Каира. Президенту Сирии Х. Асаду было поручено посетить различные арабские страны для обеспечения максимально широкой поддержки антикэмп-дэвидской позиции НФСП, а также обсуждения возможности созыва совещания глав государств и правительств арабских стран, исключая садатовский режим.

Участники фронта, придавая особое значение упрочению советско-арабской дружбы и сотрудничества, пору-

чили, кроме того, Х. Асаду вступить в контакт с Советским Союзом с целью расширения и укрепления отношений между СССР и странами НФСП. В соответствии с этим решением сирийский президент посетил 5—6 октября 1978 г. Москву с официальным визитом. В ходе визита было констатировано полное единство взглядов двух стран в отношении обстановки, сложившейся на Ближнем Востоке в результате заключения сепаратных кэмп-дэвидских соглашений. С советской стороны было подчеркнуто, что в создавшихся условиях нет более актуальной задачи, чем сплочение и активизация всех сил, противостоящих капитулянтской, антиарабской линии в ближневосточных делах. Была также выражена солидарность СССР с арабскими странами и народами, которые отвергают попытки склонить их к поддержке сделки, выработанной в Кэмп-Дэвиде, выступают за подлинно справедливое урегулирование в регионе. Комментируя советско-сирийские переговоры, радио Сирии отмечало, что «последовательная, глубоко принципиальная позиция СССР в отношении решения ближневосточного конфликта целиком и полностью отвечает коренным интересам арабских народов, интересам мира».

Важное значение для защиты справедливого дела арабов имели также визиты в Советский Союз в октябре 1978 года президента Алжира Х. Бумедьена, председателя Исполкома ООП Я. Арафата, наследного принца Иордании Хасана, посещение Москвы в декабре того же года руководителем Ирака С. Хусейном. Эти визиты вновь показали, что в лице СССР арабские страны располагают надежным союзником, опираясь на поддержку которого они могут успешно противостоять заговорам империализма и его пособников на Ближнем Востоке.

Попытки американской администрации навязать арабам кэмп-дэвидские соглашения оборачивались серьезными политическими издержками для Вашингтона, вели к дискредитации политики США в глазах арабских народов, росту антиимпериалистических настроений в арабском мире. Арабы получили возможность на собственном опыте убедиться, чего стоят на деле многолетние разглагольствования империалистической и садатовской пропаганды о «новом», «сбалансированном» курсе США на Ближнем Востоке, который якобы стал учитывать арабские интересы.

Антиарабский характер кэмп-дэвидской сделки был настолько очевиден, что от нее отмежевались даже те арабские страны, которые поддерживали тесные отношения с Западом. «Провал миссии Вэнса», «крах расчетов американской администрации» — так комментировала мировая печать итоги переговоров госсекретаря США в Аммане и Эр-Рияде после заключения кэмп-дэвидских соглашений.

Особенно обескуражила американцев позиция Иордании. Ведь по сценарию, разработанному в Кэмп-Дэвиде, этой стране отводилась роль одного из основных статистов в реализации сепаратной сделки.

Вашингтону, Тель-Авиву и Каиру не удалось найти квислингов и среди палестинцев на оккупированных Израилем территориях. Видные политические и общественные деятели, мэры всех городов Западного берега реки Иордан решительно осудили кэмп-дэвидские соглашения, отказались участвовать в переговорах о так называемой «палестинской автономии». Такую же позицию заняли муниципальные советы сектора Газа.

Таким образом, с самого начала позорно провалились попытки расширить круг участников кэмп-дэвидской сделки, обеспечить ей хотя бы минимальную поддержку в арабском мире. Сепаратный характер американо-египетско-израильских договоренностей обнажился в полной мере.

Пытаясь спасти кэмп-дэвидские соглашения, Садат заявил о своей готовности осуществлять их и без поддержки Иордании, Саудовской Аравии, палестинцев. «Я сам буду представлять палестинцев на переговорах», — провозгласил он. Однако эти самозванные притязания египетского президента лишь подчеркивали глубину кризиса, в котором оказалась сепаратная сделка, едва родившись.

Кэмп-дэвидские соглашения были подвергнуты критике в самом Египте. Их отвергли не только левые силы страны, но и представители других политических течений. Сразу после заключения сепаратной сделки демонстративно отказался от своего поста министр иностранных дел М. И. Камель, участвовавший в переговорах в Кэмп-Дэвиде. Садат был вынужден также заменить еще ряд министров, в том числе министра обороны А. Г. аль-Гамаси. С немалыми трудностями египетскому руковод-

ству пришлось столкнуться при обсуждении кэмп-дэвидских соглашений в Народном собрании АРЕ. С резким осуждением этих соглашений выступили, кроме того, бывшие руководящие деятели Египта, занимавшие в разное время посты вице-президентов республики и входившие вместе с Насером в Совет революционного командования, который возглавлял июльскую революцию 1952 года, — А. Л. аль-Багдади, З. Мохи эд-Дин, Х. аш-Шафии, К. эд-Дин Хусейн. Их обращение в адрес Садата вызвало широкий отклик в различных слоях египетского общества. В обращении подчеркивалось, что кэмп-дэвидская сделка наносит огромный ущерб коренным национальным интересам Египта, палестинцев и всех арабов, полностью противоречит прежним заявлениям и обязательствам Садата в отношении проблем ближневосточного конфликта. В условиях роста оппозиционных настроений садатовский режим вновь прибег к преследованиям и арестам противников его проимпериалистического курса, главным образом представителей национально-патриотических сил.

Большим успехом арабов в их борьбе против сепаратной сделки, попыток империализма и его пособников изменить в свою пользу баланс сил на Ближнем Востоке явилось проведение 2—5 ноября 1978 г. в Багдаде IX совещания глав государств и правительств арабских стран. В нем приняли участие 20 арабских государств и ООП (т. е. 21 из 22 членов Лиги арабских стран). За бортом этой представительной встречи остался лишь садатовский режим.

Совещание проходило в сложной обстановке, обусловленной не только происками империалистических кругов, но и неодинаковым социально-политическим составом его участников. Ряд делегаций, представлявших правые, консервативные арабские режимы, предприняли попытку найти компромисс с Садатом и уговорить его отказаться от сепаратных переговоров с Израилем. С этой целью в Каир во главе специальной миссии был направлен премьер-министр Ливана С. Хосс, который имел поручение передать соответствующее послание египетскому президенту. Однако Садат в оскорбительной форме заявил, что ни он, ни другие официальные египетские лица не намерены встречаться с этой делегацией. Пробыв несколько часов в аэропорту, Хосс вместе со своими

коллегами был вынужден вернуться в Багдад. Как заявил видный палестинский руководитель Я. Абд Раббо, эти демонстративные действия Садата означали крах иллюзий в отношении египетского режима тех арабских лидеров, которые хотели избежать конфронтации с Каиром.

Несмотря на определенные разногласия, участники багдадского совещания смогли выработать единый подход к кэмп-дэвидским соглашениям и наметить программу конкретных действий по срыву капитулянтских планов Садата, укреплению арабского сотрудничества на антиимпериалистической основе. Большая заслуга в этом принадлежала прогрессивным арабским государствам и ООП, оказавшим определяющее влияние на ход дискуссий.

Собравшиеся в Багдаде главы арабских государств и правительств осудили и отвергли американо-египетско-израильские соглашения, заключенные в Кэмп-Дэвиде, поскольку, как отмечалось в итоговой декларации совещания, они «противоречат решениям арабских совещаний в верхах в Алжире и Рабате, уставу Лиги арабских стран, резолюциям ООН по палестинской проблеме и не ведут к справедливому миру, к которому призывает арабская нация»⁴⁶. Арабские страны заявили о своем отказе быть причастными к любым вытекающим из кэмп-дэвидских договоренностей результатам и непризнанию любых политических, экономических, юридических и прочих последствий этих договоренностей.

Участники багдадского совещания вновь авторитетно подчеркнули, что Организация освобождения Палестины является единственным законным представителем арабского палестинского народа. Они указали, что все арабские страны должны оказывать Палестинскому движению сопротивления разностороннюю помощь и поддержку.

В декларации совещания особо отмечалась «необходимость объединения усилий всех арабских государств для ликвидации стратегического ущерба, нанесенного выходом Египта из борьбы»⁴⁷.

Призвав правительство АРЕ отказаться от кэмп-дэвидских соглашений и не подписывать «мирный договор» с Израилем, арабские руководители одновременно приняли решение о применении широких санкций про-

тив саатовского режима в случае заключения им такого договора. Кроме того, они договорились о создании специального фонда помощи Сирии, Иордании и ООП, непосредственно противостоящим израильской агрессии. Этот фонд должны были финансировать Саудовская Аравия, Ливия, Ирак, Алжир, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты и Катар.

Решения арабского совещания в верхах в Багдаде, имеющие отчетливо выраженную антиимпериалистическую направленность, явились чувствительным ударом для Садата и его внешних покровителей. И не случайно они вызвали замешательство в империалистических и сионистских кругах, рассчитывавших на то, что багдадская встреча окончится провалом из-за противоречий между различными арабскими государствами. Обеспечив единство действий перед лицом опасного заговора США и их пособников, арабы показали, что не намерены поступаться своими законными интересами, полны решимости продолжать борьбу во имя своего справедливого дела.

Решения багдадского совещания были с одобрением встречены всеми прогрессивными, миролюбивыми силами в различных частях планеты. В заявлении руководителей коммунистических и рабочих партий и правительств НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР, принявших участие в совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора в Москве в ноябре 1978 года, подчеркивалось, что «эти решения сыграют важную положительную роль в борьбе за эффективное и справедливое урегулирование ближневосточной проблемы, в интересах мира на Ближнем Востоке, в интересах всеобщего мира»⁴⁸.

Борьба арабских стран и народов против кэмп-дэвидской сделки, в защиту своих прав пользовалась растущей поддержкой в международном сообществе. В принятой Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1978 года резолюции по Ближнему Востоку указывалось, что подлинное урегулирование проблем этого района должно быть основано на всеобъемлющем решении с учетом интересов всех вовлеченных в конфликт сторон и что справедливый и прочный мир в регионе не будет достигнут до тех пор, пока Израиль не уйдет со всех оккупированных арабских территорий и пока арабский народ Палестины не добьется осуществления своих неотъемлемых

национальных прав. Против этой резолюции, в которой, по существу, отвергался сепаратный подход к вопросам ближневосточного урегулирования, голосовали только США и Израиль вместе с Канадой и Гватемалой.

Таким образом, события на Ближнем Востоке и вокруг него развивались отнюдь не по той схеме, которая была разработана в Кэмп-Дэвиде американскими, израильскими и египетскими руководителями. Осуществление сепаратной сделки сразу натолкнулось на упорное сопротивление арабов. На их стороне выступали социалистические и другие миролюбивые государства, все силы, добивающиеся действительного, а не фиктивного решения ближневосточных проблем. Все это расстраивало опасные планы империализма и сионизма, направленные на порабощение арабских народов.

Египетско-израильский договор: новое осложнение обстановки на Ближнем Востоке

Кэмп-дэвидскими соглашениями предусматривалось заключение «мирного договора» между Египтом и Израилем в трехмесячный срок, т. е. не позднее 17 декабря 1978 г. В соответствии с этой договоренностью 12 октября в Вашингтоне под патронажем американцев начались переговоры между министром обороны Египта К. Хасаном Али и министром иностранных дел Израиля М. Даяном. Повышенное внимание к переговорам проявил сам президент Картер, проведя встречи и с израильской, и с египетской делегациями.

США предложили свой проект договора, который учитывал в первую очередь интересы Тель-Авива. Он не вызвал особых возражений египтян. Спустя десять дней после начала вашингтонской встречи официальный представитель египетско-израильских переговоров Дж. Шерман сообщил, что стороны одобрили текст договора, который направлен на утверждение в Каир и Тель-Авив. Американская печать оповестила, что подписание договора намечено на 19 ноября 1978 г. — в годовщину визита Садата в Иерусалим.

Однако развитие событий на Ближнем Востоке внес-

ло коррективы в процесс оформления сепаратной сделки. Усиливавшееся с каждым днем арабское противодействие кэмп-дэвидским соглашениям, вызывающее поведение Израиля, который продолжал «освоение» оккупированных арабских земель, заставили Каир притормозить реализацию своих договоренностей с Тель-Авивом. В последних числах октября в ответ на расширение сети израильских поселений на Западном берегу реки Иордан Садат инсценировал отзыв египетской делегации с переговоров в Вашингтоне. Тотчас Картер оказал нажим на президента АРЕ, и это решение было отменено.

Проведение в Багдаде совещания глав арабских государств и правительств, принятые на нем решения еще больше осложнили положение садатовского режима. Встревоженное этим египетское руководство прибегло к новым маневрам. В очередной раз оно начало демонстрировать показную «жесткость» на переговорах с Израилем, пытаясь ввести в заблуждение арабов и закамуфлировать свою капитулянтскую позицию. Официальная египетская пропаганда в подчеркнуто драматической форме сообщала о «серьезных разногласиях» с Тель-Авивом, о «значительных трудностях», якобы возникших в ходе переговоров. Указывалось, в частности, что Каир требует «увязки» египетско-израильского договора с вопросом о будущем Западного берега реки Иордан и сектора Газа и графиком предоставления «автономии» населению этих территорий, выступает против того, чтобы данный договор имел приоритет над любыми другими договорами, подписанными Египтом, не намерен отказываться от своих обязательств, вытекающих из заключенных им ранее соглашений о совместной обороне с арабскими странами, настаивает на возвращении Израилем нефтепромыслов на Синае без всяких условий и т. д. При этом садатовский режим по понятным причинам стремился не афишировать тот факт, что эти его маневры не выходили за рамки все тех же пресловутых кэмп-дэвидских соглашений.

Разумеется, псевдожесткость Египта на переговорах с Израилем была обусловлена не только названными соображениями. Игра в «разногласия» понадобилась Садату (как, впрочем, и его израильским партнерам) также для того, чтобы выторговать побольше подачек у Вашингтона в качестве платы за подписание «мирного договора».

США «с пониманием» отнеслись к маневрам Каира на тройственных переговорах и в течение определенного периода фактически не препятствовали им. Вашингтон, как и саатовский режим, считал, что для расшатывания единого фронта арабских государств, отвергших кэмп-дэвидскую сделку, нужно время. Но, не возражая против тактических уловок, к которым прибегал Каир в процессе сепаратного торга, администрация Картера вместе с тем отнюдь не собиралась ущемлять интересы Тель-Авива, принуждать его к уступкам. В этом вопросе линия США оставалась неизменной.

Пытаясь сделать кэмп-дэвидские соглашения более привлекательными в глазах арабов и мирового общественного мнения, империалистические и сионистские круги организовали постыдный фарс с присуждением Нобелевской премии мира за 1978 год Садату и Бегину. Однако результаты оказались прямо противоположными тому, на что рассчитывали в Вашингтоне, Тель-Авиве и Каире. Эта циничная затея вызвала широкое возмущение повсюду. Шокированы были даже многие политические и общественные деятели, стоящие отнюдь не на прогрессивных позициях. В создавшейся обстановке Садат счел за благо воздержаться от поездки в Норвегию в декабре 1978 года для получения премии, направив на церемонию награждения своего специального эmissара.

Особое внимание США продолжали уделять оказанию прямого давления на арабские страны, с тем чтобы заставить их отойти от антикэмп-дэвидской платформы, выработанной арабским совещанием в верхах в Багдаде. Один за другим Эр-Рияд, Амман, другие арабские столицы посещали высокопоставленные представители Вашингтона, которые, используя широкий арсенал средств, пытались склонить арабов к поддержке египетско-израильской сделки. Однако ни угрозы, ни посулы не давали того эффекта, на который рассчитывали американцы. Болезненную реакцию в Вашингтоне вызвало, в частности, последовавшее в середине ноября 1978 года решение правительства Саудовской Аравии не принимать в Эр-Рияде специального посланника Садата, который намеревался «разъяснить египетскую точку зрения на переговоры с Израилем»⁴⁹.

Что касается Тель-Авива, то его мало волновали трудности, с которыми сталкивался египетский режим. Ни-

каких послаблений Каиру на трехсторонних переговорах он делать не собирался. Предложения египетской стороны, направленные на выработку более приемлемых для нее положений «мирного договора», раз за разом отвергались израильским руководством. При этом у Израиля, как отмечала американская печать, было полное взаимопонимание с администрацией Картера, что, например, явственно продемонстрировал очередной визит Бегина в США в начале ноября (четвертый по счету в течение 1978 г.), в ходе которого была достигнута договоренность о «дальнейшей координации стратегии» Вашингтона и Тель-Авива на Ближнем Востоке.

В декабре США решили поторопить своих партнеров на переговорах, поскольку истекали определенные в Кэмп-Дэвиде сроки для подписания египетско-израильского договора, а выход за рамки этих сроков мог нанести дополнительный ущерб и без того сомнительной репутации кэмп-дэвидских соглашений. Осуществлять «челночную дипломатию» на этот раз взялся Вэнс, посетивший в период с 10 по 15 декабря 3 раза Египет и 2 раза Израиль. Однако найти формулировки, которые устраивали бы и Каир, и Тель-Авив, ему не удалось. Израильское руководство проявило свою традиционную непримиримость. Из последних сил цеплялся за свои «требования» и Садат. Тройственные переговоры в очередной раз были приостановлены.

24 декабря 1978 г. в Брюсселе состоялась новая американо-египетско-израильская встреча, в которой приняли участие Вэнс, Даян и новый премьер-министр АРЕ М. Халиль (его кабинет был сформирован после заключения кэмп-дэвидской сделки). На этой встрече, по сообщениям зарубежной печати, произошло «смягчение» египетской позиции. В частности, тель-авивское руководство получило заверение от Каира, что в случае войны между Израилем и Сирией он не окажет поддержки сирийцам. Это было явным нарушением соглашения о совместной обороне арабских стран, в верности которому Садат клялся незадолго до этого. 7 января 1979 г. Халиль направил послание Вэнсу по вопросу о продолжении переговоров с Израилем и США, в котором сообщалось еще о ряде уступок Каира⁵⁰. Как видим, «твердости» садатовского режима хватило ненадолго, хотя он и продолжал «настаивать» на некоторых своих позициях.

В середине января 1979 года на Ближний Восток в рамках все той же «челночной дипломатии» Вашингтона был направлен Атертон. Две недели он в качестве посла США по особым поручениям «вожировал» между Израилем и Египтом, однако из-за непримиримости израильского руководства, требовавшего дальнейших уступок от Каира, переговоры окончились безрезультатно.

Пока Каир и Тель-Авив препирались друг с другом, на Ближнем и Среднем Востоке происходили перемены большой значимости. Победа антиимпериалистической революции в Иране, вызванный ею развал агрессивного блока СЕНТО серьезно потрясли позиции США в регионе. Непосредственной реакцией Вашингтона на иранские события явилась лихорадочная активизация его военных приготовлений на Ближнем Востоке, в зоне Персидского залива. 9 февраля 1979 г. сюда в срочном порядке прибыл министр обороны США Г. Браун, посетивший в ходе почти двухнедельного визита Саудовскую Аравию, Иорданию, Израиль и Египет. Он вел дело к сколачиванию под началом США нового проимпериалистического военного альянса, участники которого могли бы взять на себя роль регионального жандарма, дотеле принадлежавшую Ирану. После завершения своего турне Браун выступил вместе с министром энергетики Дж. Шлесинджером по американскому телевидению. В этих выступлениях прозвучала прямая угроза использовать под предлогом «защиты жизненных интересов» США свои вооруженные силы в зоне Персидского залива, которые предполагалось разместить здесь на постоянной основе. Администрация Картера не ограничилась воинственными заявлениями. По ее указанию в район Персидского залива были направлены 12 истребителей-бомбардировщиков «F-15» вместе с 300 военнослужащими американских ВВС. К иранским берегам стягивались военные корабли США, в том числе авианосец «Констеллейшн» и группа кораблей-ракетоносцев.

Страны Персидского залива весьма сдержанно отнеслись к милитаристской активности Соединенных Штатов, несмотря на то что Вашингтон усиленно запугивал их «коммунистической угрозой», «опасностью распространения иранских событий на весь регион» и т. п. Министр нефти Саудовской Аравии А. З. Ямани прямо заявил 26 февраля 1979 г., что Саудовская Аравия и другие го-

сударства залива «не нуждаются в подобной военной помощи». Потерпела неудачу и попытка американской администрации путем спекуляции на событиях в Иране склонить Саудовскую Аравию и Иорданию к пересмотру их позиции в отношении кэмп-дэвидских соглашений.

В этих условиях США, добиваясь нейтрализации негативных для них последствий иранской революции, сделали ставку на скорейшее заключение египетско-израильского «мирного договора» и создание на его базе оси Тель-Авив — Каир, призванной служить целям защиты интересов американского империализма и его нефтяных монополий. Администрация Картера полагала, что после потери Ирана такой договор может стать тем рычагом, с помощью которого ей удастся осуществить перегруппировку сил на Ближнем и Среднем Востоке и направить развитие событий в регионе в выгодное для США русло.

Форсируя оформление сепаратной сделки, вашингтонские руководители пригласили в Соединенные Штаты египетского премьера Халиля и министра иностранных дел Израиля Даяна, которые вместе с госсекретарем США Вэнсом приступили 21 февраля 1979 г. к переговорам в Кэмп-Дэвиде. Место новой тройственной встречи было выбрано отнюдь не случайно. Как писала «Правда», подразумевалось, что «дух Кэмп-Дэвида», витающий в стенах загородной резиденции президента США, материализуется, наконец, в окончательный проект договора»⁵¹. Однако, несмотря на все старания американцев, прийти к согласию Египет и Израиль не смогли.

Раздосадованный этим Вашингтон решил пойти на крайние меры. «Челночную дипломатию» США на Ближнем Востоке возглавил лично президент Картер, совершивший 8—13 марта 1979 г. поездку по маршруту Египет — Израиль — Египет. Накануне его визита в Соединенных Штатах побывал Бегин (2—4 марта). Было осуществлено очередное согласование позиций Вашингтона и Тель-Авива по проблемам Ближнего Востока. И не удивительно, что в ходе поездки президента США под пресом американского давления в энный раз оказался саатовский режим. Тщетными были попытки египетского руководства вбить клин между США и Израилем. Напрасно египетские газеты старались вызвать раздражение Картера действиями Тель-Авива, публикуя комментарии, в которых указывалось, что «пренебрежение и

коварство, с которыми обошлись в Израиле с президентом Соединенных Штатов, беспрецедентны и выходят за все рамки приличия, морали и дипломатического этикета»⁵². Ссориться с сионистской верхушкой Израиля ради того, чтобы «подыграть» Каиру, американская администрация не собиралась.

Переговоры Картера с Садатом и Бегинем проходили по хорошо знакомому и отработанному еще в Кэмп-Дэвиде сценарию. Опять сообщалось о «невозможности сблизить позиции сторон», «о почти неизбежном крахе американских усилий» и т.п. Опять писалось о «катаклизмах», которые-де неизбежно произойдут на Ближнем Востоке, если египетско-израильский договор не будет заключен. И наконец, якобы неожиданно — «счастливый финал», «чудо, сотворенное Картером»: Египет и Израиль договорились подписать «мирный договор» в Вашингтоне 26 марта 1979 г.

Эта церемония была организована в американской столице с небывалым размахом. В тот день на зеленой лужайке перед Белым домом собрались многочисленные представители американской политической и экономической элиты, целая армия местных и зарубежных журналистов и репортеров. Здесь были все члены конгресса США, руководители крупнейших компаний и фирм, высшие пентагоновские чины, лидеры сионистских организаций и другие «именитые гости». Подписав вместе с Бегинем и Картером «мирный договор», Садат выступил с речью, в которой, в частности, сказал: «Это поворотный момент в истории, имеющий огромное значение для всех миролюбивых народов. Те из нас, кто наделен прозорливостью, не могут не осознать колоссальности масштабов нашей священной миссии». В аналогичном духе были выдержаны и выступления президента США, премьер-министра Израиля. Однако ни громкие слова, произнесенные при подписании договора, ни помпезность церемонии, ни шумная реклама, сопутствовавшая этому мероприятию, не могли скрыть того очевидного факта, что новая сепаратная сделка еще более усугубляла те негативные и опасные для дела мира тенденции в развитии обстановки на Ближнем Востоке, которые были порождены кэмп-дэвидским сговором.

«Мирный договор» между Египтом и Израилем, представляющий собой целый пакет документов (сам договор,

различные протоколы, приложения, письма сторон и т. п.), основывается на договоренностях Кэмп-Дэвида и детализирует их. При этом Каиром были сделаны очередные уступки израильскому агрессору, идущие вразрез с предшествующими публичными декларациями египетских руководителей. Но разительный разрыв между фразой и делом у Садата никого уже не удивлял. Это стало его обычной практикой.

После заключения кэмп-дэвидских соглашений египетский президент уверял, что не подпишет договора с Израилем, если «одновременно не будет достигнуто прогресса в решении проблемы, связанной с Западным берегом реки Иордан и сектором Газы». «Это комплексная сделка. Решение двух проблем (Синая и Западного берега — Газы. — Авт.) должно осуществляться одновременно»⁵³, — заявил он, например, в интервью газете «Бостон геральд америкэн». Однако «мирный договор», подписанный в Вашингтоне, касается, по сути дела, сугубо двусторонних египетско-израильских отношений, т. е. носит открыто сепаратный характер. О «палестинской автономии» упоминается лишь в приложенном к договору письме Садата и Бегина президенту Картеру. Текст письма гласит, что Египет и Израиль начнут переговоры по этому вопросу «не позднее, чем через месяц после обмена документами о ратификации мирного договора», и что они «поставили перед собой цель завершить переговоры не позднее, чем через год». Однако «нормализация» египетско-израильских отношений фактически не связывалась с результатами этих переговоров, на чем ранее настаивал Садат. Не предусматривалось, в частности, что эта «нормализация» прекратится, если «палестинская автономия» не будет осуществляться.

Как уже отмечалось выше, садатовский режим в соответствии с кэмп-дэвидскими соглашениями был готов пойти на установление дипломатических отношений с Израилем после завершения первого этапа вывода израильских войск с Синайского полуострова. Но одновременно он пытался затянуть решение вопроса об обмене послами, увязать его с тем, как Тель-Авив будет выполнять договоренности, достигнутые в Кэмп-Дэвиде, в частности в отношении Западного берега и Газы. Эта попытка также провалилась. Уступая американо-израильскому давлению, Садат в письме президенту Картеру, которое

является официальным приложением к «мирному договору», сообщил, что в течение месяца после окончания первого этапа эвакуации израильских войск с Синая «Египет направит постоянного посла в Израиль и примет постоянного израильского посла в Египте». Это не оговаривалось необходимостью каких-либо встречных шагов со стороны Тель-Авива.

В официальном заявлении правительства АРЕ по итогам бесед египетского премьера Халиля с эмиссаром Вашингтона Атертоном в январе 1979 года отмечалось, что «при обсуждении статьи VI мирного договора Халиль подчеркнул приверженность Египта своим договорам с арабскими странами, и особенно положениям устава Лиги арабских стран, исключаящую придание египетско-израильскому договору какого-либо приоритета над любым другим договором». В том же месяце Халиль утверждал, что «Египет не может отречься от обязательств в отношении арабов, от совместных договоров об обороне с другими арабскими государствами, так как эти основные принципы не могут быть пересмотрены и не могут стать предметом торга». А вот как выглядит упомянутая статья VI египетско-израильского договора в окончательной редакции, санкционированной Садатом: «Договаривающиеся стороны обязуются добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из этого договора, независимо от действий или бездействия любой другой стороны и независимо от любого другого документа, не вытекающего из настоящего договора... Договаривающиеся стороны обязуются не принимать на себя никаких обязательств, вступающих в противоречие с настоящим договором». И наконец: «...в случае, если обязательства, вытекающие для договаривающихся сторон из настоящего договора, придут в столкновение с их любыми другими обязательствами, обязательства, вытекающие из настоящего договора, будут иметь обязательную силу и подлежат выполнению».

Таким образом, в этой статье договора предательство Садатом коренных интересов арабов зафиксировано с циничной откровенностью. Египет должен «сохранять мир» с Израилем, независимо от любых актов агрессии тель-авивской военщины против арабских стран.

Предусмотренная договором передача Египту нефтяных месторождений на Синайском полуострове, которые

в течение многих лет хищнически эксплуатировались Тель-Авивом, также осуществлялась на израильских, а не на египетских условиях. Садатовский режим взял на себя обязательство поставлять Израилю нефть с этих и других египетских месторождений. Причем это обязательство не ограничено какими-либо временными рамками, т. е. является, по существу, бессрочным.

Да и вообще «мирный договор» фактически предоставил Израилю статус страны, находящейся в особых отношениях с Египтом, диктующей ему свои условия. И это несмотря на то, что еще задолго до подписания «мира» с Тель-Авивом премьер АРЕ Халиль заверял, что «Египет никогда не даст Израилю занять привилегированное положение в двусторонних отношениях». Как известно, любое суверенное государство само определяет характер своих связей с той или иной страной, самостоятельно решает, какие соглашения и когда ему следует заключить на международной арене, вольно расторгать эти соглашения и т. д. В иное положение поставлен Каир по отношению к Тель-Авиву. По условиям «мирного договора» Египет не только согласился на полное признание Израилем, обмен посольствами с ним, но и обязался в короткие сроки заключить с Тель-Авивом целую серию соглашений (о торговле и деловом сотрудничестве, о сотрудничестве в области культуры, о гражданской авиации и др.). Каиру, по сути дела, не разрешается даже подвергать критике какие-либо шаги израильского руководства, поскольку это может быть квалифицировано как враждебная пропаганда, запрещенная договором. Пересмотреть или аннулировать любое из этих соглашений и обязательств без согласия Израилем Египет не имеет права. В противном случае ему будет предъявлено обвинение в подрыве «мирного договора».

Практически бессрочными являются ограничения, налагаемые на Египет в отношении его суверенитета над Синайским полуостровом (о них подробно говорилось выше). Тель-Авив формально согласился обсуждать с Каиром вопросы, связанные с изменением «порядка обеспечения безопасности» на Синае, но закрепил за собой право отвергать при этом любые неприемлемые для него требования египетской стороны. В подписанных в Вашингтоне документах прямо говорится, что «любая поправка (положений договора, относящихся к данным воп-

росам. — Авт.) может быть внесена только с обоюдного согласия двух сторон».

Обязательства, принятые саатовским режимом по «мирному договору», создают широкие возможности для активной политической, экономической и культурной экспансии израильских сионистов в Египет. Они вынуждают страну следовать в русле политики Тель-Авива и стоящего за ним Вашингтона, серьезно ущемляют ее независимость и суверенитет, унижают национальное достоинство египтян.

Египетско-израильский договор предусматривает дальнейшее расширение прямого вмешательства США в ближневосточные дела. В приложенных к нему письмах аналогичного содержания, направленных Картером Садату и Бегину, подчеркивалось, что «в случае фактического нарушения мирного договора между Египтом и Израилем или угрозы такого нарушения США будут по просьбе одной или обеих сторон консультироваться со сторонами в отношении такого нарушения или угрозы нарушения договора и будут принимать также другие меры, какие они сочтут уместными и целесообразными для гарантий соблюдения договора». Ясно, что это вызывающе жесткое предостережение было адресовано прежде всего Каиру. Предоставление Вашингтону столь широких прав, возможности осуществлять при определенных обстоятельствах практически неконтролируемые действия на Ближнем Востоке способно привести к созданию в регионе крайне опасной ситуации с непредсказуемыми последствиями.

В соответствии с условиями «мирного договора» США привлекались также к переговорам о «палестинской автономии», которые Египет и Израиль решили вести самостоятельно, убедившись в том, что не удастся обеспечить участие в них Иордании и палестинцев. Кроме того, американская администрация брала на себя обязательство принять меры с целью создания под своей эгидой «приемлемых многонациональных сил» в случае отказа ООН направить на Синай свои войска, которые имелось в виду использовать для прикрытия сепаратного характера американо-египетско-израильской сделки.

Как и кэмп-дэвидские документы, вашингтонский договор наряду с открытыми статьями содержит секретные договоренности. Они призваны обеспечить дальнейшую

координацию усилий Вашингтона, Тель-Авива и Каира, направленных на то, чтобы затормозить развитие революционных процессов на Ближнем Востоке и в Африке, оградить империалистические интересы в этом районе земного шара.

Разумеется, Садат, пойдя на заключение капитулянтского договора с Израилем, надеялся получить от Вашингтона немалую мзду за свои услуги. Он не скрывал, что домогается значительного расширения политической и военно-экономической поддержки его режима со стороны США. Однако в рамках сепаратной сделки обласкан Соединенными Штатами был в первую очередь не Каир, а Тель-Авив.

Неприятным моментом для Садата явилось опубликование государственным департаментом США спустя всего три дня после подписания «мирного договора» между АРЕ и Израилем американо-израильского меморандума «о взаимопонимании». Меморандум еще более закреплял тесные узы, связывающие Вашингтон и Тель-Авив. В нем содержались дополнительные американские гарантии Израилю на случай несоблюдения Египтом условий «мирного договора», включая различного рода меры военного характера. Одновременно в соответствии с другим меморандумом («о соглашении по нефти между США и Израилем») американцы обещали в течение 5 лет снабжать израильтян необходимым количеством нефти, если будет нарушено поступление ее из иных источников, в частности из Египта. Обидевшись, Каир выразил «решительный протест» американской администрации по поводу этих документов, которые он охарактеризовал как «направленный против Египта американо-израильский блок, придающий содержанию и целям мирного процесса в регионе обратный смысл». Однако диктовать свои условия Вашингтону садатовский режим, понятно, не мог, и эта «буря в стакане воды» быстро утихла.

При рассмотрении вопроса об американских военных поставках, которые, как отмечалось в письмах министра обороны США Брауна министрам обороны АРЕ и Израиля, предполагалось осуществить «в свете мирного договора между Египтом и Израилем» (!), приоритет опять-таки отдавался Тель-Авиву. На трехлетний период ему было выделено 3 млрд. долларов на военные нужды (в том числе 2,2 млрд. долларов в виде кредитов и 800 млн. дол-

ларов в виде безвозмездных субсидий). Эта так называемая «специальная помощь» оказывалась в дополнение к той военной помощи, которую США предоставляли Израилю ежегодно. В рамках «мирного договора» и в без того огромные арсеналы Тель-Авива стали поступать крупные партии новейшего американского вооружения (200 танков «М-60», 800 бронетранспортеров, 1200 ракет различного класса, 200 артиллерийских орудий и т. д.).

Военная помощь США Египту на тот же трехлетний период была в 2 раза меньше — 1,5 млрд. долларов в виде кредитов на приобретение американского оружия. Но дело не только в количественных показателях. Каиру выделялась менее современная боевая техника по сравнению с тем, что получал Израиль. Более того, в связи с заключением египетско-израильского договора США обещали Тель-Авиву, что будут согласовывать с ним типы американского вооружения, направляемого в Египет.

Не оправдались и расчеты Каира на получение от Вашингтона в порядке компенсации за сепаратную сделку экономической помощи в таких размерах, которые позволили бы вывести египетскую экономику из тупика политики «открытых дверей». Садат в марте 1979 года поставил вопрос о том, чтобы Египту предоставили 15 млрд. долларов в течение 5 лет. Однако США после подписания «мирного договора» согласились увеличить свои ассигнования египетскому режиму лишь на 300 млн. долларов в течение трехлетнего периода. Это, как писала арабская печать, явилось «холодным душем» для египетского президента.

Таким образом, несмотря на все старания садатовского режима, его низкопоклонство и угодничество перед Вашингтоном в ущерб арабским интересам, ему не удалось занять то место, на которое он рассчитывал, — место привилегированного союзника США на Ближнем Востоке. Оно было прочно закреплено за Израилем. Каиру же отводилась роль второстепенного партнера. Все это было вполне логично. Как справедливо отмечала французская газета «Юманите», «связи между Израилем и США слишком органичны, слишком прочны, слишком необходимы, чтобы Вашингтон решил нарушить равновесие в пользу Египта»⁵⁴.

«Мирный договор», подписанный в Вашингтоне, вопреки надеждам тех египтян, которые были введены в

заблуждение саатовской пропагандой, не привел к сокращению военных расходов Египта и его вооруженных сил. Напротив, эти расходы возросли, что ложится тяжелым бременем на национальную экономику, негативно сказывается на материальном положении жителей страны. Причем в результате заключения сепаратной сделки египетская армия фактически превратилась в придаток американской военной машины.

Антиарабский, антиегипетский характер тройственного сговора, закрепленного вашингтонским договором, очевиден. Однако «урегулирование», которое хотела насадить на Ближнем Востоке американская администрация вкупе с Садатом и Бегинем, противоречит и подлинным национальным интересам израильского народа. Несмотря на внешние выгоды, полученные Тель-Авивом, оно не обеспечивает Израилю ни подлинного мира, ни действительной безопасности, о которой так любят распространяться израильские руководители, обрекает его на продолжение бесперспективной конфронтации с арабами. Подобное «урегулирование» ведет к дальнейшей милитаризации страны, что в свою очередь вызывает новый взрыв дороговизны и инфляции, усиление антидемократических, шовинистических тенденций во внутренней политике. Все это, как неоднократно предупреждали израильские коммунисты, чревато опасностью национальной катастрофы для Израиля.

«Мирный договор» между Каиром и Тель-Авивом был с большим скептицизмом воспринят многими американцами. Трезво мыслящие политические деятели и журналисты США отмечали, что этот договор зиждется на зыбком и ненадежном фундаменте, поскольку американо-египетско-израильские договоренности отвергаются подавляющим большинством арабских стран и наталкиваются на широкую оппозицию внутри Египта. Они указывали, что после заключения сепаратной сделки произошло обострение отношений Вашингтона с арабскими государствами, в том числе с прозападными арабскими режимами. С чисто американским практицизмом подчеркивалось и то, что египетско-израильский договор — это дорогостоящее предприятие и требует многомиллиардных расходов, которые едва ли окупятся. Наконец, особую тревогу у американского общественного мнения вызывали те далеко идущие обязательства, которые США взяли

на себя по «мирному договору». Американская печать обращала внимание в этой связи на то, что «впервые после окончания вьетнамской войны США демонстрируют готовность пойти на реальный риск военного конфликта» и что «договор сопряжен с возможностью участия американских войск в войне между Израилем и арабами в случае, если такая война начнется».

Египетско-израильский «мирный договор» явился одним из ключевых звеньев в том многоступенчатом заговоре против арабского национально-освободительного движения, который осуществлялся силами империализма, сионизма и арабской реакции в рамках политики сепаратных сделок. Накализ до предела обстановку на Ближнем Востоке, стимулировав новый виток гонки вооружений в регионе, этот договор одновременно полностью подорвал основы для созыва Женевской мирной конференции. В борьбе за справедливое всеобъемлющее урегулирование ближневосточного конфликта начинался новый этап.

Тупики Кэмп-Дэвида

Всеарабский отпор сепаратному договору

В октябре 1978 года американская администрация, находившаяся в состоянии эйфории в связи с подписанием кэмп-дэвидских соглашений, еще позволяла себе пренебрежительное отношение к тем, кто выступал против них. Президент Картер самонадеянно утверждал, что «шум», поднятый «людьми, которые не хотят договора между Израилем и Египтом», спадет, как только этот договор будет заключен. Однако после его заключения ближайшему советнику Картера — З. Бжезинскому пришлось, скрепя сердце, признать, что Вашингтон явно просчитался в оценке силы всеарабской солидарности.

Уже на следующий день после подписания А. Садатом унижительного для Египта документа в Багдаде открылось экстренное совещание министров иностранных дел, экономики и финансов арабских стран. Оно единодушно осудило израильско-египетский сговор под эгидой США и приняло решения, предусматривающие политические и экономические санкции против египетского режима, которые стали осуществляться всеми членами Лиги арабских стран, кроме Омана, Судана и Сомали.

Для американской администрации дело усугублялось тем, что на совещании решительная позиция стран — членов НФСП была поддержана и так называемыми умеренными арабскими государствами. Даже консервативные деятели не могли не считаться с волной всенародного возмущения, охватившего арабский мир от Атлантического океана до Персидского залива. Так, в течение пяти дней проходили манифестации, осуждавшие сепаратный договор, в Кувейте. Аналогичные выступления имели место в Объединенных Арабских Эмиратах. Участники многотысячного митинга в столице Катара — Дохе в принятом ими заявлении указали, что «Садат сыграл в исто-

рии арабской нации более отвратительную роль, чем печально известный лорд Бальфур»*.

Большой вклад в сплочение арабских рядов на багдадском совещании внесли представители ООП, Сирии, других членов НФСП и Ирака. Так, лидер ООП Ясир Арафат в своем выступлении потребовал строгих мер наказания для «истинного архитектора договора — США». По инициативе представителей арабских прогрессивно-патриотических сил в одной из резолюций совещания было записано: «Осудить американскую политику, которая нашла отражение в двух соглашениях Кэмп-Дэвида и египетско-израильском договоре».

В ходе совещания представители прогрессивных стран и ООП предупреждали, что определенные правые круги в арабском мире совершенно напрасно питают надежды на то, что в один прекрасный день США перестанут рассматривать Тель-Авив как своего самого привилегированного партнера. Альянс между американским империализмом и сионизмом, указывали они, сцементирован глубокой общностью политических, идеологических и экономических интересов. С точки зрения Вашингтона, Израиль — это его стабильный и эффективный союзник.

По поводу решения багдадского совещания перевести Лигу арабских стран из Каира в Тунис и объявить бойкот Египту Садат с присущим ему высокомерию заявил, имея в виду, в частности, Сирию и Саудовскую Аравию: «И эти гномы пытаются нас изолировать!» Разумеется, Египет — крупнейшее государство на Ближнем Востоке по численности населения, по ряду экономических показателей. Однако египетский президент, стараясь приуменьшить значение всеарабского отпора своей предательской политике, явно постарался «забыть», что без взаимодействия с армией такого «гнома», как Сирия, Египет не смог бы в октябре 1973 года достигнуть успехов в сражениях с израильскими вооруженными силами. Он нарочито «запамятовал», что такой «гном», как Саудовская Аравия, на протяжении многих лет был одним из главных кредиторов египетской экономики.

---

* А. Бальфур, будучи министром иностранных дел Великобритании, явился автором так называемой «декларации Бальфура» о создании «еврейского национального очага» в Палестине (ноябрь 1917 г.), которая отвергается арабами как сговор британского империализма с международными сионистскими кругами.

Арабские страны, еще недавно оказывавшие Египту крупную помощь, после подписания им позорного соглашения с Израилем одна за другой порвали с Каиром дипломатические отношения, расторгли с ним экономические связи, прекратили оказывать ему финансовую поддержку. А ведь, как сообщала газета «Эр-Рияд», только за шесть лет, предшествовавших заключению сепаратной сделки с Израилем, Египет получил от Саудовской Аравии, Кувейта, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов более 13 млрд. американских долларов. Помимо выделения этой огромной суммы вышеупомянутые нефтедобывающие страны оказывали содействие в финансировании закупок оружия для египетской армии и в развитии военной промышленности Египта. Теперь же, следуя решениям багдадского совещания министров иностранных дел, экономики и финансов, Саудовская Аравия, Катар и ОАЭ решили распустить созданную ими вместе с Египтом Арабскую организацию военной промышленности, в рамках которой Каир рассчитывал получить от них миллиардные суммы. Эр-Рияд пересмотрел свое обязательство заплатить 525 млн. долларов за 50 реактивных истребителей «F-5», обещанных Египту Соединенными Штатами¹.

Египет был исключен из Организации арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК). Вместе с арабскими странами решил прекратить поставки нефти саатовскому Египту и Иран. Ирак и Саудовская Аравия отказались от использования проходящего по территории Египта нефтепровода Суэц — Александрия для перекачки своей нефти. Принадлежащие ОАПЕК арабские судоремонтные верфи в Бахрейне запретили египетским судам доступ в свои доки. Арабские страны, имеющие нефтеналивной флот, отказались перевозить египетские нефтяные грузы. Большинство арабских стран прекратило полеты самолетов своих национальных компаний в Египет. Было решено также, что правила межарабского бюро по бойкоту Израиля должны распространяться на компании и предпринимателей в Египте, заключивших сделки с израильскими представителями. Становилось все очевиднее, что в условиях арабского экономического бойкота каждый день продолжения кэмп-дэвидской политики будет оборачиваться для Египта крупными материальными и финансовыми потерями.

Египетский режим болезненно переживал не только введение против него экономических санкций, но и осуществление решений багдадского совещания, касающихся исключения Египта из общеарабских союзов профсоюзных, общественных и творческих организаций и перевода их штаб-квартир из Каира в другие арабские столицы. Политический и экономический бойкот со стороны арабского мира разоблачал Садата и его окружение в глазах собственного народа, препятствовал попыткам официозной пропаганды одурманить египтян ядом шовинизма.

Патриотические силы Египта выразили глубочайшее возмущение сделкой Садата с Тель-Авивом. Они открывали глаза египетскому народу на предательские действия Садата, разъясняли, что судьба Египта неразрывна с судьбой арабского мира, что место Каира — не с американским империализмом и сионизмом против арабов, а с арабами — против американского империализма и сионизма. 27 марта Национально-прогрессивная (левая) партия Египта распространила в Каире заявление «Нет — египетско-израильскому договору», в котором указывалось, что договор попирает египетский суверенитет, навязывая Египту ряд неравноправных условий. Руководство НПП также категорически высказалось против того, что в договоре право палестинского народа на создание собственного государства было заменено на так называемое «самоуправление» для палестинцев. Оно подчеркнуло, что в результате заключения договора Египет вместе с Израилем стал защитником стратегических и экономических интересов США в регионе, их орудием для внесения раскола в арабский мир с целью подчинения его империализму и сионизму. Генеральный секретарь НПП Х. Мохи эд-Дин призвал арабские народы и государства выступить против американских планов навязать Ближнему Востоку новый военный пакт, ядром которого явился бы египетско-израильский договор, обеспечивающий защиту интересов Вашингтона и Тель-Авива. Призывая всех египтян, независимо от их политических взглядов, к бойкоту договора, НПП предупреждала, что сепаратный мир не даст ни желанного мира, ни долгожданного процветания.

Нелишне привести в связи с этим весьма любопытные заключения «Нью-Йорк таймс». «Президент Садат, — писала она, — единственный среди руководителей мусульманских стран на Ближнем Востоке полагает, что кон-

фликт арабов с Израилем незначителен перед лицом угрозы советского окружения. Не побоявшись повторить судьбу шаха Ирана и явной опасности, грозящей ему самому и его стране, Садат построил свою политику в соответствии с этим убеждением. Он открыл объятия Израилю и, не стыдясь, признал зависимость от мудрости США и их помощи². Многие западные государственные деятели и журналисты захлеб говорили и писали об «исторической инициативе» египетского президента, не жалели эпитетов, выдавая его капитулянтство перед империализмом и сионизмом за «мужество». Однако подобную интерпретацию действий Садата арабы категорически отвергали. Они подчеркивали, что Садат предал свой египетский народ, сирийцев, общеарабские интересы. Но особо тяжелое преступление он совершил в отношении палестинского народа, лишённого Израилем родины и ждавшего братской помощи от египетского народа.

Непреклонное «нет» палестинцев

«Договор и документы, подписанные в марте 1979 года в Вашингтоне, узаконивают израильскую оккупацию арабских территорий и обрекают на вечное изгнание арабский палестинский народ»³, — заявил председатель Исполкома ООП Я. Арафат. В свою очередь министр иностранных дел САР А. Х. Хаддам в интервью газете «Монд» сказал: «Арабо-израильский конфликт начался не с оккупации Синая или Голанских высот, а с палестинского вопроса. Как можно говорить о мире, когда обойдена сама суть, сама сердцевина конфликта»⁴.

По замыслу Тель-Авива, органы «административной автономии», проект которой родился в Кэмп-Дэвиде, могли послужить антиподом ООП. Расчет при этом делался на то, чтобы найти предателей среди палестинцев. Однако в поддержку «автономии» не прозвучало ни одного голоса. 26 марта 1979 г. мэры городов на оккупированных палестинских территориях организовали всеобщую забастовку в связи с подписанием израильско-египетского документа. Они направили телеграмму генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму, в которой отвергли «претензии Египта» на то, чтобы представлять палестинцев на

предстоящих переговорах по «автономии». Они подтвердили, что ООП является единственным представителем палестинского народа. Ответом на оформление египетско-израильского союза стало образование всеми политическими силами на Западном берегу и в Газе единого фронта сопротивления плану «автономии», сплочение народных масс вокруг ООП.

Консолидация рядов ПДС, рост авторитета ООП в арабском мире и на международной арене, мужественная борьба палестинского народа под руководством этой организации за свои священные права вызвали бешеную злобу у израильских правителей, международных империалистических и сионистских кругов. Всеми средствами стремились они подорвать палестинское освободительное движение, физически уничтожить его авангард — ООП и затем исключить палестинскую проблему из общего процесса ближневосточного урегулирования. Как логическое следствие американо-израильско-египетского сговора в Кэмп-Дэвиде был воспринят в арабском мире сионистский террористический план уничтожения руководителей палестинского народа, где бы они ни находились. Об этом плане поведали сами израильские разведывательные службы.

Трудно было поверить в наличие столь чудовищного плана истребления людей, насильственно лишенных родины, плана, попирающего суверенитет независимых государств. Тем не менее он осуществлялся. Целую серию убийств палестинских деятелей агенты израильских спецслужб, и в первую очередь разведывательной службы «Моссад», совершили только в 1978 году. Вот некоторые факты из этого страшного перечня террористических актов: в Лондоне службой «Моссад» убит представитель ООП Саид Хаммами; в Кувейте от рук израильских агентов погиб руководитель бюро ООП Али Ясин; в Париже убиты представитель ООП Эззэддин Калак и его заместитель Хамад Аднан; в Пакистане агенты израильских спецслужб ворвались в помещение бюро ООП и зверски умертвили трех его сотрудников.

В январе 1979 года израильские агенты убили в Бейруте видного деятеля ПДС, члена руководства ООП Абу Хасана. В августе того же года во Франции был убит член Исполкома и заведующий военным отделом ООП Зухейр Мохсен. Характерно, что это преступление было

совершено израильскими секретными службами, действовавшими совместно с египетской агентурой. Но международный сионизм и Израиль не ограничивались лишь индивидуальным террором.

Не успели высохнуть чернила на сепаратном «мирном» договоре, как израильская армия «обороны» приступила к безжалостному уничтожению палестинцев и ливанцев, осуществляя нападения на территорию суверенного Ливана. Варварским атакам подвергались лагеря палестинских беженцев, в которых жили преимущественно дети, женщины и старики. После особо жестокой бомбардировки населенных пунктов на побережье Южного Ливана, осуществленной израильской авиацией 22 июля 1979 г., ливанский премьер-министр С. Хосс возмущенно заявил: «Для государств мира, особенно для тех, которых Тель-Авив привык шантажировать с целью получения поддержки, настало время понять, что Израиль ничем не ограничивает своей разнузданности и презрительного отношения к человеку, гуманности и международному сообществу». При попустительстве и непосредственной помощи США израильские вооруженные силы месяц за месяцем методически подвергали нападениям с суши, налетам с воздуха и моря лагеря палестинских беженцев и населенные пункты на юге Ливана. Одна из основных целей бомбежек ливанских городов и деревень заключалась в том, чтобы восстановить ливанцев против палестинцев, настроить их на изгнание палестинских беженцев из страны. Тель-Авив применял против мирного палестинского и ливанского населения американские шариковые, напалмовые и фрагментационные бомбы, запрещенные международными соглашениями, а также современные самолеты «F-15». Уже в июле 1979 года в Центральном и Северном Ливане имелось около 600 тыс. беженцев-палестинцев и ливанцев с юга страны. Тысячи мирных жителей погибли от рук израильской военщины. Вот чем обернулся «мирный» договор между Садатом и Израилем для палестинского и ливанского народов, в отношении которых осуществлялись откровенные акты геноцида.

Вопреки расчетам Тель-Авива террористические действия израильских агрессоров еще больше сплачивали палестинцев, укрепляли их решимость сражаться до победного конца. Говоря об израильском разбое, Я. Арафат

отметил, что такого рода военные операции не остановят палестинское революционное движение. Он напомнил, что американские бомбардировщики «В-52» не остановили борьбу вьетнамского народа, не смогли помешать его окончательной победе. В ходе интервью редактору газеты «Вашингтон стар», назвавшему в соответствии с терминологией сионистской пропаганды действия палестинских партизан на оккупированных территориях «террористическими акциями», лидер ООП возразил: «Подлинный террор — это сама оккупация». Нарисовав широкую картину политической и дипломатической борьбы палестинцев, Я. Арафат сказал: «Согласно Уставу ООН, согласно резолюциям ООН., любой народ, находящийся под оккупацией, имеет право использовать все средства для освобождения, в том числе и вооруженную борьбу»⁵.

Выше указывалось, что привлечение к переговорам по «административной автономии» палестинцев было одной из основных целей участников сговора в Кэмп-Дэвиде. Они понимали, что без этого элемента обречена на провал вся кэмп-дэвидская схема. Однако добиться этой цели им не удавалось.

В конце мая 1979 года в Беэр-Шеве начался первый тур переговоров между Египтом и Израилем относительно так называемый «автономии» для 1,3 млн. палестинских арабов на Западном берегу Иордана и в секторе Газа. Это были настоящие торги судьбой палестинцев за их спиной. Второй тур переговоров состоялся в Александрии, в отеле «Сан-Стефано», окруженном полицией и войсками безопасности. Этот отель стал местом встречи потому, что израильская делегация отказалась вести переговоры в гостинице «Палестина», если название гостиницы не будет изменено на «Эрец Исроэл»*.

На переговорах израильтяне открыто отождествляли «автономию» с аннексией Западного берега и Газы. Бегин, добившись подписания договора с Египтом, вернулся к требованиям, с которыми выступал на протяжении всей своей политической карьеры. Он вновь заговорил об «исторических правах» Израиля на «землю израилеву», включающую всю Палестину. С подобными заявлениями Бегина, раскрывающими аннексионистскую сущность кэмп-дэвидских соглашений, не мог позволить себе согла-

---

* «Земля израилева».

ситься по политическим соображениям даже Садат. Египетский президент нуждался хоть в каком-нибудь фиговом листке для прикрытия своего предательства и поэтому не хотел публично согласиться с израильским вариантом палестинской «автономии». Обвиняя израильскую сторону в нарушении кэмп-дэвидских соглашений, он выдвигал тезис о том, что «автономия» — якобы лишь переходный этап на пути к самоопределению палестинцев. При этом он сознательно закрывал глаза на то, что сами палестинцы напрочь отвергли кэмп-дэвидский вариант «автономии». Обнаружилась явная тенденция к затягиванию переговоров, в процессе которых Садат делал Израилю уступку за уступкой, все глубже увязая в трясине предательства.

Столкнувшись с решительным отказом палестинцев участвовать в реализации кэмп-дэвидской сделки, Вашингтон, опасаясь дальнейшего роста антиамериканских настроений в арабском мире, попытался посеять среди арабов иллюзии о «благоприятном» изменении позиции США в отношении национальных прав палестинцев. Как писала газета «Нью-Йорк дейли ньюс», специальный посланник президента Картера на Ближнем Востоке Р. Страус, уподобившись канатоходцу, балансирующему на натянутом в воздухе канате, сделал заявление о признании Соединенными Штатами как «принципа безопасности Израиля», так и «законных прав палестинского народа»⁶. Его отнюдь не смущало, что в это время израильцы продолжали убивать палестинцев на юге Ливана американским оружием. В западной прессе все чаще стали появляться сообщения о возможных контактах Соединенных Штатов с ООП. При условии, естественно, что с ключевых постов организации будут удалены представители всех прогрессивно-патриотических сил. Одновременно делались попытки спровоцировать разногласия между различными отрядами ПДС, найти брешь в рядах палестинцев.

Однако в связи с энергичными протестами из Тель-Авива Вашингтону ради успокоения своего союзника пришлось открыть карты и публично признаться, что он вовсе не собирается менять курс, а лишь намеревался сбыть залежалый товар в новой упаковке. Дело не ограничилось выступлениями представителей администрации Картера, бросившихся успокаивать правительство

Бегина и произраильское лобби в собственной стране. Сам президент США опять заявил: «Я против создания самостоятельного палестинского государства. Я не думаю, что это было бы хорошо для Израиля». В угоду сионистскому лобби Белый дом даже пожертвовал своим постоянным представителем в ООН Э. Янгом, обвиненным израильтянами в «смертном грехе» — встрече с наблюдателем ООП при этой международной организации.

Истинное отношение США к решению палестинской проблемы четко проявилось и в их реакции на проект резолюции, который собирался внести на обсуждение Совета Безопасности Комитет ООН по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа. Наряду с упоминанием известных резолюций Совета Безопасности 242 и 338 новый проект поддерживал требования арабского народа Палестины на собственную государственность. Глава американской дипломатии С. Вэнс без обиняков заявил, что его страна торпедирует эту резолюцию, воспользовавшись правом вето. Американские газеты настойчиво подчеркивали, что для США приемлемы лишь такие формулировки, которые увязывали бы резолюцию 242 с положениями кэмп-дэвидских соглашений. Таким образом, все сводилось к «милостивому» разрешению палестинцам на Западном берегу Иордана и в секторе Газа проголосовать за все ту же пресловутую «административную автономию», увековечивающую израильскую оккупацию палестинских земель. Такое «решение» судьбы многострадального народа устраивало и каирское руководство. Государственный министр иностранных дел Египта Б. Гали подтвердил, что Каир поддержит любую новую резолюцию, которая могла бы привлечь непокорных палестинцев к переговорам в духе Кэмп-Дэвида.

На подобные маневры палестинский народ ответил решимостью усилить борьбу за освобождение оккупированных земель, за право жить свободным на своей родине. 11 августа 1979 года Центральный совет ООП на заседании в Дамаске разоблачил заговорщицкую деятельность участников тройственного антиарабского сговора, и в первую очередь его вдохновителей — правящие круги США. Палестинское информационное агентство распространило заявление, в котором говорилось, что ООП никогда не верила в добровольное признание американским империализмом прав народа, борющегося за на-

циональное освобождение. Оно выразило убежденность, что палестинское государство родится в борьбе, а не будет заокеанским подарком.

Интригам, нацеленным на разжигание противоречий, палестинцы противопоставили сплочение своих рядов. Расширилось представительство отрядов ПДС в ООП. Участники заседания в Дамаске призвали к укреплению сотрудничества со всеми арабскими национально-патриотическими силами, указав на «особое значение единства действий с Сирией, идущей в авангарде борьбы против империализма и сионизма на Ближнем Востоке».

Свои преступления на арабской земле и убийство израильской разведкой руководителей ПДС Тель-Авив стремился скрыть за дымовой завесой пропагандистских диверсий против палестинского народа и его руководства. В обработке мирового общественного мнения участвовали многие западные средства массовой информации, тесно связанные с сионистскими кругами. Широко используя американскую и западноевропейскую печать, пропагандистские службы Израиля пытались представить ООП как «становой хребет мирового террористического движения». Клевету на освободительную организацию возводили представители государства, лидер которого Бегин начинал свою карьеру с политического терроризма и возглавлял сионистские террористические банды «Иргун цвай леуми», участвовавшие в 1948 году в зверском умерщвлении 254 мирных жителей палестинской деревни Дейр-Ясин. Эта акция была призвана запугать палестинцев и вызвать их массовый уход с родных земель.

Вопреки общеизвестным фактам, свидетельствующим о нарушении Израилем всех норм международного права и игнорировании всех резолюций ООН, направленных на установление мира на Ближнем Востоке, израильские правители называли ООП «самым большим препятствием» на пути к миру в этом районе. Сионистская пропаганда утверждала, что якобы основная цель ООП — не восстановление узурпированных прав палестинского народа, а уничтожение государства Израиль. Против подобной клеветы поднимались мужественные голоса в самом Израиле. Генеральный секретарь Коммунистической партии Израиля М. Вильнер, выступая в кнессете, сказал: «На сегодняшний день проблема состоит не в том, что ООП требует уничтожить государство Израиль, а в том,

что правительство Израиля любыми путями стремится ликвидировать национальные права палестинского арабского народа». Израильские коммунисты неоднократно подчеркивали, что неправомерно требовать от ООП признания Израиля в одностороннем порядке, отказывая в то же время палестинскому народу в праве иметь свое государство, а Организации освобождения Палестины — представлять этот народ.

Попытки Израиля опорочить ООП в глазах мировой общественности, сорвать международные контакты организации начали терпеть провал и в Западной Европе. Какими бы экономическими и политическими интересами ни руководствовались западноевропейские лидеры, было ясно одно — они постепенно подходили к пониманию того, что перед лицом общеарабской солидарности огульное непризнание законных прав палестинского народа и ООП чревато негативными последствиями не только для дела мира на Ближнем Востоке, но и для Западной Европы. Как прорыв палестинцами «европейского фронта сдержанности» расценили политические обозреватели на Западе встречи Я. Арафата с австрийским канцлером Б. Крайским и бывшим канцлером ФРГ, председателем Социал-демократической партии Германии В. Брандтом. Начавшийся процесс признания ООП в Европе убедительно показывал безрассудство тель-авивских экспансионистов, бросающих вызов большинству стран мира. К 1979 году уже 105 государств признавали ООП как единственного законного представителя арабского народа Палестины. Это больше, чем число стран, поддерживающих дипломатические отношения с Израилем.

Члены руководства ООП выступили за продолжение начавшегося диалога с западноевропейскими руководящими деятелями, выражая надежду, что последние реалистически взглянут на вещи и пересмотрят «пагубную для Западной Европы политику, идущую в русле политики Израиля и его покровителя — США». В то же время они предостерегли государственных деятелей Западной Европы от попыток навязать палестинцам кэмп-дэвидские соглашения в качестве «свершившегося факта», выдать их за первый шаг к справедливому миру.

Организация освобождения Палестины приняла твердое решение — в ходе любых возможных переговоров не отступать «ни на пядь» от трех основных положений:

- ООП — единственный законный представитель палестинского народа;
- право палестинцев на самоопределение, на создание собственного независимого государства;
- право беженцев на возвращение к своим очагам и своему имуществу.

По мнению палестинцев, эти положения вместе с резолюциями 242 и 338 могли бы послужить основой для всеобъемлющего ближневосточного урегулирования. В своей борьбе они опирались на уверенность, что сплоченность ООП, твердость ее позиции способны сорвать любые маневры США, Израиля и саатовского Египта, пытавшихся исключить палестинскую проблему из общего комплекса вопросов, связанных с ближневосточным урегулированием.

Первые плоды Кэмп-Дэвида

Кэмп-дэвидские соглашения и сепаратный египетско-израильский договор были направлены главным образом на обеспечение военно-политического господства США на Ближнем Востоке. После их заключения все четче, например, прослеживалась линия Вашингтона на пересмотр «доктрины Никсона». Она, как известно, была разработана в 1969 году после ряда поражений США во вьетнамской войне и предусматривала использование местных, а не американских войск в деле обеспечения интересов США в Азии и Африке. Теперь Вашингтон стал менять свою тактику, делая акцент на прямое вмешательство вооруженных сил США во внутренние дела независимых развивающихся государств.

В немалой степени благодаря кэмп-дэвидской сделке, в результате которой США получили на Ближнем Востоке плацдарм в виде египетско-израильского альянса, могла появиться на свет так называемая «доктрина Картера». Она была сформулирована в январе 1980 года в президентском послании конгрессу «О положении страны». Ее главный смысл состоял в присвоении себе Вашингтоном права произвольно объявлять находящиеся в тысячах миль от американских берегов районы «жизненно важными для Соединенных Штатов» и использовать там свою военную мощь, в частности «силы быстрого развер-

тивания», когда это заблагорассудится Пентагону. Ближний Восток и особенно зона Персидского залива стояли на первом месте среди районов, которым американская администрация грозила вооруженным вторжением под любым надуманным предлогом для «защиты источников снабжения Запада нефтью». Обуянный имперскими амбициями, официальный Вашингтон при разработке воинственной доктрины не только не поинтересовался мнением нефтедобывающих государств Персидского залива, но и не посоветовался со своими союзниками по НАТО. «Доктрина Картера» в отношении зоны Персидского залива означала намерение США осуществлять прямые жандармские функции в этом районе, опираясь на поддержку Израиля и саатовского Египта. Пентагон собирался «собственноручно» заменять правительства суверенных государств, которые захотели бы проводить политику, не устраивающую нефтяные монополии, силой оружия подавлять движения, добывающиеся социальных перемен.

Новоявленная доктрина не была сверхоригинальной. Она во многом повторяла «доктрину Эйзенхауэра», сформулированную в послании президента США и одобренную затем конгрессом в марте 1957 года. Эта доктрина провозглашала готовность США использовать вооруженные силы для вмешательства в дела Ближнего Востока под предлогом защиты от «открытой вооруженной коммунистической агрессии, представляющей серьезную угрозу для жизненно важных интересов США». Картер пошел дальше Эйзенхауэра, значительно увеличив набор ситуаций, «позволявших» США нарушать суверенитет независимых государств. За всем этим прослеживалось явное намерение крупнейшей капиталистической державы не допустить создания новых справедливых международных экономических отношений, силой подавлять выступления народов Азии и Африки против неокolonизма, изолировать их от естественных союзников — Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Американская администрация страстно желала связать появление на свет «доктрины Картера» — доктрины милитаристского неокolonизма с вводом ограниченно контингента советских войск в Афганистан по просьбе его законного правительства. Претензии на свое военное присутствие в районе она пыталась объяснить необходи-

мостью «сдерживать русских», которые, дескать, «рвутся к теплым водам Индийского океана». В действительности же, если появление картеровской доктрины и было связано с афганскими событиями, то не с интернационалистской акцией Советского Союза, а с самой афганской национально-демократической революцией 27 апреля 1978 г. Именно она вместе с иранской антимоноархической и антиимпериалистической революцией явилась одной из главных причин, заставивших США перейти в общее контрнаступление против развивающегося революционного процесса на Ближнем и Среднем Востоке. Столь агрессивная реакция на афганскую и иранскую революции явилась отражением перманентно присущего американскому империализму гегемонизма, выражающегося в стремлении любым путем устанавливать свой контроль над районами земного шара, представляющими стратегическую и сырьевую ценность. «Доктрина Картера» была обнародована после оказания советской помощи ДРА, но ее практическая реализация началась задолго до этого события. Более того, именно осуществление этой доктрины на практике, выразившееся в подготовке Вашингтонской агрессии извне против демократического Афганистана, и явилось причиной направления советских военнослужащих на помощь Кабулу.

За многие месяцы до этого события под руководством Вашингтона были подписаны кэмп-дэвидские договоренности, послужившие базой для заключения египетско-израильского договора. Идейный вдохновитель этого договора отнюдь не ставил своей задачей достижение мира на Ближнем Востоке. Его подлинная цель заключалась в том, чтобы подготовить благоприятную почву для наращивания американского военного присутствия и создания новых американских военных баз на Ближнем Востоке. 110-тысячный «корпус быстрого развертывания» (в составе двух воздушно-десантных дивизий, двух дивизий морской пехоты, до 1000 самолетов тактической авиации, а также военно-морских сил поддержки, включающих атомные авианосцы) для осуществления вмешательства в Персидском заливе начал формироваться Пентагоном задолго до направления в январе 1980 года конгрессу США президентского послания «О положении страны».

Непосредственным результатом кэмп-дэвидского сго-

вора и объявленной после него «доктрины Картера» явилось превращение Египта в плацдарм для американских военных операций на Ближнем и Среднем Востоке. Уже в 1979 году Садат обещал Пентагону предоставить территорию Египта для «обеспечения безопасности и стабильности в зоне Персидского залива». Прекрасно понимая стратегические цели своих американских покровителей, он предложил Египет в качестве замены Ирана, подчеркивая, что его режим может пойти дальше в защите американских интересов, нежели режим свергнутого шаха. В своей речи 28 января 1980 г. в Народном собрании Египта Садат, перепевая тезисы западной пропаганды о «стремлении Москвы выйти к теплым водам», объявил: «Если какое-либо из арабских государств залива подвергнется иностранной угрозе, то я попрошу американского присутствия и предоставлю США льготы». Министр обороны АРЕ К. Х. Али пояснил, что такие «льготы» могут включать в себя использование египетского воздушного пространства, заходы кораблей в морские порты и приземление самолетов на аэродромах. Египетское руководство недвусмысленно давало понять Пентагону, что американский «корпус быстрого развертывания» может использовать территорию Египта для совершения любых вооруженных провокаций против соседних арабских государств и Ирана.

Алжирская газета «Эль-Муджахид» с возмущением писала о политике Садата: «Угодничество египетского режима перед своими новыми союзниками довело его до абсурдного утверждения о том, что безопасность и стабильность арабского и исламского мира могут быть обеспечены путем военного присутствия врага народов этого региона»⁷. Пентагоновские «стратеги» игнорировали, однако, патриотические чувства арабов. Они руководствовались лишь тем, что Египет является удобным плацдармом, с которого можно было бы совершать одобренные Картером «молниеносные операции по переброске войск» для осуществления жандармских функций в том или ином районе Ближнего и Среднего Востока. Президент АРЕ предоставил Пентагону для этих целей военную инфраструктуру страны. Так, например, ВВС США стали использовать главную египетскую авиабазу «Каир-Западный» во время полетов из Западной Европы в Африку и обратно. Эта же база обслуживала американские

самолеты, участвовавшие в военной авантюре Соединенных Штатов против Ирана в апреле 1980 года.

В июне 1980 года садатовское правительство направило военному ведомству США «приглашение» принять участие в совместных военно-воздушных маневрах на территории Египта. Естественно, «приглашение» было принято. Начальник штаба американских ВВС генерал Л. Аллен заявил о переброске в июле в Египет 12 истребителей «F-4» на 90 дней с пилотами-специалистами по эксплуатации и разведке, группы вспомогательного персонала численностью 400 человек и снаряжения, диспетчерского оборудования, ангаров и даже казарм. Генерал без обиняков заявил: «Мы заинтересованы в том, чтобы научиться действовать в этом регионе», пояснив, что предстоящие маневры позволят американским военным летчикам приобрести опыт ведения боевых действий в районе, прилегающем к Персидскому заливу и Индийскому океану, который объявлен США «зоной их жизненных интересов». Во время учений должны были совершенствовать свое мастерство и египетские летчики, пилотирующие поставляемые Египту Соединенными Штатами «F-4».

Л. Аллен отметил, что прибытие самолетов «F-4» — это начало действий ВВС США в Египте, масштабы которых будут все возрастать. Он подтвердил, что Пентагон приступил к осуществлению своих планов на Ближнем Востоке с помощью режима Садата. Америко-египетское военное сотрудничество выливалось в новую форму военного присутствия США в регионе, в рамках которого на египетской территории создавались своеобразные стартовые площадки с вооружением и оборудованием для оперативного обслуживания «сил быстрого развертывания» в случае боевых действий. Именно для этой цели планировалось оставить в Египте технику и снаряжение, доставленные из США для обеспечения военно-воздушных учений, а также вести строительство специальных сооружений и мастерских для обслуживания самолетов, танков и ракет. Таким образом, «военные льготы» Каира Пентагону на практике выливались в предоставление американским вооруженным силам военных баз.

Однако Садат не ограничивался превращением своей страны в плацдарм для американской военщины. Опасаясь того, что волны антиимпериалистического освобо-

дительного движения достигнут и берегов Нила, власти Египта сами активно пытались противостоять революционному процессу на Ближнем и Среднем Востоке. Преследуя собственные интересы и стремясь выслужиться перед Вашингтоном, они после заключения сепаратной кэмп-дэвидской сделки стали еще более усиленно предлагать Вашингтону себя и свою армию на роль жандарма и душиителя национально-освободительных движений в Азии и Африке. Весьма примечательно, что египетский режим стремился тесно координировать свою деятельность не только с Соединенными Штатами, но и с другим партнером по кэмп-дэвидской сделке — Израилем. В целях оказания содействия опасным империалистическим замыслам на Ближнем и Среднем Востоке Садат провел в первой половине января 1980 года встречу в Асуане с Бегином. На этой встрече не обсуждались жгучие вопросы мирного урегулирования на Ближнем Востоке, не находившие решения в рамках кэмп-дэвидского процесса. Зато в ходе совещания Садат и Бегин не раз соприкасались головами, склоняясь над военными картами Юго-Западной Азии, Восточной и Северной Африки. Лидеры обоих государств обсуждали положение... в Афганистане и Иране и «советскую угрозу». По окончании встречи Садат с удовлетворением констатировал «идентичность точек зрения с Бегином на события в Афганистане и в регионе в целом», т. е. их обоюдную готовность служить инструментом осуществления неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ устремлений Вашингтона. Координация военных усилий обеих стран в стратегических интересах США полностью вписывалась в планы организаторов и вдохновителей кэмп-дэвидской сделки.

В садатовском генштабе проигрывались операции отнюдь не по освобождению оккупированных Израилем арабских территорий. Судя по интервью Садата американскому журналу «Ридерс дайджест», он готовился к военным действиям против других своих соседей, и не исключено, что вместе с израильской армией. Публично признав свое намерение сменить свергнутый режим иранского шаха на посту жандарма США на Ближнем и Среднем Востоке, египетский президент подтвердил ранее высказанную готовность направить египетские войска на «защиту любой прозападной арабской страны».

Пока Садат развивал бурную деятельность по обеспе-

чению военного присутствия США в Египте, израильские экспансионисты захватывали земельные участки, принадлежащие палестинцам. Соглашения в Кэмп-Дэвиде и сепаратный договор между Израилем и Египтом они расценили как зеленый свет для продолжения своей аннексионистской политики на оккупированных территориях, которую арабы называли «поселенческим колониализмом». Правительство Бегина создавало все новые и новые военизированные поселения — опорные пункты израильской экспансии — на палестинской земле. С момента оккупации Западного берега Иордана в 1967 году к лету 1980 года Израиль создал там 68 военизированных поселений, причем 45 из них были созданы начиная с октября 1978 года. Именно после подписания кэмп-дэвидских соглашений «поселенческий колониализм» стал расцветать пышным цветом. Было образовано полуправительственное «Еврейское агентство», которое разработало соответствующий генеральный план строительства поселений. Оккупационные власти стали еще более активно изгонять арабов из городов и деревень на Западном берегу Иордана с целью расселения в них евреев. Средства для изгнания палестинцев применялись самые разнообразные и изощренные. Среди них убийства, конфискация имущества, произвольные аресты, уничтожение дефолиантами с самолетов посевов и садов палестинских крестьян, ссылки и изгнание с родной земли.

Политика «ползучей аннексии», выражавшаяся в расширенной колонизации палестинских земель, вызывала возмущение арабской и мировой общественности. Совет Безопасности ООН в марте 1980 года принял резолюцию, осуждающую еврейские поселения на оккупированных территориях как незаконные и создающие «серьезные препятствия» на пути к установлению мира на Ближнем Востоке. В резолюции содержался призыв к израильскому правительству «ликвидировать уже существующие поселения». Американский представитель Д. Макгенри вместе с остальными 14 членами Совета Безопасности проголосовал за порицание Израиля. Но внезапно вечером 3 марта было опубликовано заявление президента Картера, дезавуирующее голосование представителя США. В заявлении указывалось, что Макгенри должен был воздержаться при голосовании, но не сделал этого в связи с «технической ошибкой». Картер заверил Израиль, что

приверженность США «обеспечению безопасности и благосостояния Израиля (за счет палестинцев. — Авт.) остается безоговорочной и непоколебимой».

Крутой поворот в позиции Вашингтона при голосовании в ООН объяснялся сильным давлением на администрацию Картера правительства Израиля и произраильских кругов в самих США; к тому же он был осуществлен в условиях начавшейся борьбы за президентское кресло. А какой американский президент, желающий сохранить это кресло, осмелится пойти вопреки воле сионистского лобби? Молниеносный пируэт Картера, который чуть не поддался искушению придать видимость респектабельности политике США на Ближнем Востоке, заставляет вспомнить известное высказывание Трумэна: «Я совершенно не понимал значения политического давления, пока не встретился с сионистами».

Заявление Картера, дезавуировавшее голосование США за резолюцию, которая лишь осуждала создание еврейских поселений на незаконно удерживаемых арабских землях, не предусматривая конкретные меры по их ликвидации, свидетельствовало, до какой степени смыкаются антипалестинские позиции США и Израиля. Вновь было со всей ясностью подтверждено, что для американского империализма кэмп-дэвидский процесс — это в том числе и процесс дальнейшей реализации аннексионистских устремлений его сионистских союзников на Ближнем Востоке. Американский капитал непосредственно способствовал этому процессу, финансируя создание израильских военизированных поселений на Западном берегу, в секторе Газа, на Голанских высотах.

Израиль методически продолжал политику «ползучей аннексии», направленную на постепенное заселение евреями всех оккупированных палестинских территорий. Израильский министр иностранных дел Ицхак Шамир поставил точки над «i», заявив: «В кэмп-дэвидских соглашениях нигде не указывается, что Израиль должен воздержаться от создания поселений на этих территориях, поскольку проект автономии не должен привести к созданию палестинского государства. Создание поселений является выражением нашего права утверждать свое присутствие, оно необходимо для безопасности и существования нашего государства».

Однако подлинные хозяева Западного берега и секто-

ра Газа не желали признавать это «право». Свое возмущение планом аннексии их земель палестинцы выражали участием в демонстрациях протеста. Они также прибегали к забастовкам в школах и университетах. При поощрении оккупационных властей военизированные отряды еврейских поселенцев пытались сломить волю палестинцев погромами. В апреле 1980 года еврейские черносотенцы выбили ставни и витрины в магазинах в палестинском городе Рамаллахе, устроив, как они выразились, «ночь молотков». Четыре дня спустя раввин Меир Кахане — уроженец Бруклина, основатель так называемой Лиги защиты евреев в США, известный многочисленными антисоветскими вылазками, — потребовал вместе со своими подручными от жителей Рамаллаха эмигрировать в арабские страны и завязал потасовку, в результате которой несколько арабов были ранены.

Волна террора против палестинцев нарастала. 2 июня 1980 г. в 8 часов утра, когда мэры Наблуса и Рамаллаха Бассам Шакаа и Керим Халаф, отправляясь на работу, завели моторы своих автомобилей, сработали подложенные в них взрывные устройства. Б. Шакаа лишился обеих ног, К. Халаф также был тяжело ранен. В этот же день было совершено неудавшееся покушение на мэра города Эль-Бира, в адрес которого была отправлена посылка с бомбой. Отвергая грязные инсинуации израильских властей, попытавшихся свалить вину за эти акты терроризма против видных палестинских деятелей на ООП, которая якобы заинтересована в «эскалации насилия», депутат кнессета Ури Авнери заявил: «У меня нет ни малейшего сомнения в том, что это сделали евреи».

Попытка убийства мэров имела место через десять дней после осуждения Советом Безопасности ООН Израиля за незаконное, в нарушение четвертой Женевской конвенции 1949 года, депортирование с Западного берега Иордана мэров городов Хеброн и Хальхуль и шариатского судьи Хеброна. Таким образом, мэры Наблуса и Рамаллаха, чудом оставшись в живых, оказались искалеченными физически. Два других мэра были ранее высланы с Западного берега без суда и следствия. Остается добавить, что именно эти четыре патриотических деятеля (особенно Б. Шакаа и К. Халаф) являлись главными руководителями Комитета национальной ориентации. Эта организация, представляющая все палестинские группировки на

Западном берегу и в секторе Газа, была создана в ответ на кэмп-дэвидские соглашения для борьбы против разработанного Израилем, США и Египтом проекта «административной автономии» для палестинцев.

Представители палестинского сопротивления возложили ответственность за преступное нападение непосредственно на израильское правительство и его главу М. Бегина. В заявлении, опубликованном палестинским информационным агентством ВАФА, говорилось: «Эти события свидетельствуют о политической слабости Бегина, который вновь стал террористом для того, чтобы подавить возмущение нашего народа».

Эскалация аннексионистской политики, депортация и физическое уничтожение выборных арабских руководителей, постоянные оскорбления и насилия над личностью — вот какие плоды принес Кэмп-Дэвид на оккупированные палестинские территории. Но палестинцы не собирались капитулировать. Они продолжали свою мужественную борьбу. Не удалось сломить и Б. Шакаа и К. Халафа. Они вернулись в ряды борцов за свободу и независимость своего народа, вновь заняв кресла мэров в Наблусе и Рамаллахе.

Повернуть вспять арабское национально-освободительное движение, подорвать прогрессивные режимы — оплоты антиимпериалистической борьбы на Арабском Востоке — вот о чем помышляли участники кэмп-дэвидского сговора. Эти их помыслы особенно ярко проявились в отношении Сирии. Уже многие годы империализм, сионизм и арабская реакция, стремясь свернуть Сирию с объявленного ею курса на социалистическую ориентацию и не допустить ее революционизирующего влияния на соседние арабские страны, безуспешно прибегали к политическому и дипломатическому шантажу, экономической блокаде, вооруженным агрессиям. Непримируемая позиция Сирийской Арабской Республики в отношении антиарабского кэмп-дэвидского сговора, предательской политики египетского президента Садата, ее непреклонная решимость добиться освобождения оккупированных Израилем арабских земель и восстановления узурпированных прав палестинского народа, включая его право на создание независимого государства, морально-политическая поддержка Сирией национально-демократических революций в Афганистане и Иране вызвали особое озлобление в ла-

гере врагов независимости и социального прогресса народов.

Убедившись в бесперспективности планов по подключению Сирии к кэмп-дэвидской сделке, империалистические и сионистские круги вознамерились взорвать сирийский прогрессивный режим изнутри, путем экспорта контрреволюции. Эту неблагоприятную задачу они поручили «братьям-мусульманам», которые и в прошлом неоднократно использовались для подрывной деятельности против прогрессивных сил и движений в арабских странах. Известны выступления этой реакционной организации против египетской революции 23 июля 1952 г., вследствие чего она и была запрещена в этой стране. С тех пор она действовала подпольно, объединяя самые мрачные силы реакции. В глубоком подполье и упадке находился и сирийский филиал «братьев-мусульман», который никогда не смог бы выступить в качестве самостоятельной силы, если бы не массивная поддержка людьми, финансами и оружием, оказанная извне. «Братья-мусульмане», превратившись в агентов американской, израильской и саатовской разведок, совершали по их приказу подлые и трусливые убийства из-за угла лучших представителей сирийского народа — ученых, врачей, офицеров — героев октябрьской войны 1973 года, курсантов военных училищ, верных прогрессивному режиму религиозных деятелей. Целями этой террористической кампании, спланированной авторами кэмп-дэвидской сделки и их пособниками, были разжигание религиозной междоусобицы, в частности между суннитами и алавитами, изоляция правящей Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) и других прогрессивных партий, создание обстановки хаоса и страха в стране.

Начав с политических убийств, «братья-мусульмане» попытались перейти к широкой подрывной деятельности против государственно-политической системы в Сирии. Их действия носили ярко выраженный контрреволюционный характер. Целями их диверсий и поджогов были исключительно объекты государственного и кооперативного секторов. Налетчики нападали на государственные учреждения, магазины потребительской кооперации, офисы сирийской авиакомпании, школы, общественный транспорт. В распространяемых ими листовках они требовали отмены законов о национализации и контроле над це-

нами. В союз с ними вступили все силы внутренней реакции, представленные выходцами из феодально-буржуазных кругов. Действия «братьев-мусульман» в САР как две капли воды походили на преступления афганских контрреволюционеров в ДРА. Ими руководила одна рука. Они готовились для засылки в Сирию и Афганистан на одних и тех же базах, в том числе и тех, что были предоставлены Садатом.

Контрреволюционерам, которые прикрывались исламом и разжигали межрелигиозные и межобщинные распри, не удалось, однако, обмануть бдительность народных масс. Как отмечалось в одном из заявлений Сирийской компартии (СКП), народ осознавал, что борьба носит не религиозный, а классовый характер и ведется она между патриотическими и антипатриотическими силами, между силами прогресса и реакции. Сирийский народ сражался против кэмп-дэвидского курса и его выкорыщей ради сохранения своих политических и социально-экономических завоеваний. Единодушно поддерживая антикэмп-дэвидский внешнеполитический курс руководства Сирии, сирийский народ ответил на атаки пятой колонны империализма решимостью сплотиться вокруг Прогрессивного национального фронта (ПНФ), объединяющего все прогрессивно-патриотические партии страны, не допустить реставрации феодально-буржуазных порядков в Сирии. Уже в который раз ему приходилось отрываться от мирного строительства, брать в руки оружие, приносить новые и новые жертвы, чтобы защитить независимость родины и отстаить избранный им общественно-политический путь развития.

Получив в результате кэмп-дэвидских соглашений безопасный тыл в лице садатовского Египта, Тель-Авив, вопреки многочисленным резолюциям Совета Безопасности, призывающим Израиль немедленно прекратить действия против территориальной целостности, единства, суверенитета и политической независимости Ливана и помочь ливанским сепаратистским группам, безнаказанно продолжал необъявленную войну на юге этой страны. Осуществляя разбойничьи нападения на Южный Ливан, израильские агрессоры опирались на свою марионетку — бывшего майора ливанской армии С. Хаддада, обосновавшегося с помощью израильтян в 1978 году в приграничном районе на юге страны площадью 600 кв. км. Изра-

ильский министр обороны Вейцман, представляя Хаддада в Тель-Авиве начальнику генерального штаба генералу Гуру, сказал: «Вот уже полтора года майор Хаддад считается офицером наших вооруженных сил. Вам давно пора с ним познакомиться». Буквально через несколько дней после подписания египетско-израильского договора Хаддад объявил о создании в оккупированном им анклав «независимого Ливана». Отсюда он вместе со своими тель-авивскими покровителями проводил операции, в результате которых под предлогом борьбы с палестинскими партизанами уничтожались не только мирные ливанские жители и беженцы из Палестины. К августу 1979 года среди южноливанских холмов нашли смерть 30 военнослужащих из контингента войск ООН по поддержанию мира, который был введен в Южный Ливан весной 1978 года после ухода оттуда израильских сил вторжения. Один из командиров в этих войсках гневно сказал журналистам: «Ни в одном контингенте сил по поддержанию мира теоретический не может и не должно быть таких потерь». Что касается Израиля, то он цинично оправдывал обстрелы сил ООН якобы имеющим место «потворством» с их стороны партизанам.

Израильтяне наращивали войска и тяжелое вооружение в районе, занимаемом сепаратистскими силами Хаддада. Тель-Авив давно зарился на юг Ливана, мечтая захватить этот богатый район, а также превратить его в дополнительный плацдарм для агрессии против Сирии.

Военные действия против Ливана, постоянные угрозы в его адрес использовались и как шантаж в отношении ливанского правительства в надежде вынудить его пойти на переговоры с Израилем о ликвидации палестинского присутствия в стране, согласиться на, так сказать, «малый Кэмп-Дэвид». Кровавый шантаж Израиля подкреплялся дипломатической активностью в Бейруте его покровителя и партнера по кэмп-дэвидской сделке — США. Зачастившие туда представители Белого дома предлагали ливанскому руководству различные «инициативы» и «рабочие планы» по югу Ливана, направленные на подмену всеобъемлющего решения ближневосточного кризиса сепаратными сделками, ослабление общеарабской изоляции Садата, вовлечение страны в кэмп-дэвидский процесс.

Столь мрачная политическая панорама сложилась на

Ближнем Востоке всего лишь в течение года после подписания в эйфорической обстановке на зеленой лужайке у Белого дома египетско-израильского «мирного» договора. Это главное детище Кэмп-Дэвида вместо обещанного мира несло на многострадальную ближневосточную землю новые горести и страдания для проживающих на ней народов.

Справедливое и прочное урегулирование, нормализация обстановки в этом районе были отброшены назад. Мины, заложенные Кэмп-Дэвидом на Ближнем Востоке, предвещали новые взрывы, опасные не только для региона, но и для международного мира в целом.

Распятый Иерусалим

История Иерусалима, как и Палестины, изобилует смелой множества народов и властителей, следы которых теряются в глубине тысячелетий. Их поиск археологами и историками и определение первого хозяина Иерусалима, существующего как минимум с середины II тысячелетия до н. э., — проблема научная. Проблема же Палестины и Иерусалима — юридическая и политическая. Она связана с трагической судьбой арабского палестинского народа, лишенного права на родину не в незапамятные времена, а в нашем XX веке. Попытки сионистов прикрыть оккупацию палестинских земель некими «историческими и библейскими правами» на них совершенно несостоятельны. Геополитический принцип обоснования территориальных притязаний отвергается всем человечеством, идет вразрез с международным правом.

В наш век история Иерусалима пишется кровью и слезами. Виновниками тому с самого начала были и остаются по сей день империализм и сионизм. Когда Англия в 1918 году оккупировала Палестину, здесь насчитывалось 56 тыс. евреев. В основном это были коренные жители, уроженцы Палестины, враждебно настроенные в отношении сионизма и планов его лидеров. В самом Иерусалиме проживали 30 тыс. арабов мусульманской и христианской веры и 10 тыс. евреев, составлявшие соответственно 75 и 25% населения. В руках арабов находилось 94% земельной собственности, евреев — 4%.

Поощряемая английскими империалистическими кру-

гами сионистская политика экспансии, прикрывавшаяся лозунгом создания «еврейского национального очага», обернулась трагедией для сотен тысяч палестинских арабов. Едва было принято решение Генеральной Ассамблеи ООН № 181 от 29 ноября 1947 г., в соответствии с которым Иерусалим был объявлен самостоятельной административной единицей со специальным международным режимом, как сионисты, вопреки этому решению, принялись изгонять из города арабских жителей и захватили его западную часть (73% городской территории)⁸. После первой арабо-израильской войны 1948—1949 годов Восточный Иерусалим, или Старый город, отошел к Иордании. Арабам достались участки, составлявшие лишь 25% общей площади Иерусалима. В 1950 году Израиль, попирая уже несколько решений ООН относительно особого статуса города, объявил его западную часть своей столицей и перенес туда кнессет. Палестинцы, лишенные права на собственное национальное государство, горько переживали национальную трагедию. Но все-таки десятки тысяч их братьев продолжали жить в Иерусалиме, рядом со святыми для всех арабов и мусульман мечетью Аль-Акса и Куббат ас-Сахра («куполом над скалой»), находившимися под защитой арабского государства.

После израильской агрессии 5 июня 1967 г. сионистские руководители Тель-Авива еще более рьяно стали пропагандировать идею создания Израиля «от Нила до Евфрата». Именно в это время израильские правящие круги в полный голос заговорили о своих притязаниях на весь Иерусалим как столицу будущего «великого Израиля».

Известный идеолог сионизма Х. Вейцман, раскрывая подлинные цели сионистской колонизации на Ближнем Востоке, откровенно писал, что предусматривается существование такой Палестины, которая была бы «настолько же еврейской, сколь Англия английской»⁹. В процессе «деарабизации» Палестины, не прекращающемся до сегодняшнего дня, важнейшее место отведено «деарабизации» Иерусалима, лишению его всех арабо-мусульманских черт.

В результате конфискации арабских земель оккупантами оставшиеся в 1967 году в аннексированном де-факто Иерусалиме 80 тыс. палестинцев, составлявшие уже лишь 30% населения, стали владеть только 14% земель-

ной собственности¹⁰. Мэром всего города был назначен израильтянин. Началась административная, экономическая и культурная изоляция арабского города от Западного берега Иордана. Израильским расистам безразличны чувства и переживания 800 млн. мусульман и более 1 млрд. христиан. Поэтому и стали возможны в священном для большинства верующих мира городе такие события, как поджог мечети Аль-Акса, хулиганские действия против миссии русской православной церкви, осквернение религиозных и исторических памятников мусульман и христиан. В городе — колыбели трех религий, где каждый камень — история, в широком масштабе проводятся раскопки в непосредственной близости от исламских и христианских святых мест, что грозит им разрушением. Снос древних строений и возведение на их месте безликих современных кварталов призваны изменить архитектурный облик Иерусалима, выхолостить его историческое содержание, подготовить к полной израилизации.

Сегодня около 2 млн. палестинцев находятся в изгнании. Ради «деарабизации» всей Палестины сионисты продолжают практику насильственной депортации людей с оккупированных палестинских территорий. Судя по всему, участь изгнанников прежде всего уготована палестинцам, проживающим в Восточном Иерусалиме. Ведь в глазах израильского руководства «очищение» Иерусалима от арабов имеет не только экономический и политический, но и морально-психологический смысл. «Иерусалим — вечная и неделимая столица Израиля, центр всемирного еврейства» — таков лозунг израильских руководителей. Для сионистов это означало обеспечение сугубо еврейского характера города, который можно «доказать» лишь этническим составом его населения. Для палестинцев же это означало потерю родины.

Есть в Иерусалиме маршрут, проходящий по так называемому Скорбному пути (*via dolorosa*). По христианскому преданию, именно по этой дороге шел на Голгофу Христос, где и был распят на принесенном им же кресте. По пути к месту казни он, сгибаясь под ношей тяжелого креста, подвергался побоям и унижению. Сегодня у всех честных людей планеты возникает вопрос: «Сколь долго будет продолжаться скорбный путь палестинского народа, проложенный им через долгие мучительные годы господства британского империализма, израильской окку-

пации и экспансии?» Ведь после полного и безвозвратного крушения колониальной системы судьба палестинского народа, навязанная ему силами реакции и агрессии, представляет собой своего рода политическую аномалию, явное отклонение от хода развития современной истории.

После июньской агрессии 1967 года и Генеральная Ассамблея, и Совет Безопасности ООН неоднократно призывали Израиль отказаться от любых действий, которые могут изменить статус Иерусалима, определенный прежними решениями ООН. Игнорируя эти призывы, израильское руководство продолжало аннексию. Совершенно ясно, что израильские руководители не рискнули бы попирать все нормы международного права, не вели бы себя столь агрессивно, если бы не пользовались всеобщей поддержкой американского империализма. Так, в 70-е годы Соединенные Штаты более 20 раз применили право вето в Совете Безопасности ООН, чтобы сорвать резолюции, требующие вывода израильских войск со всех оккупированных арабских земель и возвращения палестинского народа к своим родным очагам.

Новое дыхание экспансионистской политике Израиля придал кэмп-дэвидский стовор и заключенный на его основе египетско-израильский договор. В своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел Алжира М. Беняхья образно охарактеризовал этот договор как ведущий «к кладбищенскому миру на останках палестинского народа». Характерно, что на церемонии подписания египетско-израильского договора в Вашингтоне премьер Израиля пропел псалом, восславляющий «объединенный Иерусалим», обозначив тем самым программу своих действий на ближайший период в отношении этого города.

Кампания за реализацию сионистского лозунга, за официальную аннексию Восточного Иерусалима разгоралась в Израиле по мере приближения президентских выборов в США. Зная как никто другой силу произраильского лобби в американских эшелонах власти, Бегин исходил из того, что во время предвыборной борьбы заокеанский покровитель поддержит его самые экстремистские шаги. Стремясь сорвать планировавшееся израильским кнессетом принятие закона, провозглашающего «святой» город «вечной и неделимой столицей» Израиля, 22 мусульманские страны внесли на рассмот-

рение Совета Безопасности ООН текст резолюции по вопросу об Иерусалиме. За резолюцию 476 от 30 июня 1980 г., настоятельно потребовавшую от Израиля отменить все меры, направленные на изменение статуса Иерусалима, проголосовали представители 14 государств — членов Совета при одном воздержавшемся — представителе США. Как же прореагировал Израиль на резолюцию Совета Безопасности, обязательную для выполнения согласно Уставу ООН? В своей обычной манере. В тот же день, 30 июня, когда в Нью-Йорке состоялось голосование, законодательная комиссия кнессета подавляющим большинством голосов вынесла одобрение законопроекту о провозглашении Иерусалима «неделимой вечной столицей» Израиля.

29 июля VII чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов приняла резолюцию в поддержку законных национальных прав палестинцев. Против нее выступили лишь 7 государств во главе с США. Страны — члены Европейского экономического сообщества, колеблющиеся между союзническими обязательствами перед Вашингтоном и боязнью окончательно скомпрометировать себя в глазах арабских и мусульманских стран, воздержались при голосовании. Резолюция призвала Израиль полностью и безоговорочно уйти со всех палестинских и других арабских территорий, оккупированных с июня 1967 года, включая Иерусалим. Она также потребовала, чтобы Израиль «полностью соблюдал резолюции Объединенных Наций, относящиеся к историческому характеру святого города Иерусалима, в особенности резолюцию Совета Безопасности 476 от 30 июня 1980 г.». Через два дня Израиль отреагировал на эту резолюцию принятием в кнессете «основного закона», провозгласившего Иерусалим «вечной и неделимой столицей» Израиля.

Этот наглый вызов международному сообществу явился прямым следствием антиарабского сговора, скрепленного «тройным рукопожатием» Картера, Бегина и Садата. За «закон», оформивший аннексию Восточного Иерусалима де-юре, проголосовали депутаты от всех главных израильских политических партий. Среди голосовавших был и лидер оппозиционной партии труда Перес. Изображаемый западной пропагандой как «голубь», противостоящий «ястребу» Бегину, Перес безапелляционно за-

явил после голосования, что вопрос об Иерусалиме решен и не может быть предметом обсуждения ни на каких переговорах.

Захват Иерусалима еще раз подтвердил, что израильские амбиции идут значительно дальше отказа палестинскому народу в праве на национальную независимость. Систематическая экспроприация палестинских земель в Восточном Иерусалиме, на Западном берегу Иордана и в секторе Газа направлена на физическое лишение палестинцев самой возможности создать свое самостоятельное государство.

Международный разбой Израиля вызвал взрыв возмущения во всем мире. Новый акт тель-авивской аннексии был осужден представителями различных политических течений и вероисповеданий. Агрессивная суть закона кнессета об Иерусалиме была разоблачена в самом Израиле. Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля М. Вильнер, назвав это решение провокацией против арабского палестинского народа и ООН, указал на то, что «оно преграждает путь к установлению мира на Ближнем Востоке». Официальная аннексия Иерусалима, объявленная в священный для мусульман месяц поста — рамадан, рассматривалась последними как объявление войны исламу. Почти все мусульманские страны заявили, что применяют политический и экономический бойкот в отношении тех государств, которые признают Иерусалим в качестве израильской столицы. Тревогу за судьбу своих единоверцев в Иерусалиме испытывали члены самой большой в мире религиозной общины — христиане. Католическая газета «Темуаньяж кретъен» писала: «Наши братья-христиане преследуются и обречены на изгнание только потому, что они арабы и палестинцы. Арабы-мусульмане тоже систематически изгоняются из города. Мы не можем не солидаризироваться с ними — жертвами несправедливости». С критикой действий Израиля вынуждены были выступить и официальные лица в западноевропейских странах, хотя в то же время своей политикой попустительства израильским агрессорам они фактически поощряли Тель-Авив на совершение все новых преступлений.

Возводимая в закон аннексионистская политика Тель-Авива, обостряющая и без того взрывоопасное положение на Ближнем Востоке, таящая в себе угрозу для судеб

всеобщего мира, заставляла все большее число государств занять более твердую и четкую позицию в отношении Тель-Авива и его партнеров по кэмп-дэвидской сделке, солидаризироваться со справедливой борьбой палестинцев.

Арабский палестинский народ, воодушевляемый растущей международной поддержкой, был полон решимости сражаться до победного конца, несмотря на горечь потерь и временные отступления. Его вдохновлял исторический опыт народов, боровшихся против колониализма, фашизма, расизма и победивших в этой борьбе. В сплочении своих рядов и усиливающейся изоляции агрессора и его покровителей он видел залог своей победы.

Провал переговоров по «палестинской автономии»

25 апреля 1979 г. на территории американской электронной станции раннего оповещения Умм-Хишейб на Синайском полуострове представители Египта и Израиля обменялись ратификационными грамотами «мирного договора», подписанного Садатом и Бегиним в Вашингтоне. Заключенный под патронажем Соединенных Штатов антиарабский договор официально вступил в силу. В соответствии с планами партнеров по кэмп-дэвидской сделке через 10 месяцев после этого Израиль и Египет должны были обменяться полномочными послами, а еще три месяца спустя завершить переговоры о так называемой «палестинской автономии» подписанием соответствующего соглашения. Еще через месяц по кэмп-дэвидскому сценарию планировалось создание палестинских органов самоуправления.

То, что было предусмотрено «Рамками для заключения мирного договора между Египтом и Израилем», проходило не только по согласованному графику, но в ряде случаев с его опережением. Садат был твердо намерен форсировать так называемую «нормализацию» отношений между двумя государствами. В июне 1979 года в Каир прибыл министр иностранных дел Израиля Даян. По завершении переговоров с премьер-министром, министром иностранных дел АРЕ Халилем и государствен-

ным министром иностранных дел Гали, на которых обсуждались только вопросы развития двусторонних израильско-египетских отношений, Даян заявил, что он «с удовлетворением возвращается домой, сознавая, что практическое претворение в жизнь мирного договора между Египтом и Израилем уже началось». О палестинской проблеме он даже не обмолвился. Символично, что именно в тот же день премьер-министр Израиля Бегин, выступая на съезде своей партии Херут, обещал делегатам сохранить Западный берег и Газу под израильским контролем навечно и продолжать создание там еврейских поселений. «Если административный совет, который будет создан на Западном берегу и в секторе Газы, провозгласит палестинское государство, то мы арестуем его членов и восстановим военное правление за 24 часа», — сказал он. Таков был официальный курс Израиля в отношении оккупированных территорий. Таков был наказ Бегина израильским представителям на переговорах по «административной автономии» для палестинцев.

К 25 января 1980 г. Египту была передана часть Синайского полуострова к западу от линии Эль-Ариш — Рас-Мухаммед. В качестве «компенсации» за возвращенные Египту синайские нефтяные месторождения каирское правительство в соответствии с ранее взятыми перед Тель-Авивом обязательствами стало поставлять Израилю нефть по ценам ниже мировых цен свободного рынка. 25 февраля 1980 г. между двумя сторонами были установлены дипломатические отношения. Над особняком израильского посла в небе Каира взвился флаг с шестиконечной звездой. Египетский посол вручил верительные грамоты в оккупированном Иерусалиме. Тем самым садатовский режим признал де-факто этот город столицей Израиля и в очередной раз предал палестинцев.

Отнюдь не так результативны были египетско-израильско-американские переговоры о предоставлении «автономии» Западному берегу и Газе в соответствии с «Рамками мира на Ближнем Востоке», согласованными в Кэмп-Дэвиде. Один тур переговоров сменял другой, но израильская сторона не намеревалась дать Садату хотя бы какую-то возможность затушевать клеймо предателя интересов палестинского народа, представить египетско-израильский договор не как сепаратную сделку по Синаю, а как инструмент всеобщего ближневосточного урегули-

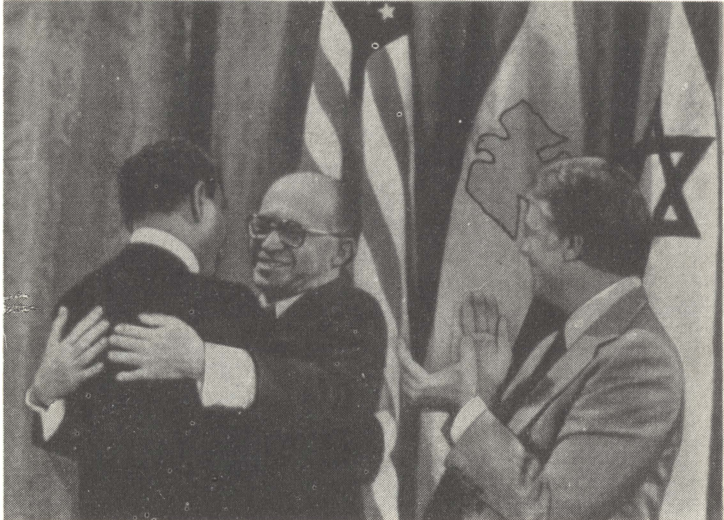

Садат в израильском
кнессете.
Ноябрь 1977 года

М. Каддафи, Я. Арафат, Х. Бумедьен и
Х. Асад на учредительном совещании На-
ционального фронта стойкости и противо-
действий в Триполи (Ливия). Декабрь
1977 года

Кэмп-Дэвид: антиарабская
сделка заключена.
Сентябрь 1978 года

Израильские военизированные
поселения на оккупированной
арабской земле — форпосты
аннексии

Сионистская доктрина
в действии: палестинцы
изгоняются с родной земли

Бейрут. После налета
израильских стервятников

**Садат, Картер, Бегин:
тройственный альянс**

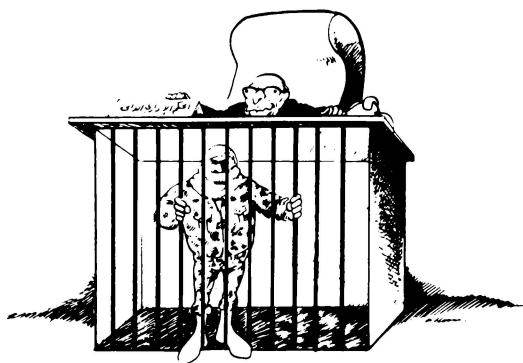

Иерусалим. Куббат ас-Сахра («купол над скалой») — одна из мусульманских святынь

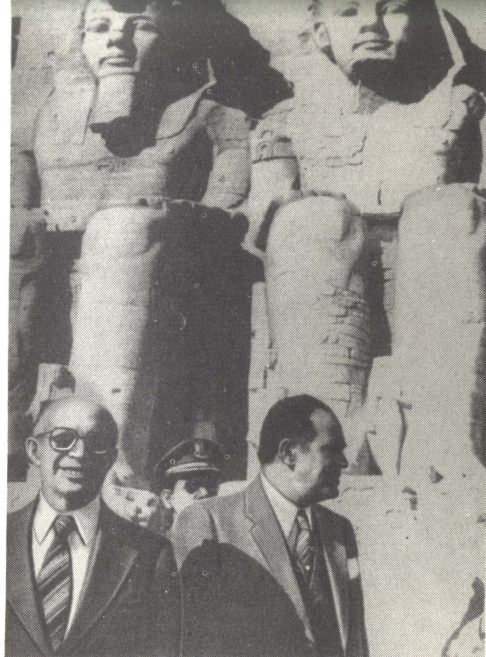

«Фантомы» Бегину, оливковая ветвь
Садату (карикатура из сирийской газеты
«Ас-Саура»)

Кэмп-дэвидский проект «палестинской
автономии» (карикатура из сирийской газеты
«Аль-Баас»)

**Пока Бегин
развлекается
в Египте...**

**Израильские
оккупанты
бесчинствуют
на захваченных
арабских землях**

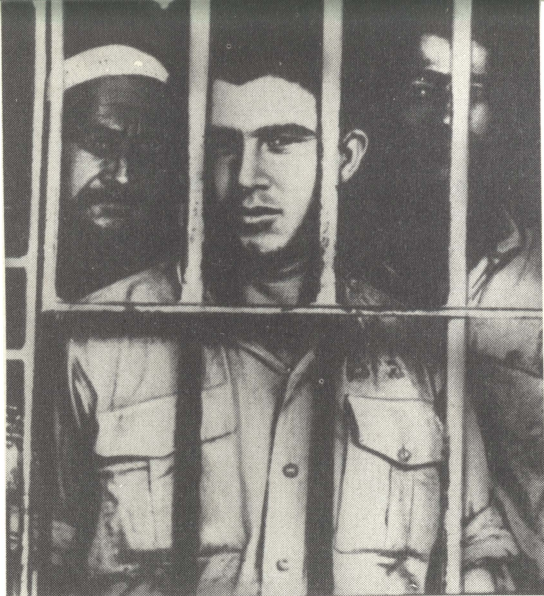

Гостеприимно встречает Садат
иранского шаха, бежавшего из
Тегерана от народного гнева

Агрессоры
сравнили с землей
тысячи арабских домов

Палестинские
узники

Оккупанты
«за работой»

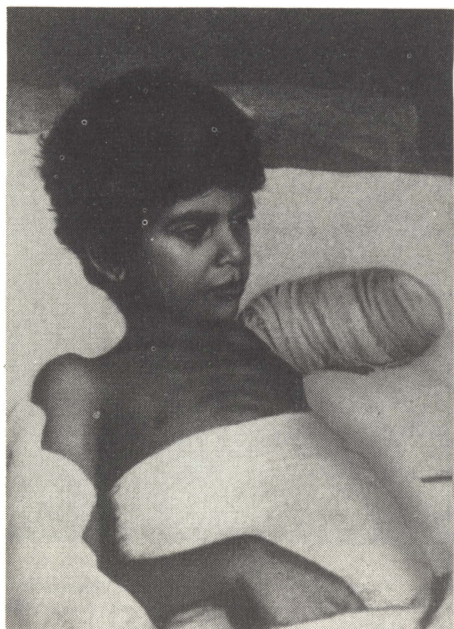

Встреча президента Сирии Х. Асада с одним из руководителей Палестинского движения сопротивления Ж. Хабашем. Обсуждаются планы совместной борьбы

Кэмп-Дэвид поощряет Тель-Авив на все новые преступления

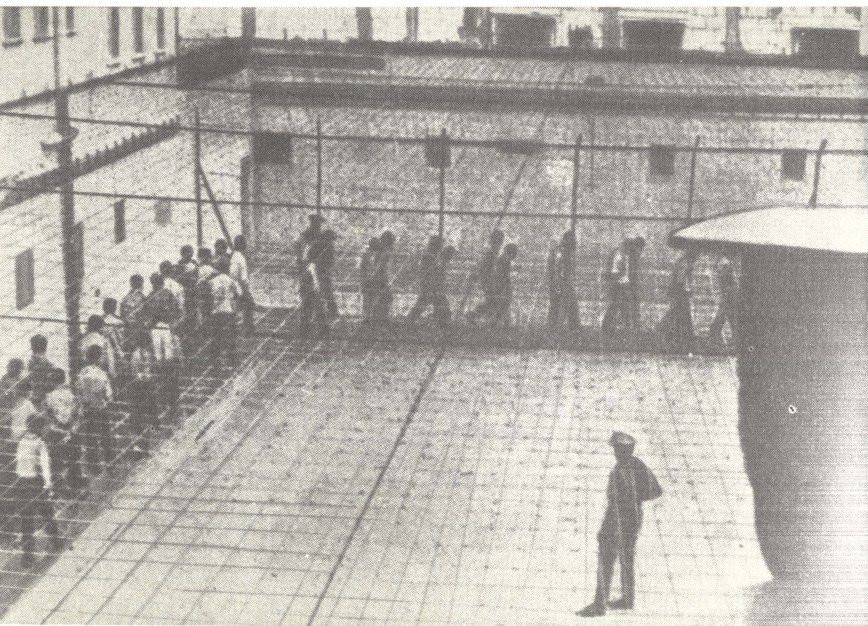

**Палестинские дети —
жертвы сионистского
геноцида**

**Тысячи палестинцев
томятся в израильских
тюрьмах**

Израильский вояка
расправляется
с палестинской
школьницей

Военный парад
6 октября 1981 г.
в Каире. Через
несколько мгновений
на Садата будет
совершено покушение

Убийство Садата

Вертолеты Пентагона
над египетскими пирамидами

Американские десантники
на земле Египта

США, пользуясь правом вето, постоянно срывают в Совете Безопасности ООН принятие решений, направленных на обуздание израильских агрессоров

Руководители Национального фронта стойкости и противодействия — авангарда общеарабской борьбы против кэмп-дэвидского сговора

«Мир по кэмп-дэвидски» в Ливане

Али Насер Мухаммед — руководитель Народной Демократической Республики Йемен, один из лидеров Национального фронта стойкости и противодействия.

Демонстрация протеста против неоколониалистского курса Вашингтона перед посольством США в Дамаске

Арабские народы отвергают кэмп-дэвидскую политику

рования. Все мольбы, все уверения Садата в том, что на каждый шаг Тель-Авива он ответит двумя, были тщетны.

Бегин открыто заявил, что его план имеет в виду «автономию для населения без автономии территорий» и предполагает сохранение израильского суверенитета над ними и по истечении пятилетнего переходного периода, который должен начаться согласно кэмп-дэвидской схеме после создания «выборного органа самоуправления палестинцев» на Западном берегу и в Газе.

Израильяне считали вопрос о сохранении своей юрисдикции в отношении израильских поселений не подлежащим сомнению. С их точки зрения, Израиль имел «право» на расширение уже существующих поселений и неограниченное и повсеместное строительство новых. Израильское правительство исходило из того, что евреи могут селиться в любом месте «земли Израиля», которая, по его убеждению, включала в себя и оккупированные палестинские территории. Эти притязания оно обосновывало библейскими текстами.

Израиль возражал против предоставления главному «выборному органу самоуправления» палестинцев — административному совету — даже ограниченных законодательных полномочий и выступал за максимально узкий состав его членов. Израильское правительство считало совершенно обязательным сохранение под контролем своих вооруженных сил вопросов «безопасности, законности и порядка», а также обеспечение права свободного перемещения израильской армии на Западном берегу и в секторе Газа и ее вмешательства в события. Оно также требовало контроля над необработываемыми и не принадлежащими частным лицам землями и над имеющими особо важное жизненное значение в условиях засушливых районов водными ресурсами.

Тель-Авив выступал против участия в выборах в палестинские административные органы «самоуправления» 100 тыс. арабских жителей Восточного Иерусалима на том основании, что Иерусалим — «единая и неделимая столица» Израиля.

Обвиняя друг друга в отклонении от кэмп-дэвидских соглашений и давая им разное толкование, египетские и израильские дипломаты к концу марта 1980 года решили лишь некоторые, в основном технические, вопросы.

Так, участники переговоров достигли договоренности о некоторых исполнительных функциях предполагаемых органов «палестинской автономии». В частности, им предоставлялось право облагать население налогами, иметь собственные полицейские силы, руководить просвещением и здравоохранением. Стороны пришли к соглашению относительно некоторых процедурных вопросов при проведении выборов. Ни одно предложение египтян, призванное, по мнению садатовского режима, способствовать достижению «полной автономии» палестинцев, израильская сторона не приняла.

Обозначилась перспектива полного провала переговоров, чего не хотели в Вашингтоне. В последней декаде марта 1980 года американские газеты заперестрели такими заголовками, как «Картер возвращается на переговоры о палестинцах в попытке ликвидировать тупик из-за вопроса об автономии», «Картер намерен дать новый стимул кэмп-дэвидскому процессу». Действительно, президенту США в свете приближающихся выборов было необходимо спасти «самую успешную» внешнеполитическую акцию его администрации, попытавшись для этого хотя бы как-то сблизить египетскую и израильскую позиции. Руководители Египта и Израиля были приглашены в столицу США.

Первым в Вашингтон прибыл египетский президент. Надеясь, что США повлияют на жесткую позицию Израиля, Садат буквально распинался в верноподданничестве американскому империализму. Обращаясь к Картеру в Белом доме, он раболепно произнес: «Как я обещал раньше, я никогда Вас не подведу». В ходе переговоров, продолжавшихся 8—9 апреля, хозяин Белого дома подтвердил намерение США добиваться успеха переговоров, хотя признал, что «мир, возможно, и скептически относится к их перспективам».

Через 10 дней президент США принимал Бегина. Израильский премьер чувствовал себя уверенно и вел себя развязно. Он учитывал, что Картер в борьбе за выдвижение своей кандидатуры на пост президента столкнулся с серьезной угрозой со стороны сенатора Э. Кеннеди, за которого за месяц до этого проголосовало подавляющее большинство евреев в Нью-Йорке. В целом тон выступления руководителя американской администрации был явно замскивающий. Расточая комплименты в адрес «сме-

лого и свободного народа Израиля, одной из великих стран мира», а также «смелого, просвещенного и дальновидного руководителя этого народа» — своего гостя, Картер высказался совершенно определенно: «Мы решительно, убедительно и последовательно выступаем против создания какого-либо независимого палестинского государства в районе Западного берега., Иерусалим должен быть неделимым...» Взявший слово Бегин под аплодисменты присутствующих начал с одобрения заявления американского президента о «неделимости Иерусалима». Затем он пояснил, что понимает «полную автономию» палестинцев как «право Израиля заселять Западный берег реки Иордан, защищать и контролировать эту территорию и сохранять весь Иерусалим под израильским флагом». Он засвидетельствовал, что во время встречи с президентом США последний не оказал на него «никакого нажима». Он также заявил, что Картер не просил его «заморозить» создание поселений на Западном берегу, хотя Садат неделей раньше сетовал в Белом доме на то, что эти аванпосты евреев порождают «ненависть и трения».

Единственным практическим итогом встреч Картера с Садатом и Бегинем явилась договоренность о возобновлении переговоров по «автономии» до конца апреля 1980 года. Они должны были проходить поочередно в Израиле и Египте, а не в Вашингтоне, как того хотелось бы египетскому президенту. Израиль не чувствовал себя вынужденным торопиться или делать уступки. Время работало на него. Открылась египетско-израильская граница, посол Израиля обосновался в Каире, израильские суда бороздили воды Суэцкого канала. Что касается Сады, то все его тщеславные надежды потеснить Бегина в борьбе за «симпатии» Вашингтона оказывались несбыточными.

Вашингтонские встречи вновь показали, что кэмп-дэвидский процесс заводит в тупик ближневосточное урегулирование, узаконивает попрание национальных прав палестинского народа. Последнее слово в Вашингтоне осталось за Бегинем, без особого труда отстоявшим израильский план «автономии», нацеленный на превращение палестинских территорий в типичные бантустаны.

На возобновившихся переговорах в Герцлии, вблизи Тель-Авива, с участием посланца президента США Ли-

новица и министров Израиля и Египта израильская сторона ультимативно потребовала от египтян принять израильские требования, в частности признать безоговорочное право Израиля на обеспечение «безопасности» на оккупированных землях. Садат распорядился прекратить переговоры, и они были прерваны 9 мая 1980 г. Одиннадцать туров переговоров в течение года завершились фактическим провалом.

Выступая в Народном собрании АРЕ 14 мая, Садат был вынужден признать, что к намеченному сроку завершения переговоров по «автономии», 26 мая, «ничего определенного достичь не удастся». Тем самым он фактически признал провал своего «хождения в Каноссу». Он уже не мог преподнести арабскому и всему миру переговоры как «поле своей битвы за общерабские интересы». Слишком много было сделано уступок агрессору, слишком одиозным стал торг правами палестинцев. Тупиковая ситуация на переговорах объяснялась не позицией садатовского режима, которую он выдавал за «принципиальную», направленную якобы на обеспечение «палестинских интересов». Дело было в том, что кэмп-дэвидские «Рамки мира на Ближнем Востоке» в основе своей были непригодны для того, чтобы достичь на их базе справедливого и всеобъемлющего мира в этом регионе. «Рамки» навязывали арабским странам «мир» на израильских условиях, уводили в сторону от кардинального решения ключевой, палестинской, проблемы ближневосточного урегулирования. Египетско-израильские разногласия касались лишь формы, а не содержания. Обе стороны придерживались концепции палестинской «автономии», основные элементы которой были разработаны в Кэмп-Дэвиде. Даже в случае учреждения «полной автономии» в понимании Садата палестинский народ ждал вечный удел быть разделенным на две части: «автономников» — пленников оккупированных территорий и беженцев поневоле, выдворенных из Палестины силой. Ему отказывалось в праве иметь своего единственного и законного представителя в лице ООП, создать собственное независимое государство.

Подлинными причинами провала переговоров об «автономии» явились мужественная борьба палестинского народа за свои законные права, его сплоченность вокруг ООП как выразителя общенародных интересов и меж-

арабская солидарность. Палестинцы на Западном берегу и в Газе рассматривали себя как неотъемлемую часть всего 4-миллионного палестинского народа. Они решительно отвергли навязываемый им проект «административной автономии» как в редакции Бегина, так и Садата, расценив его как увековечение израильской оккупации. Участникам кэмп-дэвидской сделки никак не удавалось найти «палестинского Музорева», решить проблему создания «палестинского представительства», без которого их план «самоуправления» палестинцев повисал в воздухе. По признанию самих израильских властей, им не удавалось склонить к поддержке плана «автономии» ни одного палестинского деятеля на Западном берегу. В политическом фарсе с «автономией» отказалась участвовать и Иордания, на которую американская администрация возлагала особые надежды.

Попытки египетской официальной пропаганды придать Садату ореол борца за справедливость с треском провалились. К весне 1980 года стало ясно, что переговоры об «автономии» на деле служат прикрытием для «нормализации» египетско-израильских отношений, складывания военно-политического союза между Вашингтоном, Тель-Авивом и Каиром. Решение Садата о прекращении переговоров было спокойно воспринято израильскими официальными лицами, выразившими уверенность, что рано или поздно они будут возобновлены. По их мнению, это могло произойти через несколько недель или месяцев после проведения президентских выборов в США. У Тель-Авива не было сомнений в том, что соглашения Каира по ключевым вопросам ближневосточного урегулирования — палестинской государственности и правомочности ООП представлять палестинский народ — повлекут за собой уступки и по всем другим вопросам.

Так и произошло. Уже в конце мая 1980 года в интервью газете «Вашингтон пост» Садат заявил, что полное прекращение переговоров об «автономии» невозможно, так как новый период отношений Египта с Израилем, начавшийся с его поездки в ноябре 1977 года в Иерусалим и закрепленный в договоре в марте 1979 года, приобрел необратимый характер¹¹. А осенью того же года Садат сообщил о намерении продолжить переговоры, несмотря на принятый израильским кнессетом закон об

официальной аннексии Восточного Иерусалима и эскалацию произвола оккупационных властей на Западном берегу. Эти заявления лишней раз подтверждали готовность каирского режима верой и правдой служить интересам американского империализма и международного сионизма, участвовать в их любых авантюристических затеях, в том числе и в переговорах, любые результаты которых заранее отвергались палестинским народом.

Не временное прекращение Садатом переговоров означало их провал. Фиаско авторов кэмп-дэвидской сделки заключалось в том, что им не удалось добиться желаемой степени воздействия на развитие политической обстановки на Ближнем Востоке. Эта сделка привела в лагерь империализма лишь египетского президента. Этот факт вынужден был констатировать в одном из своих выступлений Кэртер. «Одним из разочарований, которое постигло меня после того, как был подписан кэмп-дэвидский договор, было нежелание иорданцев, сирийцев и палестинских арабов присоединиться к мирным переговорам», — тоскливо сказал президент. Не удалось реализовать основные цели Кэмп-Дэвида — подключение к тройственному сговору других арабских стран, свержение прогрессивного режима в Сирии, раскол Палестинского движения сопротивления, подрыв арабо-советской дружбы. Определенные военные и политические дивиденды США и Израиля, полученные в результате капитулянтства Садата, в любой момент могли обратиться в убытки. Их долговременность в значительной степени зависела от позиций египетского президента, которые были полностью утеряны в арабском мире и очень шатки в самом Египте. Это дало основание газете «Вашингтон пост» выступить со следующими пророческими словами: «Анвар сидит на воспламеняющейся пороховой бочке. Ее взрыв поглотит сначала Садата, а затем может обречь на провал и все ближневосточное мирное предприятие Картера, которое началось с визита Садата в Иерусалим в 1977 году»¹².

В кольце изоляции

С течением времени становилось все более ясно, что кэмп-дэвидский курс зашел в тупик. За исключением марионеточного режима султана Кабуса в Омане и тесно связанного свою судьбу с Садатом суданского руководства, против Кэмп-Дэвида выступили все арабские страны, партии и организации, независимо от их социально-политической ориентации. Буквально через несколько дней после заключения египетско-израильского договора коммунистические и рабочие партии арабских стран выступили со специальным заявлением. В документе подписание договора расценивалось как оформление военно-политического альянса США, Израиля и садатовского режима на Ближнем Востоке. Этот альянс, указывалось в заявлении, призван служить заслоном на пути революционных преобразований в регионе, «воспрепятствовать постоянно растущему арабскому сопротивлению, нашедшему свое воплощение в решениях Национального фронта стойкости и противодействия, Общеарабского народного конгресса и багдадского совещания в верхах, в политической программе ООП»¹³. Коммунистические и рабочие партии арабских стран обратились к народным массам с призывом к развертыванию борьбы против договора, к выполнению решений общеарабских совещаний о применении политических и экономических санкций против режима Садата, к укреплению сотрудничества с Советским Союзом.

В ноябре 1979 года созванное в Тунисе X совещание глав арабских государств и правительств сделало вывод, что, хотя инициаторы кэмп-дэвидского сговора вывели из общеарабского фронта Египет, они не смогли сломить волю арабов. В Тунисе арабские президенты, короли и эмиры, подтвердив верность решениям, принятым в Багдаде, пошли дальше по пути развития антиимпериалистической солидарности. Так, в развитие решений багдадского совещания в верхах, на котором критика была сосредоточена на садатовском режиме, арабские лидеры в Тунисе прямо осудили политику Вашингтона, его пагубную роль в подписании кэмп-дэвидских соглашений и египетско-израильского договора, разоблачили планы США, противоречащие суверенитету и интересам арабских стран, их праву распоряжаться собственными ресур-

сами на благо своих народов. Совещание подробно рассмотрело южноливанскую проблему, вызванную агрессией Израиля против Ливана. Его участники единодушно высказались за полный суверенитет этой страны над всей ее территорией, за обеспечение ее независимости и национальной целостности, разоблачили действия Тель-Авива по разжиганию конфликта между ливанцами и палестинцами. Решения межарабского совещания в верхах по Ливану вызвали глубокое удовлетворение ливанских национально-патриотических сил, расценивших их как победу ливанского народа в борьбе за единство и независимость Ливана, против планов его подключения к кэмп-дэвидской сделке.

В документах совещания было предложено использовать методы экономического воздействия на ряд стран, в частности на страны ЕЭС, в интересах сближения их позиций в отношении Кэмп-Дэвида с позицией арабских государств. Комментируя результаты тунисского совещания, центральная газета НДРЙ «Арбааташар октобр» писала, что американский империализм и его агенты делали ставку на провал форума в Тунисе, надеясь на раскол арабских рядов. Однако «итоговый документ тунисского совещания свидетельствует о несостоятельности планов империализма подорвать арабскую солидарность»¹⁴.

Авторы кэмп-дэвидской сделки столкнулись также с нарастающим недовольством их политикой и бойкотом Египта со стороны всего мусульманского мира. Подписав сепаратный договор, игнорирующий права палестинцев и отдающий на поругание израильским агрессорам святыни ислама в оккупированном Иерусалиме, Садат бросил вызов не только арабам, но и 800 млн. мусульман. Их реакция не заставила себя долго ждать. 8—12 мая 1979 года в марокканском городе Фесе состоялась конференция министров иностранных дел исламских государств. Осудив египетско-израильское соглашение как противоречащее интересам арабской нации и всех исламских народов, министры приняли решение о приостановлении членства Египта в крупнейшем международном мусульманском форуме — Организации исламской конференции, объединяющей 42 мусульманские страны. Конференция в Фесе приняла решение о всесторонней поддержке борьбы палестинского народа во главе с ООП за

право на независимость и национальный суверенитет. Многие участники конференции открыто осудили ближневосточную политику США, оказывающих неограниченную поддержку сионистским агрессорам.

Антиамериканские настроения среди широких социальных слоев мусульманских стран, утверждающаяся репутация США как главного врага независимого развития народов исламского мира затрудняли осуществление имперских планов крупнейшей капиталистической страны. Вашингтон не раз пытался изменить ситуацию в свою пользу, рядясь в тогу защитника мусульман. Но это оказывалось непосильным делом. Заверения в любви к исламу и мусульманам слишком уже не вязались с такими действиями вашингтонских политиков, как сердечный альянс с антинародным шахским режимом в Иране, подрывная деятельность против иранской революции, поощрение агрессии Израиля, антиарабская кэмп-дэвидская сделка. Новый раунд борьбы за умы и души арабов и других мусульман Соединенные Штаты и их западные союзники начали в связи с оказанием Советским Союзом братской помощи афганскому народу в защите его революции. Стремясь отвлечь арабские и мусульманские народы от борьбы против израильской оккупации, посеять вражду между арабами и их верными и испытанными друзьями — СССР и другими социалистическими странами, Соединенные Штаты при активном участии садатовского режима попытались разыграть «мусульманскую карту», раздув для этого искусственную шумиху вокруг известных афганских событий. Арабские страны с прогрессивными режимами и ООП распознали и разоблачили эти цели. Конференция министров иностранных дел стран — участниц НФСП, состоявшаяся в Дамаске в январе 1980 года, в своем итоговом заявлении отметила, что Соединенные Штаты, лицемерно объявляя себя «защитником» ислама и мусульман, не прекращают плести заговоры против иранской исламской революции, снабжают новейшим оружием сионистов, нагло попирающих священное право миллионов мусульман жить на родной земле. Представители Сирии, НДРЙ, Алжира, Ливии и ООП указали на то, что основной замысел США, Израиля и садатовского режима заключается в следующем: «...подорвать арабскую и мусульманскую солидарность, ослабить изоляцию египетского режима, переключить

внимание арабов и мусульман на мнимые опасности, отвлекая их от опасности подлинной агрессии сионистского врага и его союзника — американского империализма»¹⁵.

Выстуление НФСП способствовало пониманию миллионами мусульман того, что силы, организующие агрессию извне против апрельской революции в Афганистане и плетущие заговор против арабских народов, — одни и те же. Антиимпериалистические позиции членов НФСП способствовали срыву далеко идущих планов Вашингтона в отношении сессии Организации исламской конференции, созванной в конце января 1980 года в Исламабаде. Американское правительство надеялось, что ее участники договорятся о конкретных антисоветских и антиафганских мероприятиях, восстановят приостановленное в связи с предательским курсом Садата членство Египта в организации и, возможно, в той или иной степени выразят поддержку новой «доктрине Картера». Однако американцев и их партнеров по кэмп-дэвидской сделке ждало жестокое разочарование. Их надежды на пересмотр мусульманскими странами отрицательного отношения к «миру по-кэмп-дэвидски» не оправдались. Собравшиеся в Исламабаде представители 36 государств и более 10 международных исламских организаций единодушно осудили «сотрудничество между Египтом, Израилем и США, представляющее собой агрессию против прав палестинского народа и являющееся угрозой безопасности и независимости арабских и мусульманских стран». Было принято решение о применении совместных санкций против египетского режима, начавшего процесс «нормализации» отношений с израильским агрессором. Антиамериканская направленность ряда документов, принятых в Исламабаде, свидетельствовала о том, что даже те традиционно ориентирующиеся на Запад лидеры мусульманских государств, которые очень хотели бы потрафить своим заокеанским друзьям, а также врагам афганского народа, принятым и обласканным, как писала арабская пресса, «предателем Садатом и террористом Бегинном», были вынуждены все больше учитывать настроения и жизненные интересы своих народов.

На XVI сессии ассамблеи глав государств и правительств Организации африканского единства (ОАЕ), проходившей в столице Либерии Монровии в июле

1979 года, когда Садат направился к трибуне для выступления, президент АНДР Ш. Бенджедид покинул в знак протеста зал заседаний. Его примеру последовали руководители ряда других делегаций. Расчеты авторов кэмп-дэвидской сделки на поддержку африканскими государствами сепаратного египетско-израильского договора и восстановление некоторыми странами Тропической Африки дипломатических отношений с Израилем не оправдались. Участники встречи в верхах в Монровии устроили горячий прием представителям ООП, присутствовавшим на сессии в качестве наблюдателей. Лидеры африканских стран осудили экспансионистскую политику Израиля и его сообщников, потребовали освобождения оккупированных арабских земель и соблюдения законных прав палестинского народа. В принятых решениях ОАЕ выступила против сепаратного египетско-израильского сговора.

Решительному осуждению подвергли капитулянтскую политику Садата и кэмп-дэвидскую сделку главы государств и правительств 89 из 95 неприсоединившихся стран на своей VI конференции в Гаване в августе 1979 года. Председатель конференции Ф. Кастро, охарактеризовав кэмп-дэвидские соглашения как в корне противоречащие интересам арабских народов, в том числе и египетского народа, сказал: «На такой несправедливости, на такой коварной политике, на измене такого рода, на такой шаткой основе никогда нельзя построить подлинный мир на Ближнем Востоке». Разоблачив планы американского империализма по превращению Израиля и Египта в своих жандармов на азиатском и африканском континентах, кубинский лидер назвал навязываемый Ближнему Востоку «мир по-кэмп-дэвидски» «миром вооруженным, грязным, несправедливым, кровавым...»¹⁶.

С 12 по 15 апреля 1980 г. в ливийской столице Триполи состоялось четвертое совещание глав государств — членов Национального фронта стойкости и противодействия. В политической декларации совещания была подтверждена решимость продолжать борьбу против происков американского империализма и международного сионизма — главных врагов арабской нации. Участники совещания обратились с призывом ко всем арабским правительствам пересмотреть свои отношения с США и рассматривать создание американских военных баз на

Ближнем Востоке как прямую агрессию против арабских народов. В итоговом документе совещания подчеркивалось: «События, происшедшие в арабском регионе после создания НФСП в 1977 году в Триполи, подтвердили, что фронт стал ядром арабской нации в ее позиции противодействия капитулянтскому курсу...» В связи с непрекращающимися империалистическими заговорами, направленными на внесение раскола в арабские ряды, участники встречи в Триполи высказались за дальнейшее упрочение солидарности и повышение ее эффективности и призвали арабские правительства «не отвлекаться по поводу второстепенных разногласий и сосредоточить свои усилия на отпор главному противнику, оккупирующему палестинские территории и земли других арабских государств». Особое внимание было уделено необходимости поддержки Сирии как «главной политической и военной силы в конфронтации с сионистским врагом и его союзниками». Совещание подтвердило готовность к расширению материальной и политической поддержки, оказываемой арабскому народу Палестины на оккупированных территориях и за их пределами в его борьбе под руководством ООП против навязываемой ему участниками кэмп-дэвидской сделки «административной автономии». Оно также призвало к «оказанию помощи всем национально-прогрессивным силам в Египте, борющимся за национальное освобождение этой страны и ее возвращение в ряды арабской нации». Руководители Сирии, НДРЙ, Ливии, Алжира и ООП заявили о своем намерении укреплять всесторонние отношения «со странами социалистического содружества во главе с дружественным Советским Союзом и развивать основы этих отношений с тем, чтобы упрочить эффективность стойкости и противодействия соглашениям Кэмп-Дэвида и его участникам»¹⁷.

Постоянный секретариат Общеарабского народного конгресса направил в адрес четвертого совещания глав государств — членов Национального фронта стойкости и противодействия послание, в котором выразил надежду, что эта встреча будет способствовать «достижению союза всей арабской нации в ее борьбе против коалиции США, Израиля и Египта». Тем самым ОНК затрагивал весьма злободневный вопрос об эффективности и перспективах общеарабской солидарности, о соответствии лозунгов

конкретным действиям. Самокритичные высказывания типа «пора переходить от стойкости к противодействию» часто исходили от самих представителей НФСП, задумывающихся о путях достижения действенного общеарабского антиимпериалистического единства. Этот вопрос постоянно находился в центре исследований и полемики революционно-демократических, коммунистических и других прогрессивных партий Арабского Востока. Так, член Политбюро ЦК Египетской компартии М. Кямель справедливо отмечал: «Сейчас арабским патриотам приходится действовать в весьма сложной обстановке. С одной стороны, опасное наступление империализма, сионизма и реакции, нарастание фашистской угрозы усиливают необходимость создания фронтов и союзов самого широкого круга политических и классовых сил. Но одновременно интенсифицируется процесс дифференциации и поляризации этих сил». Он констатировал, что «арабские прогрессивно-патриотические силы все еще разобщены, между отдельными их отрядами существуют противоречия, далеко не всегда носящие принципиальный характер. Эти силы пока не подняли на выступления широкие народные массы»¹⁸.

Сталкиваясь нередко с недостаточным взаимопониманием даже между прогрессивными арабскими силами, часть арабских патриотов начинала с сомнением относиться к самой возможности создания общеарабского антиимпериалистического фронта. Для них были характерны высказывания о том, что консервативные арабские режимы объективно не могут занимать патриотические, антиимпериалистические позиции, что несостоятельна сама идея сотрудничества стран социалистической ориентации с монархиями и странами, идущими по пути капиталистического развития. Аргумент их оппонентов заключался в том, что даже прозападные арабские правители, обычно ориентирующиеся на союз с империализмом, не осмелились присоединиться к Кэмп-Дэвиду, пренебречь национальными интересами арабов, выступающих против империализма и сионизма. Эти правители были вынуждены учитывать реакцию широких народных масс.

Неоспоримы факты проявления общеарабской солидарности во время октябрьской войны 1973 года, на совещаниях глав арабских государств и правительств в

Багдаде и Тунисе, реализация решений которых загнала авторов кэмп-дэвидской сделки в тупик. Стремясь ослабить действенность общеарабской солидарности, империалистические силы, и в первую очередь американский империализм, всячески разжигали вражду между арабскими странами, провоцировали конфликты в арабском мире и на его границах. Как писал центральный орган партии Фронт национального освобождения Алжира «Революсьон африкэн», империалисты прекрасно понимают, что «только подлинное общеарабское сотрудничество способно окончательно покончить с использованием империализмом перекрестка Азии, Европы и Африки в качестве дойной коровы для своих заводов и банков»¹⁹.

Кэмп-дэвидская сделка была осуждена международным сообществом. 29 ноября 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, отвергающую кэмп-дэвидские соглашения. В резолюции отмечалось, что они были заключены вне рамок ООН и без участия ООП — представителя палестинского народа, и обращалось внимание на то, что в этих соглашениях «оправдывается продолжающаяся израильская оккупация палестинских территорий, захваченных Израилем с 1967 года». Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принятая на пленарном заседании 6 декабря 1979 г., осудила продолжающуюся оккупацию Израилем палестинских и других арабских территорий в нарушение Устава ООН, принципов международного права и соответствующих резолюций ООН. Она также осудила «все частичные соглашения и сепаратные договоры, которые нарушают признанные права палестинского народа и противоречат принципам справедливых всеобъемлющих решений ближневосточной проблемы, направленных на обеспечение установления прочного и справедливого мира в этом районе».

Впоследствии самый представительный международный форум еще не раз пригвождал к позорному столбу распоясавшегося агрессора, рассматривающего кэмп-дэвидские документы как «карт бланш» для своих экспансионистских действий.

В декабре 1980 года штаб-квартира ООН в Нью-Йорке была избрана местом проведения голодовки мэрами палестинских городов Эль-Халиля (Хеброна) и Хальхуля М. Мильхемом и Ф. Кавасмой. Они присутствовали на заседании Совета Безопасности ООН, который в связи с

изгнанием палестинских мэров с Западного берега Иордана потребовал от Израиля соблюдения положений четвертой Женевской конвенции 1949 года о защите гражданского населения во время войны. Палестинские представители решили провести голодовку в знак протеста против расистской политики Израиля на оккупированных территориях. Их патриотическая акция способствовала дальнейшему росту солидарности со справедливой борьбой арабского народа Палестины на всех континентах, углублению международной изоляции авторов кэмп-дэвидской сделки.

Оказавшись в одном лагере с Израилем, Египет лишился политического лидерства в арабском мире, утратил свое прежнее влияние на арабские страны. Главных инициаторов и вдохновителей кэмп-дэвидской сделки особо беспокоила эскалация антисадатовских настроений, в которой они видели угрозу всей своей ближневосточной доктрине. От Атлантического океана до Персидского залива египетского президента называли прислужником империализма и сионизма. Бурю возмущения в арабских и других мусульманских странах вызвало решение Садата о предоставлении египетской территории в распоряжение вооруженных сил США. Арабы справедливо отмечали, что это решение является грубым вызовом всем арабским народам, которые на протяжении многих десятилетий вели упорную, нередко кровопролитную борьбу против империалистических военных баз, что оно оскорбляет память жертв, павших в этой борьбе. Его пособничество мировой реакции вызывало осуждение всех честных людей на земле.

Египетский президент пытался прикрыть свое капитулянтство и предательство общеарабских интересов обещаниями скорого процветания Египта. Его пропагандистский аппарат строил свои циничные расчеты на том, что основная забота миллионов простых египтян — поиски пропитания для семьи. Среди же интеллигенции разжигались шовинистические настроения, чувство превосходства египтян над остальными арабами. Однако ни социальная демагогия руководства, ни изощренность официальной пропаганды не могли затушевать действительность. Политика «открытых дверей», сепаратный «мирный» договор с Израилем не принесли ни благополучия египетскому народу, ни славы Египту. Несмотря

на жестокие репрессивные меры государственного аппарата, ширилось движение оппозиции внутри страны.

Ярким выражением недовольства политикой Садата явились выступления в марте 1980 года студентов в Асьюте — крупном городе в Верхнем Египте. Это было самое массовое выступление в Египте после январских событий 1977 года. Оно имело четко выраженный политический характер. «Садат — современный фараон!», «Шаха — вон из Египта!», «Долой нормализацию отношений с сионистским государством!» — таковы были лозунги, выдвинутые в Асьюте студентами, прибывшими туда со всех концов страны. Студенты не побоялись вступить в схватки с полицией. Накануне событий в Асьюте каирские студенты провели демонстрацию у госпиталя, в котором содержался пригретый Садатом иранский шах, под лозунгом: «Позор укрывателям союзника Израиля и мирового сионизма в борьбе против арабов».

Массовые политические выступления внутри Египта совпали с обнародованием в Дамаске документа о создании Египетского патриотического фронта (ЕПФ). Его возглавил видный военный и политический деятель Египта, бывший начальник генерального штаба египетских вооруженных сил генерал Саад эд-Дин аш-Шазли. Фронт объединил различные прогрессивные и патриотические силы — насеристов, коммунистов, представителей мусульманской оппозиции. Основной задачей фронта было объявлено установление демократического режима взамен «садатовской диктатуры». Как и внутренняя оппозиция, его члены осуждали антинародный и антиарабский экономический и политический курс Садата, изолировавший Египет от арабских и мусульманских стран, мирового национально-освободительного движения, подорвавший его традиционную дружбу с СССР и другими странами социалистического содружества — верными друзьями арабов. Они решительно выступали против втягивания страны в агрессивные военные блоки, в трясины пособничества империализму и сионизму. Среди целей ЕПФ фигурировали аннулирование предательского договора с Израилем, недопущение американского военного присутствия на территории страны, борьба за создание независимого палестинского государства, а также освобождение национальной экономики от засилья иностранного и паразитического египетского капитала, отмена

антидемократических законов. Объявление о создании ЕПФ именно в Дамаске подчеркивало солидарность его учредителей с Фронтом стойкости и противодействия.

С. аш-Шазли выразил уверенность в том, что «египтяне положат конец господству Садата в Каире», и подчеркнул важность координации действий фронта с внутренней египетской оппозицией. Внутри самого Египта обозначилась явная тенденция к консолидации различных оппозиционных отрядов. Все чаще с единых позиций выступали Национально-прогрессивная (левая) партия и Социалистическая партия труда (СПТ). Они резко критиковали начавшуюся «нормализацию» отношений с Израилем в условиях продолжавшейся оккупации арабских земель, в том числе части Синая, и создания новых поселений на Западном берегу реки Иордан, требовали осуществления мероприятий, направленных на улучшение материального положения населения, протестовали против попыток Садата урезать остатки демократии, выражали возмущение в связи с прибытием в страну иранского шаха. При этом Садата сильно беспокоила все более проявляющаяся независимость СПТ, которая была создана при активном содействии властей в качестве противовеса левой оппозиции. Ведь на лояльность этой партии режим особенно рассчитывал. Весьма болезненно Садат воспринял подъем палестинского флага над резиденцией СПТ в день обмена Египтом и Израилем послами и заявление лидера партии И. Шукри о том, что «деньги, необходимые для организации охраны шаха, было бы лучше израсходовать на улучшение жизни египтян».

Ряды оппозиции постоянно росли. В них вливалось все больше недовольных, представляющих различные слои населения, в том числе широкие мусульманские круги. Садат, лицемерно объявивший себя защитником ислама для оправдания военного сговора с США против афганского народа, против афганских мусульман, не вспоминал, однако, о религии, сталкиваясь с оппозицией мусульман в собственной стране. Каждый раз, когда они выступали против сепаратного договора с Израилем, он обрушивал на них репрессии. В целях подавления оппозиции, и особенно в среде интеллигенции, египетское руководство навязало стране так называемый закон «о порочном поведении». Он предусматривал создание «судов чести» для применения санкций к инакомыслящим по-

литическим и общественным деятелям. С помощью этих судов можно было действовать в обход законных юридических органов, которые все чаще выходили из повиновения при рассмотрении сфабрикованных спецорганами дел.

Рост цен на предметы широкого потребления затронул и интересы многочисленных средних слоев города и деревни, составляющих немалую часть правящей Национал-демократической партии. Среди них росло недовольство своим материальным положением, ухудшение которого они прямо связывали с политикой Садата, с коррупцией в высших эшелонах власти. Арабская и зарубежная печать неоднократно писала о наличии антисадатовских группировок в египетской армии. В целях дезорганизации их деятельности постоянно осуществлялась перетасовка старшего командного состава, многие офицеры увольнялись из армии. Против Садата были настроены не только многочисленные мусульманские организации, но и влиятельная коптская община.

Причина взрывоопасной обстановки в стране заключалась в авантюристической политике Садата. Выдвинутая им альтернатива курсу Г. А. Насера оказалась несостоятельной. И если израильский президент И. Навон говорил о Садате как о человеке, «изменившем течение истории», то арабские газеты изображали его в карикатурах пытающимся повернуть вспять течение Нила. Все больше египтян требовали отказа от политики, заведшей страну в тупик, выступали за возвращение Египта на путь независимости и социального прогресса, по которому он следовал после июльской революции 1952 года и на котором добился впечатляющих успехов.

Все попытки заокеанских покровителей Садата вывести из изоляции его режим были тщетны. Дело в том, что эта изоляция не была результатом дипломатических маневров, разработанных в правительственных канцеляриях. Это была реакция народов Арабского Востока, Азии и Африки, ценою тяжелых потерь добившихся национальной независимости и выступающих против восстановления империалистического господства. Подобная реакция означала провал неоколониалистских планов Вашингтона, явно просчитавшегося в оценке антиимпериалистического заряда арабских стран, в анализе расстановки политических сил в регионе. Вся кэмп-дэвид-

ская эпопея лишь усилила антиамериканские настроения среди арабов и еще больше углубила арабо-израильский конфликт.

«Западноевропейская инициатива»

Тупик кэмп-дэвидского процесса, с одной стороны, консолидация арабов на антикэмп-дэвидской платформе и тенденция к активизации арабского национально-освободительного движения — с другой, вызвали беспокойство западноевропейских стран. Они обоснованно опасались в этой связи роста антиимпериалистических настроений на Арабском Востоке, грозящего подрывом их разносторонних интересов в этом регионе. В сложившейся обстановке западноевропейские государства стали стремиться к активизации и координации своей ближневосточной политики. В Западной Европе принялись усиленно пропагандировать возможности выдвижения «инициативы» по ближневосточному урегулированию. Эта пропагандистская кампания была рассчитана в первую очередь на арабские страны с консервативными режимами, руководство которых стремилось к компромиссу с Западом. Этим странам импонировала активная роль Западной Европы в ближневосточном урегулировании при условии консенсуса западноевропейских государств в отношении права палестинского народа на самоопределение. Режимы, традиционно связанные с Вашингтоном, как, например, в Саудовской Аравии, надеялись на то, что Западная Европа поможет им убедить США отказаться от произраильской позиции и пойти навстречу арабам. Поэтому они не только с надеждой внимали пропагандистским заверениям западноевропейских стран, но и охотно шли на расширение дипломатических и политических контактов с ними, в том числе на высшем уровне.

С 1 по 10 марта 1980 г. президент Франции В. Жиска-р Д'Эстен посетил Кувейт, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Иорданию и Саудовскую Аравию. В ходе своего марафонского визита он, казалось бы, выступил с довольно многообещающими заявлениями. Так, французский президент высказался за признание

права палестинского народа на самоопределение и за необходимость участия ООП в переговорах по ближневосточному урегулированию. Он согласился включить во франко-кувейтское коммюнике тезис о том, что «проблема палестинцев должна рассматриваться не как проблема беженцев, а как проблема народа, имеющего право на самоопределение». Но дальше президент Франции не пошел. Это побудило арабские страны с прогрессивными режимами и ООП предостеречь арабов от преждевременных иллюзий и высказать предположение, что за дипломатическим наступлением Западной Европы скрывается стремление помочь США выбраться из кэмп-дэвидской трясины, в которую может быть затянут весь западный мир. Участники НФСП, в частности, отмечали отсутствие высказываний французского руководителя против Кэмп-Дэвида и указывали на неприемлемость любой инициативы, в рамках которой кэмп-дэвидская сделка рассматривалась бы как свершившийся факт. По мнению Я. Арафата, Франция должна была бы ясно объявить, что она считает ООП единственным законным представителем палестинского народа, и признать право палестинцев на независимое государство. В самом деле, слишком бросалось в глаза, что В. Жискара Д'Эстен, не предложив ничего конкретного палестинцам в плане обеспечения их государственности, неоднократно подчеркивал необходимость признания Израиля со стороны ООП и «гарантии безопасных израильских границ».

Одобрение позиции Франции Великобританией, ФРГ и другими государствами Западной Европы свидетельствовало о разработке общей ближневосточной политики западноевропейских стран и позволяло представить контуры так называемой западноевропейской «инициативы» по ближневосточному урегулированию. Эти контуры прояснились еще больше в ходе обсуждения в апреле — мае 1980 года в Совете Безопасности ООН проекта резолюции, подтверждающего право палестинцев на создание собственного государства. Участвовавшие в заседании четыре западноевропейские страны — Франция, Англия, Норвегия и Португалия — воздержались при голосовании, что дало основание Я. Арафату заявить, что «западноевропейской инициативы, как таковой, не существует». Справедливость этой оценки была подтверждена 31 мая в ходе интервью министра иностранных дел Франции

Ж. Франсуа-Понсе вашигтонскому корреспонденту египетской газеты «Аль-Ахбар». Министр сказал, что «эта инициатива не идет вразрез с кэмп-дэвидскими соглашениями, но, напротив, основывается на том, что было достигнуто в их рамках до настоящего времени». Министр отметил, что кэмп-дэвидские соглашения принесли ряд позитивных результатов, но застой в переговорах по «автономии» и занятость американской администрации предвыборной кампанией побуждают Западную Европу способствовать заполнению образовавшегося вакуума. Таким образом, министр одной из ведущих стран Западной Европы открыто признал, что ближневосточная «инициатива», которую, как заявили страны ЕЭС, они намеревались обнародовать на своем совещании в верхах в Венеции, будет направлена не против кэмп-дэвидских соглашений и их последствий, а на «продолжение» начатого американцами «мирного процесса»²⁰.

Бесспорно, что при общей заинтересованности западноевропейских стран и США в сохранении на Ближнем Востоке условий, гарантирующих сохранение позиций капиталистического мира в целом, их интересы совпадали не во всем. Хотя бы уже потому, что Западная Европа значительно больше, чем США, зависит от поставок арабской нефти. Тем не менее в ближневосточном вопросе, как и во многих других, разногласия между Старым и Новым светом не выходили за рамки признания западноевропейскими странами ведущей роли Вашингтона в формировании общей политики Запада. На это указывали прогрессивные арабские круги. Так, обозреватель сирийской газеты «Тишрин» Д. Курия писал: «Даже те страны Западной Европы, которые склоняются к продолжению политики разрядки и широкого экономического сотрудничества с Советским Союзом, уступили американскому давлению и согласились, пусть нехотя, на размещение на своих территориях ракет среднего радиуса действия, увеличение военных расходов и введение санкций против Ирана. Они же в течение длительного времени хранили молчание по поводу кэмп-дэвидских соглашений»²¹. Вашингтон и на сей раз оказался верен своей манере обращения с младшими партнерами. Президент Картер и государственный секретарь США Маски в резких выражениях потребовали от своих союзников «не подрывать» кэмп-дэвидский процесс. Странам «Общего

рынка» было отказано и в праве «продолжить» кэмп-дэвидскую политику, проявить в этом вопросе хотя бы минимальную самостоятельность. Перед встречей руководителей европейских стран в Венеции прежние оптимистические прогнозы относительно их «возможной самостоятельной позиции» по ближневосточному урегулированию уступили место значительно более сдержанным формулировкам. Учитывая реакцию США, западные политические обозреватели писали, что, несмотря на желание европейской «девятки» снискать симпатии арабов, она, видимо, не пойдет наперекор своему заокеанскому союзнику и на предстоящей встрече в Венеции не выступит с какими-либо конкретными предложениями²². Из сообщений прессы стало известно, что, столкнувшись с угрозой Картера использовать право вето, девять стран — членов ЕЭС отказались от идеи внести в Совет Безопасности резолюцию, которая могла бы дополнить резолюцию 242 положениями о национальных правах палестинского народа либо призвать к проведению ближневосточных переговоров на каком-то новом форуме вместо кэмп-дэвидского²³. В общем мировое общественное мнение исподволь подготавливалось к тому, что широко разрекламированная «западноевропейская инициатива» выльется в Венеции в чисто декларативное заявление «девятки». Так и произошло на деле.

14 июня 1980 г. сессия Совета Европейских сообществ на уровне глав государств и правительств стран — членов ЕЭС приняла специальное заявление по Ближнему Востоку, известное как венецианская декларация. Ознакомление с ее содержанием свидетельствовало о правильности оценок ближневосточной политики государств Западной Европы со стороны последовательных антиимпериалистических сил Арабского Востока. Являлась ли эта декларация уступкой американскому давлению или отражением согласованной европейско-американской позиции? Возможно и то, и другое. Но было ясно одно: она игнорировала ключевые вопросы ближневосточного урегулирования — полный и безоговорочный вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий, включая Восточный Иерусалим, создание палестинского государства, признание ООП единственным законным представителем палестинского народа и одним из основных участников любого урегулирования

ближневосточного кризиса. ООП и другие участники НФСП отвергли венецианскую декларацию как документ, в целом не выходящий за рамки американской ближневосточной политики и направленный на втягивание в ее осуществление других арабских стран. Исполком ООП, отметив содержащиеся в декларации отдельные положительные моменты, как, например, осуждение практики создания израильских поселений на оккупированных территориях, указал, что «в заявлении игнорируются основные элементы установления справедливого мира в регионе, а также сущность арабо-израильской борьбы. В нем содержится много противоречий и неясностей, и в целом оно является попыткой вывести соглашения Кэмп-Дэвида из изоляции и тупика». Острой критике венецианская декларация была подвергнута в Сирии. В заявлении министерства иностранных дел САР по поводу заявления членов ЕЭС отмечалось, что прямая ссылка в нем на кэмп-дэвидские соглашения «означает, что эти соглашения были приняты во внимание и, следовательно, содержание заявления в целом не противоречит им». На заседании Народного совета САР министр иностранных дел назвал документ «новым изданием Кэмп-Дэвида»²⁴. «Гора, родившая мышь» — так охарактеризовал алжирский журнал «Революсьон Африкэн» заявление стран ЕЭС, обратив особое внимание на то, что европейская «девятка», единодушно выступив за существование Израиля в безопасных и гарантированных границах, ни словом не обмолвилась о праве палестинцев на создание независимого государства²⁵.

Так называемые умеренные арабские страны (Иордания, Ливан, Кувейт и др.), на которые в основном и было рассчитано принятое в Венеции заявление, также отмечали, хотя их тон и был более сдержанный, что в документе отсутствуют основные принципы решения ближневосточной проблемы и он не содержит в себе минимума положений, на основе которых можно было бы добиваться справедливого ближневосточного урегулирования. В таком духе высказывались, в частности, министр иностранных дел Ливана Бутрос и генеральный секретарь кабинета министров Кувейта Аль-Отейби. Наблюдатель Лиги арабских стран при ООН К. Максуд отреагировал на позицию стран ЕЭС следующим образом: «Мы считали, что то, что происходит в западноевропейских странах,

свидетельствует об их недовольстве кэмп-дэвидскими соглашениями. Однако это недовольство еще не вызрело настолько, чтобы Западная Европа могла заявить о своей независимой политике и выступить с самостоятельной инициативой»²⁶. В то же время, несмотря на негативную реакцию в отношении венецианского заявления в целом, отдельные консервативные арабские государства пытались выдавать некоторые содержащиеся в нем чисто декларативные формулировки за «положительный вклад в поиски мира», как альтернативу Кэмп-Дэвиду, использовать их для ослабления арабской антиимпериалистической солидарности.

Эти попытки разоблачались и пресекались арабскими прогрессивно-патриотическими силами. В своих официальных заявлениях коммунистические, революционно-демократические и другие прогрессивные партии и организации Арабского Востока, руководители стран социалистической ориентации, признавая наличие определенных разногласий между западноевропейцами и американцами, указывали одновременно на беспочвенность иллюзий, будто капиталистическая Западная Европа готова пойти против стратегических интересов США и Израиля. Они разъясняли арабам, что западноевропейские страны рассматривают свою «инициативу» в контексте вывода из ближневосточного тупика своего заокеанского союзника. Считая, что Кэмп-Дэвид сыграл свою роль, вырвав из рядов арабского национально-освободительного движения Египет, страны „Общего рынка”, как бы принимая эстафету от США, стремились расколоть ООП, привлечь к начатому американцами процессу Иорданию и арабские нефтедобывающие страны с консервативными режимами. ОНК и НФСП предупреждали, что в конечном счете так называемая «западноевропейская инициатива» преследует те же цели, что и Кэмп-Дэвид: расколоть единство палестинских и арабских рядов в борьбе против империалистического заговора, обеспечить незыблемость интересов капиталистического мира в регионе. Они обратили внимание арабов на то, что сразу же после совещания в Венеции стран — членов ЕЭС и американский государственный секретарь Маски, и иракские руководители заявили, что позиция западноевропейской «девятки» не подрывает процесс Кэмп-Дэвида. Впрочем, вскоре об этом открыто стали заявлять и сами

«творцы» западноевропейской политики. Встретившийся в августе 1980 года в Каире с Садатом председатель совета министров стран „Общего рынка“, министр иностранных дел Люксембурга Г. Торн без обиняков заявил египетскому президенту, что известная декларация не противоречит кэмп-дэвидским соглашениям и не является альтернативой им. С такой оценкой не соглашался только воинствующий экстремист Бегин, требовавший от западноевропейцев, чтобы они следовали не только духу, но и каждой букве кэмп-дэвидских документов.

Патриотические силы арабского мира рассматривали венецианскую декларацию как несколько подновленную редакцию кэмп-дэвидских соглашений еще и потому, что в ней полностью отсутствовали какие-либо указания на позитивную роль, которую должен сыграть в ближневосточном урегулировании Советский Союз. И здесь страны — члены ЕЭС пошли на поводу у США, ставящих целью исключение СССР из процесса ближневосточного урегулирования. По мнению же всех арабских патриотов, без участия Советского Союза ни о какой серьезной деятельности по установлению справедливого мира на Ближнем Востоке не могло быть и речи. Они осуждали попытки определенных западноевропейских кругов подорвать дружбу и сотрудничество арабов с Советским Союзом.

Советская позиция

Договор между Израилем и Египтом, широко разрекламированный в США и ряде западноевропейских стран как «прорыв» в деле разрешения ближневосточного кризиса, в Советском Союзе был расценен как новое препятствие на пути к всеобъемлющему справедливому урегулированию на Ближнем Востоке. Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко подчеркивал, что подписанный в Вашингтоне документ «еще туже затягивает узел ближневосточных противоречий, сеет в изобилии семена новых конфликтов и потрясений в этом районе»²⁷. Советские руководители, дипломаты, средства массовой информации указывали на то, что так называемый «мирный» договор приведет не к миру, а к обострению и без того взрывоопасной обстановки в регионе. В совместном советско-сирийском сообще-

нии по итогам визита в Сирию 24—26 марта 1979 г. министра иностранных дел СССР А. А. Громыко отмечалось, что этот договор «призван увековечить оккупацию Израилем захваченных им в 1967 году арабских земель, в том числе аннексию им восточной части Иерусалима, и не допустить осуществления законных национальных прав арабского народа Палестины»²⁸. В ходе бесед в Дамаске А. А. Громыко и президент САР Х. Асад осудили заключенный при активном участии США договор между Египтом и Израилем как направленный против интересов всех арабов, в том числе и египетского народа.

Советские представители особо подчеркивали, что под прикрытием израильско-египетского договора США стремятся внедрить и расширить свое военное присутствие на Ближнем Востоке, вплоть до создания там военных баз. В связи с этим обращалось особое внимание на необходимость сплоченности всех арабских государств, противостоящих заговору США, Израиля и саудовского Египта, отмечалась большая позитивная роль, которую играли в укреплении общеарабской солидарности члены НФСП. В Советском Союзе с чувством глубокой симпатии относились к деятельности Фронта стойкости и противодействия, стремящегося вооружить арабский мир правильной оценкой происходящего, наметить конкретные меры по противодействию антиарабским акциям США и их пособников, не допустить, чтобы под их влияние подпали какие-либо арабские страны. Советский Союз исходил из того, что сорвать планы авторов тройственного сговора может лишь широкое общеарабское движение, поддержанное друзьями арабов во всем мире. Верный и испытанный друг арабских народов, СССР после заключения египетско-израильского договора еще раз авторитетно заверил их в том, что он не отступит от своей последовательной принципиальной линии в ближневосточных делах.

Ослабление фронта общеарабской антиимпериалистической борьбы путем подрыва советско-арабской дружбы — излюбленный прием империализма, сионизма и арабской реакции. Они стремились посеять среди арабов недоверие к советской политике, внушить им, что они не могут рассчитывать на действенную поддержку СССР, распространяли клеветнические слухи, что Москва, дескать, смирилась с действиями США на Ближнем Восто-

ке ради своих «высших государственных интересов» и для арабов не остается иного пути, кроме пути египетского президента. Политические спекуляции такого рода пытались связывать даже с советско-американской встречей в Вене на высшем уровне, запустив в пропагандистский оборот насквозь лживый тезис о том, что Советский Союз якобы больше США заинтересован в соглашении ОСВ-2 и поэтому готов поступиться некоторыми своими позициями.

Для всех патриотов Арабского Востока Советский Союз и другие страны социалистического содружества — основная опора, стратегический союзник в их борьбе за национальное освобождение и независимое развитие. Поэтому они сами давали отпор измышлениям, направленным на подрыв советско-арабских отношений. Позиция СССР, выступающего за коренные интересы арабских народов, в том числе египетского, находила признание и одобрение всех национально-патриотических сил региона. Ее высоко ценила самая заинтересованная сторона в справедливом ближневосточном урегулировании — палестинцы. Заведующий политическим отделом Исполкома ООП Ф. Каддуми, разоблачая нечистоплотные махинации американской и садатовской прессы, со всей убежденностью заявил: «Советский Союз оказывает Палестинскому движению сопротивления политическую поддержку и материальную помощь. Несомненно, что позиция социалистических стран во главе с СССР по отношению к нашим проблемам нас полностью удовлетворяет». «На международной арене, — далее подчеркнул он, — СССР продолжает противостоять заговорам империализма и выступает против кэмп-дэвидских соглашений и израильско-египетской сделки»²⁹. Так считали убежденные сторонники арабо-советской дружбы.

Что же касается ее врагов, то они уже в который раз сели в лужу, когда на встрече 17 июня 1979 г. в Вене Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, обсуждая с президентом США Дж. Картером положение на Ближнем Востоке, вновь констатировал, что заключение израильско-египетского договора не только не успокоило обстановку в этом районе, но сделало ее еще более острой и опасной. Советский Союз убежден, подчеркивалось на встрече, что прочность мира на Ближнем Востоке не мо-

жет быть без всеобъемлющего урегулирования проблем с участием всех заинтересованных сторон. Основой для такого урегулирования может быть только полное освобождение арабских земель, оккупированных в 1967 году, предоставление возможности для палестинцев создать свое собственное государство, обеспечение независимости и безопасности всех стран этого региона³⁰.

Солидарность всех советских людей с борьбой палестинцев и арабов против империализма и сионизма была выражена в поздравительной телеграмме Л. И. Брежнев-ва Я. Арафату в августе 1979 года по случаю его пятидесятилетия. В своем теплом послании руководитель КПСС и Советского государства заверил лидера ПДС в том, что «в лице Советского Союза палестинский и другие арабские народы всегда будут иметь надежного друга и союзника в борьбе за обеспечение их законных национальных прав и достижение прочного мира на Ближнем Востоке на основе справедливого всеобъемлющего урегулирования»³¹. Общая советско-палестинская позиция в деле ближневосточного урегулирования была подтверждена в совместном коммюнике о визите в СССР делегации ООП во главе с Я. Арафатом в ноябре 1979 года. Председатель Исполкома ООП, выражая от имени палестинского народа глубокую признательность советскому народу за бескорыстную помощь и поддержку справедливого дела палестинцев, отметил, что ООП рассматривает дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества с СССР и другими государствами социалистического содружества как один из решающих факторов решения палестинской проблемы и достижения всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке.

Советский Союз активно разоблачал попытки Соединенных Штатов прикинуться «защитником» мусульманских народов, чтобы отвлечь их внимание от антиарабского кэмп-дэвидского сговора. Он подчеркивал, что заокеанский покровитель Тель-Авива — его прямой пособник в преступлениях против палестинского народа. В речи перед избирателями в феврале 1980 года в связи с выборами в Верховный Совет РСФСР министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, говоря о тщетных надеждах американской администрации заставить мусульманские народы забыть преступления империализма на их земле и изобразить Советский Союз противником

исламских государств, отметил: «Кто третирует четыре миллиона арабского населения Палестины, изгнанного Израилем со своих земель, и категорически возражает против осуществления его законного права на создание своего независимого государства? Это делает Вашингтон»³².

С глубоким удовлетворением в арабском мире воспринимали расширение советско-сирийского сотрудничества, многостороннюю поддержку Советского Союза Сирии, подтвержденную в ходе визита в Москву в октябре 1979 года президента САР Х. Асада. «Сирия, — писала иорданская газета «Ахбар аль-Усбу», — это главная сила, противостоящая сейчас сионистскому врагу в нашем районе, и поэтому помощь Москвы Дамаску — это помощь всем арабам»³³. Печать Сирии отмечала, что советско-сирийская встреча в Москве будет иметь «долгосрочное позитивное значение для всего Ближнего Востока». Комментируя итоги визита Х. Асада в Москву, центральный орган ПАСВ газета «Аль-Баас» писала: «Советский Союз еще раз подтвердил верность принципам Великой Октябрьской социалистической революции и доказал, что идет в авангарде сил мира и прогресса»³⁴.

Встречи и взаимные консультации советских руководителей с руководителями арабских стран стали традицией. Вопросы всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке всегда были в центре этих встреч. Принимая в мае 1980 года в Москве Генерального секретаря ЦК Йеменской социалистической партии, Председателя Президиума Верховного народного совета НДРЙ, премьер-министра НДРЙ А. Н. Мухаммеда, Л. И. Брежнев отмечал, что политика Кэмп-Дэвида на Ближнем Востоке явно заходит в тупик, а США переходят к открытому утверждению своего военного присутствия в этом регионе и окружающих его районах Азии и Африки. В связи с этим советский руководитель сказал: «Возникает вопрос: не пора ли прекратить затянувшуюся возню с антиарабской политикой сепаратных сделок? Не настало ли время вернуть дело ближневосточного урегулирования в единственно правильное русло — на путь коллективных усилий всех заинтересованных сторон, включая, разумеется, и Организацию освобождения Палестины»³⁵.

Неизменную позицию поддержки справедливых требований арабов Советский Союз продолжал занимать на

международной арене. Используя свой высокий авторитет в условиях осложнения обстановки на Ближнем Востоке после кэмп-дэвидской сделки, он твердо отстаивал законные права палестинского и других арабских народов — жертв израильской агрессии. Он выступал единым фронтом с их представителями в ООН и других международных организациях, являясь инициатором принятия многих решений в поддержку их борьбы. Большая работа в этом плане проводилась Советским Союзом, как и прежде, в ООН, с трибуны которой он не раз обращался к мировому сообществу с призывом восстановить мир и справедливость на Ближнем Востоке. Например, в своем выступлении на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. А. Громыко отмечал: «Всем представленным в ООН государствам пора бы воспринять всю остроту трагедии арабского народа Палестины. Чего стоят заявления о защите гуманности, прав людей — беженцев или не беженцев, если на глазах у всего мира грубо попираются неотъемлемые права целого народа, изгнанного со своей земли и лишенного средств к существованию»³⁶.

На заседаниях Совета Безопасности ООН, посвященных рассмотрению положения на Ближнем Востоке, СССР указывал на то, что заключение сепаратного египетско-израильского договора и переговоры о так называемой «административной автономии» активизировали экспансионистские действия Израиля, ужесточили его репрессии против арабского населения на оккупированных территориях. Он требовал применения эффективных мер в отношении агрессора. Так, в своем выступлении в Совете Безопасности 21 августа 1980 г. постоянный представитель СССР при ООН заявил, что советская делегация поддержала резолюцию, осуждающую незаконную аннексию Израилем восточной части Иерусалима, в том виде, в каком она была принята, идя навстречу пожеланиям арабских и других исламских стран. Последние считали необходимым принятие Советом Безопасности хотя бы минимума мер в связи с вызывающей акцией израильских оккупантов. Советская делегация, считая резолюцию недостаточной, готова была поддержать в отношении Израиля принятие самых решительных мер, включая применение санкций в соответствии с главой 7 Устава ООН. Советский делегат возложил всю ответственность за то, что Совет не принял эффективного решения

для обуздания израильских экспансионистов, на США. Он привлек внимание к тому, что применение или угроза применения вето — обычная практика представителя Соединенных Штатов в Совете Безопасности, при помощи которой он постоянно срывает принятие решений, которые могли бы повлиять на Израиль и заставить его прислушаться к голосу разума³⁷.

Советские усилия, направленные на отпор антиарабской политике сепаратных сделок на Ближнем Востоке, активно поддерживались другими странами социалистического содружества. Сопревание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, состоявшееся 14—15 мая 1980 г. в Варшаве, единодушно высказалось за «путь всеобъемлющего ближневосточного политического урегулирования при непосредственном участии всех заинтересованных сторон, включая арабский палестинский народ в лице его представителя — Организации освобождения Палестины»³⁸. Участники совещания, осудив практику империалистического диктата в целом, особо указывали на то, что ближневосточное урегулирование требует, чтобы «никакое государство не вмешивалось во внутренние дела стран и народов этого района, не пыталось предписывать им, какие социально-политические системы они должны у себя устанавливать, не выдвигало претензий и не посягало на их естественные ресурсы».

КПСС и Советское правительство, уделяя много времени и внимания ближневосточным вопросам, исходили из того, что мир на земле неделим и его судьба зависит и от положения на Ближнем Востоке. «Мир на Ближнем Востоке, — писала газета «Правда», — это гораздо больше, чем сделка Тель-Авива и саатовского Каира. В прочном мире на Ближнем Востоке заинтересованы прежде всего народы этого района, все прилегающие к нему государства. Прочный мир здесь нужен для того, чтобы стабильнее стала вся международная обстановка»³⁹.

Интернационалистская позиция СССР, всех стран социалистического содружества в отношении справедливой борьбы арабских народов вызывала их искреннюю благодарность. Как конкретное проявление солидарности с ними они рассматривали бойкот социалистическим содружеством дипломатических, экономических и иных

отношений с Израилем с момента израильской агрессии 1967 года. Со словами признательности к Стране Советов, выражая чувства своих народов, обращались лидер ООП Я. Арафат, арабские президенты, короли и эмиры. «Если бы не моральная и материальная помощь СССР арабским странам, Организации освобождения Палестины, США давно бы растоптали нас, наши надежды на восстановление неотъемлемых прав», — заявил шейх Абдель Хамид ас-Саих, в прошлом главный муфтий Иерусалима, возглавивший Комитет по спасению Иерусалима⁴⁰. Советская ближневосточная политика получила высокую оценку на X совещании лидеров арабских государств в Тунисе. Народы арабских стран видели в СССР и социалистических странах надежных союзников в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии, за срыв планов участников кэмп-дэвидского сговора, за установление справедливого и прочного мира в регионе.

Борьба в Вашингтоне
за «симпатии» Тель-Авива

По меньшей мере за год до президентских выборов американская внешнеполитическая пропаганда стала усиленно распространять в арабских странах и среди мировой общественности тезис о том, что предвыборная кампания связывает руки президенту США и, дескать, не позволяет оказать соответствующий нажим на Израиль. Солидные американские периодические издания указывали на то, что кандидаты на кресло в Белом доме Рональд Рейган и Джон Андерсон — «яркие сторонники Израйля». А уж если получился такой расклад, продолжали они, то Картеру крайне опасно создавать впечатление, будто Соединенные Штаты при его президентстве помогали Израйлю лишь на словах¹, тем более что он уже получил предупреждение, когда его «прокатили» на первичных выборах демократической партии в Нью-Йорке после его «непоследовательности» при голосовании в ООН по резолюции, осуждающей создание израильских поселений на Западном берегу Иордана. Если же Картера переизберут, утверждали американские обозреватели, то тогда он, наконец, призовет израильтян к порядку.

Хорошо известно, что сионистские круги оказывают очень большое влияние на ход избирательной кампании в США. И команда Рейгана — главного соперника Картера — прекрасно понимала значение их поддержки в борьбе за президентское кресло. Кандидат на этот пост заверял многочисленные сионистские организации, что, став президентом, он никогда не оставит Тель-Авив — «близкого друга» Вашингтона. При этом он подчеркивал, что Израиль — «это весьма необходимый союзник, которого следует защищать и поддерживать, потому что сотрудничество с ним — в стратегических интересах США, причем не столько в память прошлых времен, сколько

во имя безопасности США в будущем». «Израиль, — заявлял претендент, — является единственной устойчивой демократией, на которую мы можем опереться там, где может произойти армагеддон»² (мистическая битва между добром и злом). Под злом он, естественно, имел в виду в первую очередь арабское национально-освободительное движение. Рейган не скупился на такие заявления, как «неделимый город Иерусалим означает, что власть над ним принадлежит Израилю» и «я верю в право на создание поселений на Западном берегу».

Рекламируя Рейгана и его произраильские симпатии, сторонники кандидата в президенты изображали Картера полной противоположностью ему в вопросах ближневосточной политики³. Они выставляли президента и его ближайших сотрудников чуть ли не как убежденных арабофилов, призывали рассматривать их отдельные и весьма робкие высказывания, сделанные в частном порядке и рассчитанные на «умеренные» арабские страны, как официальную позицию. Это была чистейшая ложь. Каждый мало-мальски сведущий человек мог без труда заметить, что взгляды Картера и его соперника Рейгана удивительно схожи. Даже наиболее произраильски настроенные американцы задумывались над тем, кому же все-таки отдать свой голос, когда слышали уверения сторонников Картера в том, что если «крестный отец» соглашений в Кэмп-Дэвиде не будет избран на второй срок, то другой президент может отказаться от кэмп-дэвидского процесса вообще. А что может быть выгоднее для Израйля, чем кэмп-дэвидская сделка?

Словесные дуэли между претендентами на президентское кресло в Белом доме должны были способствовать одурачиванию простых американцев, введению в заблуждение арабов. Ссылки на предвыборную кампанию помогали представлять тупики кэмп-дэвидского сговора как временное явление, своеобразную паузу в ближневосточном урегулировании. Мол, Картер уделяет все внимание предвыборной борьбе и поэтому не имеет времени на то, чтобы втянуть в кэмп-дэвидскую сделку другие арабские государства, сдвинуть с мертвой точки переговоры об «административной автономии». Быстро сориентировавшийся Садат попытался получить индульгенцию за свое предательство хотя бы до ноября 1980 года, заявив, что он не надеется на прогресс в кэмп-дэвидском процессе до

выборов президента США. Западноевропейские лидеры в свою очередь не предпринимали никаких действенных шагов для выработки подлинной инициативы по ближневосточному урегулированию, также ссылаясь на необходимость дождаться результатов выборов в Вашингтоне. Имитируя деятельность, направленную на подготовку плана восстановления мира на Ближнем Востоке, который якобы призван заменить Кэмп-Дэвид, руководители ЕЭС направили на Ближний Восток «для ознакомления с обстановкой» министра иностранных дел Люксембурга Г. Торна и почти одновременно дружно уклонились от голосования на Генеральной Ассамблее ООН за резолюцию, призывавшую создать палестинское государство и предупреждавшую Израиль, что, если он не вернется к границам 1967 года, против него будут применены санкции в соответствии с гл. VII Устава ООН. Но если Садат благодаря предвыборной кампании в США надеялся получить некую индульгенцию, а руководители стран — членов ЕЭС оправдать свое бездействие, то израильское правительство не преминуло по-своему воспользоваться ситуацией. Кнессет, как уже говорилось, проголосовал за закон, объявляющий Иерусалим «единой и неделимой столицей» Израиля, то есть оформил аннексию Восточного Иерусалима, так сказать, «де-юре». Ссылаясь на те же предвыборные хлопоты, Картер и его администрация досадливо отмахнулись от «иерусалимской проблемы», охарактеризовав решение кнессета всего лишь как «не приносящее пользы». Но, боясь переборщить даже и с такой формулировкой, шеф госдепартамента Э. Маски назвал на всякий случай позицию, занятую ООН в отношении Израиля, «вредной»⁴. Учитывая реакцию США, Садат, хотя и выразил «недовольство» в связи с решением Израиля объявить Иерусалим своей столицей, поспешил тут же подтвердить свою верность кэмп-дэвидским соглашениям и договору с Израилем.

Пока президент и кандидаты на этот пост занимались с переменным успехом политическим фехтованием и лавированием, рассчитанными одновременно и на американское сионистское лобби, и на Израиль, и на арабов, официальный Вашингтон продолжал следовать прежним империалистическим и произраильским курсом. Как ни пытался Картер понравиться арабам, чтобы привлечь их к Кэмп-Дэvidу, и как ни шельмовал Рейган президента

США, изображая его «ненадежным другом Израиля», факты говорили сами за себя. Так, само американское правительство признавало, что, если со времени создания Израиля в 1948 году США предоставили ему в качестве государственной помощи в общей сложности 21 млрд. долл., то 11 млрд. долл. из этой суммы было выделено именно по запросу президента Картера⁵.

Львиную долю этой помощи составляли поставки самого современного оружия. Собственно и само расширение военно-политического присутствия США на Ближнем Востоке было неразрывно связано с обязательством Вашингтона поддерживать Израиль и его антиарабскую политику. Главной целью создания американских военных баз в регионе и по его периметру было обеспечение американских стратегических интересов. Вашингтон стремился к тому, чтобы при помощи военно-морских флотов в Средиземном море и Индийском океане и сети военных баз подчинить страны этого района своему диктату. Эта стратегия США полностью отвечала интересам Израиля и его экспансионистским устремлениям.

Активное содействие планам Пентагона оказывал Садат. В сентябре 1980 года он возобновил свое предложение использовать египетские военные базы по усмотрению Вашингтона. В интервью одной из американских газет в порыве угодничества перед своими покровителями за океаном египетский президент воскликнул: «Я предоставлю Соединенным Штатам базы для того, чтобы Персидский залив был в пределах их досягаемости, для того, чтобы они могли помочь любому арабскому государству и чтобы любое мусульманское государство вплоть до Индонезии было в пределах их досягаемости в любой момент, который они сочтут удобным для себя. Единственное, что им нужно сделать, — это установить контакт со мной»⁶. Садат был отнюдь не голословен. Его интервью совпало по времени с другим, не менее настаивающим заявлением. Оно принадлежало командиру американской эскадрильи истребителей-бомбардировщиков «F-4», расквартированной в Египте на трехмесячный тренировочный период. Упомянутый американский офицер, сообщая об успехах летчиков по освоению ближневосточного театра возможных боевых действий, не преминул заметить, что американские боевые самолеты летали здесь впервые после второй мировой войны⁷.

Получая в свое распоряжение египетские базы, Соединенные Штаты могли фактически располагать целой цепью опорных пунктов для агрессии — от Негевской пустыни в Израиле до острова Диего-Гарсия в Индийском океане через порт Момбаса в Кении. Другие звенья этой цепи проходили через базы в Омане на Аравийском полуострове и военно-морскую базу в Бербере, предоставленную американцам правящим режимом Сомали. Особое место Пентагон отводил в своих планах использованию египетской базы Рас-Банас на Красном море. В военном ведомстве США разрабатывался специальный дорогостоящий проект модернизации этой базы. По замыслу американских генералов, она должна была принимать стратегические бомбардировщики «В-52» и самолеты-заправщики «КД-135», позволить разместить до 16 тыс. американских военнослужащих из «сил быстрого развертывания».

Прогрессивно-патриотические силы арабского мира решительно осуждали политику Вашингтона, направленную на создание военных баз на Ближнем Востоке, и те арабские режимы, которые способствовали осуществлению планов американского империализма. Они отмечали, что политика правящих кругов Омана, Сомали и Египта служит интересам Соединенных Штатов, которые не раз откровенно заявляли о своем намерении предпринять вооруженные акции на Ближнем и Среднем Востоке под надуманными предлогами «защиты источников нефти», «отражения советской угрозы», концентрируя здесь свои военно-воздушные силы, морскую пехоту, создавая условия для размещения «сил быстрого развертывания». Особое внимание они обращали на разоблачение попыток империалистических кругов разъединить арабские народы, не допустить их антиимпериалистического и антисионистского единства.

Беспрецедентное расширение военного присутствия США на Ближнем и Среднем Востоке тесно переплеталось с подрывной работой против арабских стран. Столкнувшись с решительной оппозицией арабских и мусульманских народов кэмп-дэвидскому сговору, администрация Картера, как и все прошлые американские администрации, активно прибегала к испытанному методу колонизаторов «разделяй и властвуй». Рассматривая раздувание противоречий между арабскими и другими

исламскими странами как необходимое условие укрепления своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке, империалистические и сионистские круги стремились усилить недоверие между арабами и мусульманами за пределами арабского мира, посеять среди них раздоры и междоусобицы. При этом использовался широкий арсенал средств, и в частности аппарат спецслужб, органы пропаганды.

Активно приводились в действие эти рычаги и для разжигания ирано-иракского конфликта. Преследуя свои политические и военно-стратегические цели, Вашингтон скрытно и явно вел дело к войне между этими двумя странами. По сообщениям печати, помощник американского президента по национальной безопасности З. Бжезинский рассчитывал, что конфликт, вспыхнувший в сентябре 1980 года, должен привести к следующим выгодным для США последствиям: взаимному обескровливанию обеих воюющих стран, выступающих с антиимпериалистических позиций, и отвлечению их внимания от борьбы против реализации кэмп-дэвидского сговора; расколу в арабском и исламском мире; укреплению в иранском руководстве сил, выступающих за восстановление отношений с США.

Эта информация, появившаяся спустя несколько месяцев после начала ирано-иракской войны, подтверждала точность советского анализа ситуации. «Едва ли можно считать, что просто трагическое недоразумение столкнуло друг с другом два народа в сложные для них времена, — заявил Л. И. Брежнев в первые же дни военных действий между Ираком и Ираном. — Нет, на этом конфликте кое-кто явно пытается погреть руки.

Вы спросите — кто? Да те, кого не устраивает сплоченность антиимпериалистических сил на Ближнем и Среднем Востоке. Те, кто хочет установить свой контроль над ближневосточной и средневосточной нефтью, кто мечтает снова превратить Иран в военную базу и жандармский пост империализма»⁸. Советский руководитель призвал Ирак и Иран к прекращению бессмысленного кровопролития и решению спорных вопросов за столом переговоров.

Перспектива мирного политического урегулирования ирако-иранского конфликта, однако, не устраивала США. Неудивительно поэтому, что присутствие неподалеку от

театра боевых действий 31 корабля американских ВМС было безапелляционно объявлено Вашингтоном «стабилизирующим фактором». Одновременно Белый дом под надуманным предлогом якобы возникшей угрозы путям доставки нефти призвал своих западноевропейских союзников к созданию общих военно-морских формирований, призванных играть роль жандарма в Персидском заливе и на подступах к нему. При этом он игнорировал мнение даже тех прибрежных государств, которые имеют тесные отношения с Соединенными Штатами и которые отвергли эту идею, считая ее ошибочной и опасной. Далеко не в восторге от назойливых предложений американцев «защитить» арабскую нефть было руководство Саудовской Аравии и других нефтедобывающих арабских государств. «Мне противно слышать, как эти люди твердят о том, что они будут защищать и спасать нашу нефть, — заявил министр иностранных дел Кувейта шейх Сабах аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах. — Защищать нас от кого? Кто нас оккупирует? Мы никого не просили защищать нас, а вокруг нас снуют военные корабли, от нас требуют баз». Отвергая клеветнический тезис о так называемой «советской угрозе», кувейтский министр прямо указал, что «Советский Союз не имеет намерений захватить район залива и его нефтяные источники, как это утверждают США и средства информации некоторых других стран»⁹.

Игнорируя подобные заявления, США стремились использовать дальнейшее затягивание ирано-иракского конфликта для наращивания своих вооруженных сил в регионе, с одной стороны, и углубления раскола в арабском мире — с другой. Ирано-иракская война была выгодна врагам независимого развития арабских и иранского народов, так как она отвлекала внимание этих народов от продолжающейся израильской оккупации арабских земель, от активного американского военно-политического проникновения в регион, способствовала созданию условий для прорыва кольца изоляции вокруг Садата, выхода из фронта общеарабской солидарности отдельных арабских стран.

Продолжение ирано-иракского конфликта в известной степени привело к появлению центробежных тенденций среди арабских стран, принявших, как известно, на совещаниях своих руководителей в Багдаде и Тунисе реше-

ние сплотиться и не допустить осуществления планов участников кэмп-дэвидской сделки. В «Нью-Йорк таймс» отмечалось, например, что эта война «нанесла удар по палестинцам и предоставила передышку Израилю благодаря тому, что израильско-палестинская проблема перестала быть в центре внимания». Сообщая о том, что в связи с ирано-иракской войной Саудовская Аравия приняла американские самолеты радиолокационного наблюдения со значительным обслуживающим персоналом и тем самым согласилась на отвергаемое ею ранее военное присутствие американцев, газета выразила надежду, что примеру Эр-Рияда могут последовать и другие страны в районе Персидского залива.

Такое положение порождало у американской администрации надежды на осуществление второй фазы давно вынашиваемого ею плана. Первой фазой была капитуляция Египта, а вторая предусматривала нейтрализацию арабских стран, обладающих нефтяными и финансовыми богатствами, и затем их перетягивание в кэмп-дэвидский лагерь. Эти коварные замыслы активно разоблачались участниками НФСП. Они вместе с другими арабскими прогрессивными и патриотическими силами указывали на то, что расширение военного присутствия США в регионе и их подрывная деятельность против антиимпериалистического и антиссионистского единства арабского и исламского мира направлены не только против стран с прогрессивными режимами, но и против всех арабов. Они разъясняли, что базы, создаваемые США в Египте, Омане, Сомали и Кении, американские ВМС в Средиземном море и Индийском океане несут прямую угрозу и арабским нефтедобывающим странам. США и их пособники, подчеркивали прогрессивные арабские режимы, стремились запугать эти страны советской, иранской или любой другой «угрозой» и поставить их в положение, не позволяющее использовать нефть в качестве экономического и политического оружия для обеспечения законных интересов арабских народов.

Представители арабских антиимпериалистических сил неоднократно предупреждали руководителей стран, представлявших военные базы и военные льготы США, о том, какую опасность навлекают они на собственные и соседние народы, какую угрозу создают миру во всем мире.

Прогрессивные силы обращали особое внимание на

беспочвенность иллюзий, распространявшихся прозападными кругами в арабских странах, о благоприятном для арабов изменении американской ближневосточной политики после президентских выборов в США. Так, например, саудовская газета «Указ» выражала надежду, что, в случае избрания президентом Рейгана, «он будет независим от сионистского давления в принятии решений»¹⁰. Под это утверждение подводилось шаткое основание, заключавшееся в том, что, мол, Рейгану исполняется 70 лет, а это исключает для него перспективу быть переизбранным на второй президентский срок. Коммунистические партии Арабского Востока и руководители Палестинского движения сопротивления, Сирии, НДРЙ, Ливии и Алжира, напротив, указывали на то, что политика США определяется в конечном итоге не президентами, а американским военно-промышленным комплексом. Поэтому независимо от того, кто займет президентское кресло в Белом доме, он будет послушным проводником империалистического внешнеполитического курса, будет пытаться вдохнуть жизнь в кэмп-дэвидский процесс путем вовлечения в него других арабских стран и за счет интересов арабского народа Палестины, его законного представителя — ООП. Прогрессивные арабские деятели, указывая на неизменность природы американского империализма, подчеркивали, что просионистские круги в США — это не изолированная группировка, оказывающая давление на администрацию извне, а составная, органическая часть правящего класса, монополистического капитала и самого военно-промышленного комплекса США. Поэтому они призывали всех арабских патриотов теснее спланиваться на общую борьбу против американского империализма в целом и крепить как залог ее успеха дружбу с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, со всеми революционными силами современности.

Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и САР

В обстановке активизации антиарабских действий американского империализма в регионе, выразившихся, в частности, в объявлении им Ближнего Востока и зоны Пер-

сидского залива сферой своих «жизненных интересов», создании сети военных баз, патриотические силы арабского мира с большим воодушевлением встретили подписание 8 октября 1980 г. в Москве Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и САР.

Сирийский народ неизменно играл важную роль в борьбе арабов за свободу и независимость. Ему принадлежит видное место в арабском антиколониальном движении после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Независимая Сирия внесла также значительный вклад в развитие и укрепление арабско-советской дружбы и сотрудничества.

Заключение кэмп-дэвидской сделки, закрепившей выход Египта из борьбы против израильского экспансионизма, а также решимость Сирии отвергнуть этот капитулянтский путь, активно отстаивать законные права арабов выдвинули эту страну в авангард борьбы против происков империализма и сионизма на Ближнем Востоке. Еще до оформления кэмп-дэвидского сговора, сразу же после поездки Садата в ноябре 1977 года в Иерусалим, Сирия выступила одним из главных инициаторов создания и организаторов Национального фронта стойкости и противодействия, ставшего весьма важным фактором не только общеарабской, но и исламской антиимпериалистической солидарности. Голос Сирии, призывающей к эффективному отпору попыткам империализма свести на нет результаты многолетней борьбы арабских и других мусульманских народов за свободу, независимость и право распоряжаться своими природными богатствами, одинаково авторитетно звучал на заседаниях Лиги арабских стран и совещаниях глав государств и правительств — членов Организации исламской конференции. Сирия поддержала революции в Афганистане и Иране. Вместе с другими участниками НФСП она решительно разоблачала США, которые, спекулируя на афганских событиях, попытались представить себя «другом» мусульманских народов, разжечь антисоветизм в исламском мире.

Коммунисты Сирии неизменно поддерживали антиимпериалистический внешнеполитический курс сирийского руководства. Состоявшийся в мае 1980 года V съезд СКП отметил, что внешнеполитическая линия ПАСВ имеет четко выраженный антиимпериалистический характер, а Сирия «играет сейчас авангардную и все возрастающую

роль в борьбе против планов империализма, сионизма и реакции»¹¹. Это проявлялось в противостоянии американскому империализму, во всемерном развитии дружбы с Советским Союзом и странами социалистического содружества, в сближении позиций с ними по таким крупным международным проблемам, как разрядка, всеобщее разоружение, сохранение мира, оказание поддержки мировому национально-освободительному движению. Коммунисты Сирии призывали ответить на подрывную деятельность участников кэмп-дэвидского сговора, всех внешних и внутренних врагов антиимпериалистического режима Сирии решительной защитой социально-политических завоеваний народа, а также упрочить национальное единство путем повышения роли ПНФ и общественно-политической активности широких народных масс во всех сферах жизни, углубить революционные процессы в стране.

Своей принципиальной позицией в ближневосточных делах, последовательным антиимпериалистическим курсом, крупным вкладом в дело сплоченности арабских стран для противодействия кэмп-дэвидскому сговору Сирия снискала высокий авторитет и уважение в арабском мире. «Сирия — главный арабский бастион, оказывающий сопротивление Израилю после предательства Садата», — заявил в одном из своих выступлений лидер ливийской революции Муаммар Каддафи. А вот как охарактеризовал роль и значение Сирии председатель Национального совета Палестины Халед аль-Фахум: «Соединенные Штаты Америки, не сумевшие подчинить себе Ближний Восток с целью сделать его опорным пунктом в борьбе против Советского Союза, повели крестовый поход против Сирии и находящегося там у власти прогрессивного режима. Они рассчитывают, что если им удастся поставить Сирию на колени или ослабить ее позиции, то палестинская революция лишится самого верного своего союзника в регионе и сдастся на милость сионистам. Установление империалистического ига над Ближним Востоком — вот истинная цель американской политики, в частности ее антисирийского аспекта».

На прошедших в 1979—1980 годах заседаниях центрального руководства ПНФ, съездах ПАСВ и СКП было особо отмечено, что дальнейшее развитие дружбы и сотрудничества с социалистическим содружеством во главе с СССР — надежная гарантия успехов сирийского народа

в борьбе за срыв планов навязывания военного неокOLONиализма его родине и всему Арабскому Востоку. Стремясь закрепить плодотворно развивавшиеся многосторонние отношения между СССР и САР на правовой основе, поднять их на новый, еще более высокий уровень в интересах усиления борьбы против империализма, сионизма и реакции, советское и сирийское руководство решили заключить Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Правительство СССР пригласили с этой целью в Москву руководителя Сирии Х. Асада.

Подписанный 8 октября 1980 г. Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и САР — документ огромного политического значения. Он направлен на дальнейшее углубление взаимовыгодного советско-сирийского сотрудничества, на укрепление антиимпериалистических позиций Сирии. Советско-сирийский договор отвечает коренным интересам всех арабских народов, всегда имевших в лице Советского Союза испытанного и надежного союзника в их борьбе за свои национальные права, особенно в обстановке, когда американский империализм, опираясь на Израиль и саатовский режим, предпринял попытку глобального наступления на арабское национально-освободительное движение, на право арабских народов самим распоряжаться своей судьбой.

Подписывая договор, Советский Союз еще раз подтвердил верность своему интернациональному долгу, вновь продемонстрировал решительную поддержку справедливого дела арабов. В речи на обеде в Кремле в честь Генерального секретаря ПАСВ, президента САР Х. Асада Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев заявил, что «Советский Союз давал и будет давать решительный отпор» тем, кто угрожает безопасности арабских государств и народов, «пытается навязать им грабительский, захватнический сговор, кто шантажирует их своими военными базами и посылает к их берегам военные корабли, кто использует в своих корыстных целях очаги конфликтов в этом регионе». В преамбуле договора прямо говорится, что СССР и САР преисполнены решимости «давать твердый отпор политике агрессии, проводимой империализмом и его пособниками, продолжать борьбу

против колониализма, неоколониализма и расизма во всех их формах и проявлениях, включая сионизм»¹².

Л. И. Брежнев особо отметил, что «советско-сирийский договор призван служить оздоровлению обстановки на Ближнем Востоке, установлению там подлинного и справедливого мира». Договор диаметрально противоположен кэмп-дэвидской сделке. Главная цель Кэмп-Дэвида — военное проникновение США на Ближний Восток и лишение палестинского народа права на государственность. В Московском договоре нет и тени угрозы другим народам, ни малейшего намерения ущемить их интересы; напротив, он служит делу справедливого ближневосточного урегулирования, делу мира и безопасности всех народов региона. Поэтому все миролюбивые государства с одобрением встретили подписание советско-сирийского документа. Их средства информации выделяли слова Л. И. Брежнева о том, что это «договор во имя мира, а не во имя войны». Весьма симптоматично, что открыто выступить против договора осмелились лишь Тель-Авив и официальный Каир. Естественно, их не могло устраивать еще более тесное сближение Советского Союза и Сирии, так как оно являлось серьезным предостережением участникам антиарабского кэмп-дэвидского сговора, препятствием планам Бегина и Садата по развязыванию агрессии против Сирии и Ливии, их заговорам против палестинского и ливанского народов.

Большое значение визита Х. Асада в Москву состояло и в том, что он явился важным вкладом в упрочение союза между двумя величайшими силами современности, двумя потоками мирового революционного процесса — реальным социализмом и национально-освободительным движением. От прочности этого союза зависят окончательная победа сил мира и социального прогресса на нашей земле, искоренение империалистического и неоколониалистского шантажа и диктата, ликвидация расизма и сионизма. В своем выступлении в Кремле Х. Асад справедливо отметил, что советско-сирийское сотрудничество становится «одной из тех прочных основ, на которую могут опираться силы социализма, прогресса и освобождения во всем мире в отражении заговоров реакции и империализма»¹³.

Договор со всеми его статьями — яркая иллюстрация международных отношений нового типа, равноправных

союзнических отношений в политической, экономической, военной и других областях между социалистической державой и развивающимся государством, членом движения неприсоединения. Во время пребывания сирийской партийно-правительственной делегации в Москве пресса Дамаска писала, что сирийская концепция неприсоединения ни в коем случае не предполагает «равноудаленности» от социалистического и империалистического лагерей, нейтралитет в борьбе между силами социализма и империализма. Центральный орган ПАСВ газета «Аль-Баас» подчеркивала, что подобная позиция, занимаемая некоторыми неприсоединившимися, в частности мусульманскими, странами, играет на руку американскому империализму — главному покровителю сионизма и Израиля. СССР неоднократно доказывал, что он верный друг Сирии и других свободолюбивых развивающихся государств, в то время как США во всем оказывают поддержку экспансионистскому курсу Израиля, и поэтому «одинаковый» подход к Москве и Вашингтону означает предательство национальных интересов¹⁴.

Все патриотически настроенные арабы единодушно расценили договор как крупную поддержку общеарабской борьбы против зловещих планов американо-израильско-садатовского альянса, неокOLONиалистских устремлений Вашингтона на Ближнем Востоке. Выражая чувства арабских народных масс, газета ливанских коммунистов «Ан-Нида» писала, что договор — это рука дружбы, великодушно протянутая Советским Союзом арабам, гарантия помощи и поддержки в их борьбе за честь арабской нации, безопасность арабской земли и ее богатств¹⁵.

Рейган принимает антиарабскую эстафету

В начале ноября 1980 года на пост президента США был избран Р. Рейган. Одним из первых его поздравил президент АРЕ А. Садат. И в его поздравлении, и в заявлениях других египетских руководителей в связи с победой Рейгана сквозила плохо скрываемая тревога. Они задавались вопросом: как поведет себя новый президент в отношении Египта, оказавшегося в изоляции в арабском и

мусульманском мире? Египетская верхушка всюду подчеркивала необходимость следования США кэмп-дэвидским курсом «для обеспечения интересов Запада». Она поспешила заявить, что Египет будет и впредь предоставлять военные льготы Соединенным Штатам, поскольку это отвечает его стратегическим интересам. Стремясь угодить воинственным империалистическим кругам США, каирское руководство не упускало случая выразить заинтересованность Египта в «сильном американском президенте для отражения действий Советского Союза в регионе».

Однако с течением времени беспокойство и нервозность в Каире постепенно уступали место удовлетворению по поводу того, что новая американская администрация намерена продолжить курс на поощрение сепаратных сделок на Ближнем Востоке. «Можно с уверенностью сказать, — подчеркивал член консультативной группы Рейгана по вопросам внешней политики профессор А. Перлмуттер, — что Рейган, подобно его предшественнику, горячо поддерживает процесс, начатый в Кэмп-Дэвиде, и намерен углублять его». Под «углублением» он имел в виду подключение к кэмп-дэвидскому процессу Иордании для обеспечения условий, исключающих навсегда возможность создания палестинского государства под руководством ООП. Дальнейшее «развитие» кэмп-дэвидского процесса А. Перлмуттер видел в создании союза Египта, Израиля, Иордании и Саудовской Аравии в противовес «антизападным государствам» — Ираку, Сирии, Ливии и, возможно, Ирану¹⁶. Естественно, подобные планы были встречены с удовлетворением в Каире. Оно возросло еще больше при появлении на политической арене Г. Киссинджера, ведь во многом именно «дорогому Генри», как его называл Садат, был обязан он «дружбой» с Соединенными Штатами и Израилем.

В декабре 1980 года Киссинджер отправился на Ближний Восток. Формально эта поездка носила неофициальный характер, но, судя по заявлениям самого вояжера и комментариям западной печати, она должна была рассматриваться в качестве первой ближневосточной внешнеполитической акции президента Рейгана, который еще только собирался по истечении переходного периода въехать в Белый дом. В своих публичных выступлениях в Каире, а затем в Иерусалиме Киссинджер высказался

за приобретение Соединенными Штатами военных объектов на Ближнем Востоке в «качестве заслона против советского проникновения в регион», одобрил готовность Садата продолжать оказывать значительную помощь, в том числе оружием, афганским контрреволюционерам. В Иерусалиме, который он посетил как «вечную и неделимую столицу» Израиля, Киссинджер отрицал право палестинского народа на создание собственного государства. Американский «неофициальный» эмиссар ратовал за подключение к кэмп-дэвидскому сговору новых арабских государств, в частности Иордании, несмотря на то что незадолго до его прибытия на Ближний Восток король Хусейн в очередной раз отверг кэмп-дэвидскую «формулу мира», назвав ее «дохлой клячей». На пресс-конференции перед отлетом в Эр-Рияд через Каир Киссинджер рекомендовал западноевропейским странам теснее координировать с Вашингтоном свою политику на Ближнем Востоке и, наконец, призвал к созданию оси Египет — Израиль — Саудовская Аравия с возможным участием других «умеренных» арабских государств под руководством США.

Высказывания Киссинджера давали представление о направлениях будущей политики администрации Рейгана. Так их и расценили в арабских странах. Арабская печать отмечала, что политика Рейгана в принципе мало отличается от картеровской. Новое состояло лишь в ее еще большей агрессивности. В столицах прогрессивных арабских стран предупреждали, что поездка американского «посредника» — преданного защитника интересов Израиля служит прелюдией к новой стратегии Рейгана, направленной на углубление раскола арабских рядов и расширение военно-политического господства США в регионе, и призывали к общеарабскому единству.

Подводя итоги политики своей администрации на Ближнем Востоке в послании конгрессу о положении страны, Картер особо восхвалял такие ее деяния, как усиление военно-морского присутствия, создание СБР для использования в регионе, получение в свое распоряжение военных баз, размещение в некоторых странах американского оружия. Все эти мероприятия он объяснял необходимостью отпора «советской опасности». Передавая эстафету Рейгану, он настоятельно советовал новому президенту довести до конца кэмп-дэвидский процесс путем

вовлечения в него других арабских стран и продолжать «обеспечивать безопасность Израиля».

Буквально на второй день после того, как Рейган приступил к исполнению своих обязанностей, его помощник по национальной безопасности Р. Аллен в интервью французской газете «Фигаро» изложил основные направления ближневосточной политики новой администрации. Он подтвердил верность кэмп-дэвидскому курсу и выразил убежденность в необходимости подключения к нему «Иордании и всех умеренных арабских стран». В ходе интервью Р. Аллен заявил: «Мы не собираемся признавать, что ООП является подлинным представителем палестинского народа». Главным элементом позиции США в ближневосточном урегулировании он назвал «особые отношения» с Израилем, подчеркнув, что «еврейское государство является стратегическим козырем для Америки»¹⁷. Таким образом, картеровская антиарабская, антипалестинская эстафета была принята.

Откровения помощника президента США по национальной безопасности окончательно подтвердили, что все предыдущие выступления Рейгана о Ближнем и Среднем Востоке были не тактическими ходами в предвыборной борьбе, а его политическим кредо. Почти за полтора года до вступления в должность президент Рейган в газете «Вашингтон пост» поставил вопрос о заполнении «вакуума, возникшего к востоку от Суэца» после ухода англичан», в качестве стратегической задачи первостепенной важности для США. Рассматривая объективно развивающиеся в регионе национально-освободительные процессы исключительно как влияние «руки Москвы», он расценивал в своем слепом антисоветизме вполне имперскую политику Картера как недостаточно жесткую для сдерживания «советской экспансии». Затем Рейган сформулировал свою концепцию американских приоритетов на Ближнем Востоке. По его мнению, творцы политики США недооценивали «важное геополитическое значение Израиля как военного противовеса Советскому Союзу». «Падение шахского режима в Иране повысило значение Израиля как единственного остающегося в ближневосточном районе стратегического бастиона, на который Соединенные Штаты могут по-настоящему положиться», — писал будущий президент США. Не сбрасывая со счетов использование в интересах Вашингтона, по его выражению, «про-

западных государств» в данном регионе и конкретно называя Саудовскую Аравию и другие арабские страны Персидского залива, он подчеркивал их слабость, уязвимость, зависимость их отношений с Западом от сохранения у власти «какого-нибудь автократического или своеправного правителя». Роль и значение, отводимые этим странам, он выразил в следующих словах: «Отдельные арабские государства, такие, например, как Египет, дружески расположенные к Соединенным Штатам, на том или ином этапе тоже могут занять место «на передовых позициях», защищая интересы безопасности Запада. Чем больше будет таких государств, тем, естественно, лучше; однако существование таких второстепенных связей не может заменить сильного государства Израиль в постоянно бурлящем ближневосточном районе»¹⁸.

Главные цели американской политики на Ближнем Востоке с избранием нового президента США не изменились. Вашингтон по-прежнему надеялся перечеркнуть достижения национально-освободительных движений, превратив регион с его огромными природными богатствами в свою вотчину. В свое время американский империализм пытался применять к Ближнему Востоку «доктрину Эйзенхауэра», затем «доктрину Никсона». Президент Картер стремился обеспечить империалистические интересы при помощи кэмп-дэвидских соглашений. Занявший кресло президента Рейган, сохраняя верность Кэмп-Дэвиду, стал делать основной акцент на сколачивание на антисоветской основе и под американской эгидой союза консервативных арабских государств, в первую очередь Иордании и Саудовской Аравии, с Израилем и Египтом. Этот далеко идущий империалистический план, нацеленный на глубокий раскол арабского мира и превращение Ближнего Востока в американский протекторат, предполагал беспрецедентное нагнетание антисоветизма в регионе, чем и начала сразу же заниматься администрация Рейгана, пытаясь внушить арабам, что не Израиль и США, а Советский Союз является «главным и единственным врагом арабской нации».

В начале апреля 1981 года на Ближний Восток отправился государственный секретарь США А. Хейг. Как и следовало ожидать, представитель новой американской администрации встретил теплый прием и полное понимание в Египте и Израиле. Подняв «боевой дух» Садата

информацией о широкой программе политической и военной экспансии США на Ближнем Востоке, он — к удовольствию израильских руководителей — подтвердил обязательство Вашингтона «гарантировать безопасность и благополучие Израиля, которые имеют первостепенное значение для политики США в регионе». Произраильские высказывания Хейга в Иерусалиме вызвали возмущение арабов, включая египтян. Так, оппозиционная египетская газета «Аш-Шааб» писала, что «лишь традиционное гостеприимство арабов удержало их от того, чтобы дать пощечину беззастенчивому гостю за его наглость и невоспитанность»¹⁹.

Прием в Аммане и Эр-Рияде разочаровал Хейга. В обеих столицах американцу не удалось убедить своих собеседников в том, что причина всех бед на Ближнем Востоке будто бы Советский Союз, а не политика Израиля. Они сказали Хейгу, что не «советская угроза», а израильская экспансия, оккупация арабских земель Тель-Авивом представляют реальную и большую угрозу для мира и безопасности на Ближнем Востоке. Иордания и Саудовская Аравия вновь отказались присоединиться к кэмп-дэвидскому процессу. Попытка Хейга доказать, что обеспечение стратегических интересов Запада на Ближнем Востоке «в противовес русским» важнее решения палестинского вопроса, потерпела провал.

Тем не менее арабские прогрессивные и демократические силы предупреждали, что Белый дом не извлечет правильных выводов из поездки Хейга и будет активизировать усилия, направленные на установление в арабском регионе военно-политического господства США, на вывод из тупика кэмп-дэвидского процесса путем вовлечения в него новых участников. Американские политики и пропагандисты все чаще стали употреблять выражение «стратегический консенсус», или «стратегическое согласие», имея в виду обеспечение сотрудничества Израиля, Египта и так называемых умеренных арабских государств под руководством Вашингтона. Поскольку антиарабская и антиисламская политика Израиля не позволяла обеспечить прямой союз между вышеназванными странами, исключая, конечно, египетско-израильский альянс, речь шла об их сотрудничестве с Соединенными Штатами на двусторонней основе в рамках общего плана американской военной гегемонии в регионе.

Планы Белого дома и Пентагона горячо приветствовались в руководящих кругах Израиля. Бывший израильский министр иностранных дел Даян, одобряя политику Рейгана на Ближнем Востоке, призывал американцев «расширять сеть военных баз и держать свои войска в регионе». Осуществлявшаяся при президентстве Картера деятельность по приобретению военных баз, их модернизации и оборудованию еще больше активизировалась при Рейгане. Под предлогом «ухудшения позиций Запада по сравнению с позициями Советского Союза» Пентагон стал открыто говорить о «сети безопасности», которую он собирался накинуть на район Ближнего и Среднего Востока. Создание этой «сети», то есть строительство новых баз или расширение старых для военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил, должно было завершиться в течение пяти лет.

Весьма важным звеном в системе военных баз и опорных пунктов в регионе должен был стать плацдарм для американской военщины на Синайском полуострове. Американцы собирались занять его к 25 апреля 1982 г., опираясь на условия сепаратного договора между Египтом и Израилем. И хотя в договоре речь шла о том, что израильские оккупационные войска на Синае в случае отказа Совета Безопасности направить туда чрезвычайные силы ООН для наблюдения за выполнением израильско-египетской сделки будут заменены «многонациональными силами», кэмп-дэвидская триада полагала само собой разумеющимся, что основной костяк этих сил, так же как и их руководство, будет состоять из американских военнослужащих. Поскольку было ясно, что не может быть и речи об использовании авторитета ООН, осудившей кэмп-дэвидские соглашения, для покровительства тройственной сделки, новая американская администрация приступила к форсированию договоренности с Египтом и Израилем о «создании многонациональных сил на Синае вдоль границы между двумя странами». На самом же деле определялись условия американской оккупации зоны Синайского полуострова, простирающейся от стратегически важного выхода в Красное море в Шарм аш-Шейхе у южной оконечности залива Акаба до города Рафах на северной границе Египта. Для переговоров о размещении первого постоянного контингента американских вооруженных сил на Ближнем Востоке уже в фев-

рале 1981 года в Египет и Израиль отправился заместитель помощника госсекретаря США по делам Ближнего Востока и Южной Азии М. Стернер. Участники кэмп-дэвидской сделки, как и следовало ожидать, быстро договорились о том, что доминирующая роль в «многонациональных силах» отводится Соединенным Штатам, которые должны были направить на полуостров до 1500 военнослужащих. Но для того, чтобы придать замене израильской оккупации на прямое военное присутствие США характер «международной акции», было решено разбавить американский воинский контингент на Синае подразделениями союзников Вашингтона.

Таким образом, при Рейгане создание американской военной группировки на Синае вступило в практическую стадию. Предполагалось, что группировка, помимо патрулирования Синае, будет решать следующие задачи: выполнение оперативных боевых операций в качестве авангарда интервенционистских сил Пентагона в регионе; поддержание в постоянной готовности опорных пунктов на Синае для их использования американскими «силами быстрого развертывания»; контроль за проходом судов из Средиземного моря и залива Акаба через Суэцкий канал и Тиранский пролив в Красное море и Индийский океан; осуществление жандармских функций в случае неблагоприятного для американцев изменения обстановки, например выхода из повиновения египетского режима; обеспечение гарантии пресловутой «безопасности» Израиля в качестве заслона перед египетской армией; выполнение роли связующего звена в деле развития военного сотрудничества между Египтом и Израилем.

Рассчитанные на введение в заблуждение египетского и мирового общественного мнения заявления руководителей АРЕ о том, что «многонациональные силы» не будут включать части из состава американских СБР или другие воинские контингенты, перед которыми поставлены тактические или стратегические задачи, выходящие за рамки контроля за соблюдением египетско-израильского договора, никого не могли обмануть.

Сосредоточив свои усилия на расширении военного присутствия США на Ближнем и Среднем Востоке, администрация Рейгана игнорировала проблему палестинского народа и рост международного авторитета ООП, которую признавали к этому времени уже 117 государств.

Более того, она стала еще активнее поощрять преступления Израиля против палестинцев. Государственный секретарь США А. Хейг, по свидетельству газеты «Нью-Йорк дейли ньюс», публично называл палестинский народ «агентурой Москвы»²⁰. В целом новая американская администрация квалифицировала борьбу палестинцев за свои священные права как террористическую деятельность. Еще осенью 1980 года Рейган называл ООП террористической организацией. Первые шаги его команды, оказавшейся у власти, подтвердили курс на дальнейшее ужесточение и без того антипалестинской политики Соединенных Штатов. Уже упоминавшийся Р. Аллен в широко распространенном интервью заявил, что вооруженные вторжения Израиля на территорию Ливана якобы оправданы как «законное преследование по горячим следам». Это циничное заявление означало сигнал американским средствам массовой информации для развертывания широкой клеветнической кампании против ПДС. Одновременно оно давало зеленый свет израильским налетам на лагеря палестинских беженцев на юге Ливана, вылазкам ливанских сепаратистов. Даже западная печать была вынуждена признать, что после прихода к власти администрации Рейгана Израиль почувствовал себя еще более свободным в действиях против Ливана. Израильские войска увеличили число нападений на южноливанские районы. Французская газета «Котидьен де Пари» писала, что, «как подчеркивают в Иерусалиме, Вашингтон рассматривает в настоящее время налеты на базы ООП как составную часть своей собственной политики»²¹.

XXVI съезд КПСС и проблемы ближневосточного урегулирования

В противовес милитаристской политике вашингтонских «ястребов» Советский Союз продолжал проводить свой последовательный курс на мирное и справедливое решение всех спорных международных вопросов. Это ярко проявилось на XXVI съезде КПСС, ставшем международным событием исключительной исторической важности. Съезд вновь убедительно подтвердил приверженность

СССР делу мира, международной разрядки, поддержки освободительной борьбы народов. На форуме советских коммунистов Программа мира, разработанная на предыдущих съездах, получила дальнейшее развитие.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, были выдвинуты важные мирные инициативы и предложения, направленные против безрассудных намерений американской администрации обострить международную обстановку, подорвать дух разрядки и толкнуть мир на грань мировой ядерной войны.

Государственные деятели, патриотическая и прогрессивная общественность арабских стран с глубокой благодарностью восприняли решения съезда, направленные на поддержку Советским Союзом борьбы арабских народов против империализма, сионизма и реакции. Большой резонанс в арабском мире получило также осуждение военных приготовлений Вашингтона на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива под наглым предлогом обеспечения «жизненных интересов» США. В арабских и других мусульманских странах было высоко оценено положение съезда о том, что в тех случаях, когда исламские лозунги выдвигаются патриотическими, антиимпериалистическими силами, а не смыкающей с империализмом реакцией, под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба.

Осудив политику Кэмп-Дэвида как отбросившую назад ближневосточное урегулирование и направленную на обеспечение господства США на Ближнем Востоке, Л. И. Брежнев подтвердил принципиальную советскую позицию по этому вопросу. «Для подлинного мира на Ближнем Востоке, — сказал он, — должна быть прекращена израильская оккупация всех захваченных в 1967 году арабских территорий, реализованы неотъемлемые права арабского народа Палестины, вплоть до создания собственного государства, обеспечены безопасность и суверенитет всех государств этого региона, в том числе Израиля». Л. И. Брежнев предложил ради достижения этих целей созвать специальную международную конференцию, в которой бы вместе с арабскими странами, Израилем, СССР и США на равноправной основе как единствен-

ный законный представитель арабского палестинского народа участвовала ООП. Он высказался за то, чтобы ООН продолжала играть свою полезную роль в деле ликвидации последствий израильской агрессии. Советский руководитель выразил также готовность СССР сотрудничать и с европейскими государствами, «со всеми, кто проявляет искреннее стремление к обеспечению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке»²². Конкретизируя свое предложение, Советский Союз выступил за то, чтобы в конференции приняли участие сопредельные с Ближним Востоком государства, которые как бы представляли прилегающие к Ближнему Востоку Западную Европу, Северную Африку и Южную Азию²³. Участие этих государств обеспечило бы должную представительность конференции, гарантировало бы безусловную обязательность принятых совместных решений.

Прозвучавшее на XXVI съезде КПСС советское предложение о созыве специальной международной конференции по Ближнему Востоку открывало путь для честных коллективных поисков всеобъемлющего урегулирования на реалистической основе. Оно означало конструктивную альтернативу Кэмп-Дэвиду, так как призывало к справедливому урегулированию с учетом интересов всех сторон, а не за счет интересов одних и к выгоде других. Советская мирная инициатива преследовала ясную цель: сдвинуть с мертвой точки ближневосточное урегулирование, добиться ликвидации опасного очага напряженности в этом районе. Отсутствие же такого урегулирования выгодно лишь израильскому агрессору и американскому империализму, претендующим на господство над арабским миром. В Советском Союзе исходили из того, что справедливое решение всех главных проблем региона будет благом для всех народов Ближнего Востока и для дела всеобщего мира. Советское предложение отвечало коренным интересам арабов, соответствовало общеарабской платформе, выработанной на совещаниях глав арабских государств в Багдаде в ноябре 1978 года и Тунисе в ноябре 1979 года, учитывало известные решения ООН по Ближнему Востоку, и в частности ее резолюции, в которых подтверждалось право палестинцев на создание собственного независимого суверенного государства.

Обеспечение мира и безопасности на Ближнем Востоке, а также необходимых условий для справедливого

ближневосточного урегулирования неразрывно связано с оздоровлением обстановки в районе Персидского залива и на подступах к нему. Исходя из этого, Советский Союз выступил с инициативой по разрядке напряженности, созданной в районе залива Соединенными Штатами, решившими обосноваться там под предлогом насквозь лживой версии о «советской угрозе» нефтяным богатствам Ближнего и Среднего Востока или путям транспортировки нефти. XXVI съезд КПСС подтвердил советские предложения относительно безопасности Персидского залива, впервые сделанные в дни визита Л. И. Брежнева в декабре 1980 года в Индию в его выступлении в индийском парламенте. Их суть сводилась к заключению широкого международного соглашения о следующих взаимных обязательствах:

— не создавать иностранных военных баз в районе Персидского залива и на прилегающих островах; не размещать там ядерного или какого-либо другого оружия массового уничтожения;

— не применять и не угрожать применением силы против стран района Персидского залива, не вмешиваться в их внутренние дела;

— уважать статус неприсоединения, избранный государствами района Персидского залива; не вовлекать их в военные группировки с участием ядерных держав;

— уважать суверенное право государств этого района на их природные ресурсы;

— не создавать каких-либо препятствий или угроз нормальному торговому обмену и использованию морских коммуникаций, связывающих государства этого района с другими странами мира²⁴.

Западная, и в первую очередь американская, пропаганда проталкивала на страницы мировой прессы лживый тезис о том, что за советскими предложениями по Персидскому заливу стоит будто бы стремление СССР устроить вместе с США дележ этой зоны. Эта клевета распространялась несмотря на то, что советские официальные представители, дипломаты, средства массовой информации разъясняли, что смысл советских предложений как раз и состоит в том, чтобы в конструктивном обсуждении вопросов, связанных с обеспечением безопасности Персидского залива, в первую очередь приняли бы самое активное участие страны этого района. Советский

Союз никогда не имел в виду какой-то сугубо советско-американский диалог о судьбах зоны Персидского залива. Разоблачая клеветнические утверждения определенных источников на Западе о том, что якобы Москва хочет вместе с Вашингтоном разделить этот район на сферы влияния, СССР выступал за конструктивное обсуждение проблемы на общей конференции или в другой форме, на которую согласны государства района. При этом советская сторона исходила из того, что СССР и США должны быть неизменными участниками международных переговоров по проблеме безопасности Персидского залива, так как неучастие в них одного из этих государств может сделать совершенно необязательными для него решения, принятые в результате обсуждения. В этом случае весь процесс превращения указанного района в зону мира оказался бы отброшенным к исходной точке²⁵.

В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду вновь была подтверждена оценка Советским Союзом войны между Ираком и Ираном как выгодной империализму, стремящемуся установить свое господство над районом Персидского залива. Л. И. Брежнев высказался за «скорейшее прекращение этой братоубийственной войны, за политическое урегулирование конфликта»²⁶.

Выдвинутые с трибуны XXVI съезда КПСС советские предложения по Ближнему Востоку и зоне Персидского залива преграждали путь планам империализма и сионизма превратить эти районы в вотчину неокOLONиализма под эгидой США. Эти предложения наносили удар по кэмп-дэвидским соглашениям, по всем маневрам и ухищрениям, направленным на их осуществление в любой форме. Предлагаемые Советским Союзом решения проблем Ближнего Востока, в корне противоположные кэмп-дэвидской схеме, стимулировали центростремительные тенденции в арабском национально-освободительном движении.

Указывая на опасность внутренних распрей в национально-освободительном движении арабских народов, Председатель Ливанской компартии Никола Шауи писал, что «они способны парализовать это движение, которое могло бы в результате увязнуть во второстепенных конфликтах, деморализующих массы и развязывающих руки реакции, что позволило бы ей успешно осуществлять заговоры с помощью империализма и сионизма»²⁷. На

XXVI съезде КПСС в выступлениях всех арабских представителей прозвучал настоятельный призыв к достижению арабского антиимпериалистического единства. Знаменательно, что о необходимости арабского единства говорили в Кремлевском Дворце съездов представители народа, не собирающегося смиряться с судьбой, которую навязывал ему А. Садат. Генеральный секретарь Национально-прогрессивной (левой) партии Египта Х. Мохи эд-Дин заявил: «Наша партия сознает, что египетский народ составляет неотъемлемую часть всей арабской нации, а достижение арабского единства мы считаем главным принципом партии»²⁸. Руководители революционно-демократических, коммунистических и рабочих партий арабских стран и национально-освободительных движений в своих выступлениях подчеркивали важнейшее значение укрепления сотрудничества арабов с их верными и испытанными союзниками — странами социалистического содружества. Об этом выразительно сказал в своем приветствии XXVI съезду КПСС заведующий политическим отделом Исполкома ООП, глава делегации ООП на съезде Ф. Каддуми: «Союз арабских народов с СССР стал ныне настоятельным требованием всех национально-патриотических сил наших стран, в особенности после того, как они на жизненном опыте убедились в том, что те, кто предал интересы собственных народов, начинали именно с отрицания арабо-советской дружбы, а затем связали свои судьбы с империализмом и сионизмом»²⁹.

Принципы советской ближневосточной политики были подтверждены в ходе многочисленных советско-арабских встреч на высшем уровне в Москве. После XXVI съезда КПСС в Советском Союзе побывали с официальными визитами руководители арабских стран с различными общественно-политическими системами: лидер ливийской революции М. Каддафи, заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Кувейта шейх С. А. аль-Джабер ас-Сабах, король Иордании Хусейн, президент Алжира Ш. Бенджедид, председатель Исполкома ООП Я. Арафат, президент Йеменской Арабской Республики А. А. Салех. В ходе состоявшихся переговоров высоких арабских гостей с Л. И. Брежневым и другими советскими руководителями было выражено общее желание активно продолжать развитие советско-арабских отношений на принципах взаимного уважения, равноправия, невмешатель-

ства во внутренние дела и борьбы против империализма, колониализма и сионизма. Арабские руководители передали глубокую благодарность своих народов Советскому Союзу за его поддержку антиимпериалистической борьбы арабов, неизменную приверженность принципам всеобъемлющего и справедливого ближневосточного урегулирования, помощь арабскому народу Палестины, деятельность по разоблачению антиарабских кэмп-дэвидских соглашений и недопущению их реализации.

«Ракетный кризис»

В апреле 1981 года продолжала накаляться обстановка в Ливане. Получив «карт-бланш» от Белого дома на террор против палестинцев и приютивших их ливанцев, израильская военщина нагло терзала ливанскую землю. Она предприняла варварские артиллерийские обстрелы и бомбардировки с воздуха населенных пунктов, высадку десантов с моря и танковые рейды на территорию Ливана. Затем в результате координации действий Израиля и его марионетки — бывшего майора ливанской армии Хаддада с правохристианской партией «Аль-Катаиб» («Фаланги») во главе с П. Жмайелем в центре вооруженных провокаций оказались межарабские силы по обеспечению мира в Ливане, состоявшие в основном из сирийских войск.

Как уже упоминалось выше, межарабские силы, в которые первоначально, кроме сирийских войск, входили воинские подразделения других арабских стран, были созданы в 1976 году, во время гражданской войны в Ливане, по решению глав шести арабских государств на специальном совещании в Эр-Рияде и Каире. В 1978 году в ливанском городе Бейт эд-Дине межарабское совещание уточнило условия пребывания этих сил в стране. Они находились в Ливане с одобрения Лиги арабских стран и в соответствии с официальной просьбой ливанского правительства. В условиях перманентной агрессии Израиля против Ливана и сотрудничества правохристианской партии фалангистов с израильтянами межарабские силы являлись важным фактором защиты территориальной целостности страны, законных интересов находившихся в ней отрядов Палестинского движения сопротив-

ления (ПДС) и ливанских национально-патриотических сил (НПС). Межарабские силы предотвращали опасность разжигания гражданской войны в стране и оказывали помощь законной власти в распространении ее суверенитета на всю территорию Ливана. За их присутствие выступала не только мусульманская, но и большая часть христианского населения страны. Премьер-министр Ливана Ш. Ваззан неоднократно отмечал, что ливанские власти высказывались за продление мандата межарабских сил, учитывая важную роль в прекращении междоусобной борьбы и установлении стабильности и спокойствия в разных районах страны.

Израиль, грубо попирая нормы международного права, вмешиваясь в дела независимого государства, требовал вывода межарабских сил из Ливана, чтобы затем вместе с правохристианскими формированиями расправиться с ООП и ливанскими национально-патриотическими силами. В случае достижения ими своих целей фалангисты рассчитывали либо привести к власти правительство, игнорирующее интересы мусульманского большинства страны, либо расчленить ее на два или более мини-государств. И в том и в другом случае Ливан превратился бы в зону безраздельного американо-израильского влияния. Сирия не могла согласиться с таким развитием событий в том числе и потому, что в результате она подверглась бы серьезной израильской угрозе на всем протяжении сирийско-ливанской границы.

Эскалация Израилем военных действий в Ливане в апреле 1981 года была предпринята именно в тот момент, когда противоборствующие стороны были близки к достижению договоренности о национальном согласии в стране. В Вашингтоне на словах выступали за мирное урегулирование в Ливане, а на деле всячески поощряли агрессивную политику Израиля. Об этом свидетельствовала и миссия эмиссара Рейгана — Ф. Хабиба, которая на деле оказалась не чем иным, как формой американо-израильского шантажа в отношении Сирии, проявившей твердость в защите интересов своего собственного народа, ливанцев и палестинцев. Если визит Хейга на Ближний Восток стал как бы сигналом к началу серии израильских провокаций против ПДС, Ливана и Сирии, то миссия Ф. Хабиба — своеобразной ширмой для их прикрытия. Последний изображал себя беспристрастным миро-

творцем, но в его портфеле «лежали» исключительно израильские условия мира, которые он безуспешно пытался навязать Сирии, ПДС и ливанским НПС. Арабские патриотические круги выражали мнение, что вооруженное выступление правых ливанских сил против сирийского контингента войск, скоординированное с агрессией Израиля против Ливана, входило в американский план включения этой страны в зону «стратегического согласия», к которому тщетно призывал в арабских столицах Хейг. Необходимым условием реализации этого плана американцы считали ослабление и нейтрализацию Сирии, а вслед за этим уничтожение Палестинского движения сопротивления.

Дамаск, как уже не раз бывало, проявил стойкость и твердость. Он не поддался американо-израильскому шантажу, разоблачил произраильскую позицию эмиссара президента Рейгана на Ближнем Востоке Ф. Хабиба, организовал решительный отпор вооруженным провокациям поддерживаемых Тель-Авивом фалангистов против межарабских сил. Ожесточенные бои между этими силами и фалангистскими формированиями развернулись в районе города Захле (долина Бекаа), находящегося в 20 км от сирийской границы и в нескольких километрах от стратегической дороги Дамаск — Бейрут. Контролю над этим городом, ставшим как бы пистолетом, нацеленным на Сирию, придавалось важное значение в израильско-фалангистском плане, названном «планом-аккордеоном». Он предусматривал нанесение одновременного удара в Бейруте, Южном Ливане и в долине Бекаа по силам ПДС — НПС и сирийским подразделениям. 26 апреля госсекретарь США Хейг передал через американского посла в Дамаске выдержанное в ультимативном тоне заявление, в котором потребовал от Сирии прекратить боевые действия межарабских сил по обеспечению мира в Ливане против правохристианских военных подразделений, одновременно лицемерно обвинив ее в том, что якобы именно она — виновник обострения обстановки в Ливане. Президент САР в ответе на заявление Хейга, переданном в Вашингтон, указал, что обращение американской стороны неприемлемо для Сирии как по тону, так и по содержанию.

28 апреля израильские самолеты сбили в воздушном пространстве Ливана принадлежавшие межарабским си-

лам два сирийских вертолета, на борту которых находился груз с продовольствием. Эта агрессивная акция не могла иметь места без согласования с Вашингтоном. «Нью-Йорк таймс», публикуя сообщение из Иерусалима, признавала ответственность США за преступный акт. Газета писала, что именно американский подход вдохновил израильских стратегов на более широкое вмешательство в Ливане. Через несколько дней после нападения на сирийские вертолеты над ливанской территорией в Израиле раздались кликушеские стенания по поводу оснащения межарабских сил ракетами советского производства класса «земля — воздух». На страницах американских и израильских газет, запестревших сообщениями о «ракетном кризисе», отмечалось, что речь идет о ракетах, которые оказались «смертельными» для израильских самолетов над Суэцким каналом и Голанскими высотами во время ближневосточной войны 1973 года.

Дамаск дал решительный отпор антисирийской кампании, развязанной в связи с размещением ракет ПВО на позициях частей межарабских сил по поддержанию мира в Ливане. На чрезвычайном заседании Совета министров Сирии премьер-министр САР Р. Касм указал, что Сирия будет на высоте «своей ответственности за защиту Ливана и палестинской революции от сионистской агрессии». Министр обороны САР М. Тлас доложил Совету министров, что Сирия располагает всеми средствами, необходимыми для отражения нападения. «Ракетного кризиса», о котором столько говорят в Израиле и США, не существует, отмечала сирийская печать. Ракеты, установленные в Ливане, никакой функции, кроме оборонительной, выполнять не могут, поскольку предназначены для уничтожения целей лишь в ливанском воздушном пространстве. А право на оборону — естественное право межарабских сил по поддержанию мира. Подлинный же кризис на Ближнем Востоке является порождением агрессивного, экспансионистского курса Израиля, проводимого им с благословения Вашингтона. Радио и пресса Сирии ставили вполне закономерные вопросы: по какому праву Израиль решает, каким вооружением должны быть оснащены межарабские силы? С какой стати Тель-Авив настаивает на неограниченном праве израильских стервятников сеять смерть и разрушения в многострадальном Ливане?³⁰

В начале мая Бегин разразился прямыми угрозами в адрес Сирии, требуя эвакуации ракет. «Если на Сирию не подействуют увещевания США, — заявлял он, — я отдам приказ израильским ВВС уничтожить сирийские ракетные батареи». Своеобразным ответом на угрозы явилось уничтожение сирийскими частями ПВО израильского самолета-шпиона над долиной Бекаа. Президент САР Х. Асад заявил: «Если израильская авиация будет бомбить наши ракетные установки, мы введем в действие наши ракеты и истребители-бомбардировщики. В случае нападения израильских сухопутных сил мы отобьем атаку с помощью сухопутных или других имеющихся в нашем распоряжении вооруженных сил. Я знаю, Израиль способен уничтожить любую цель, но и мы способны сделать это». Сирийский президент также сказал, что он в создавшейся обстановке не выведет войска из Ливана, чтобы не обеспечить тем самым условия ливанским правым кругам вкупе с Израилем для уничтожения палестинцев и патриотических сил страны. Комментируя события, влиятельная буржуазно-националистическая газета Ливана «Ан-Нахар» писала, что возможная война между Тель-Авивом и Дамаском лишний раз свидетельствует о несостоятельности посылки президента Садата о том, что договор о «мире» между Египтом и Израилем кладет конец враждебности между арабами и израильцами и войнам между ними. Это в равной степени доказывает несостоятельность надежд Вашингтона и Тель-Авива на то, что выхода Египта из военного противоборства с Израилем достаточно для установления на Ближнем Востоке «мира по-кэмп-дэвидски». События в Ливане, заключала газета, еще раз продемонстрировали Соединенным Штатам, что курс Кэмп-Дэвида и политика, направленная на исключение СССР из процесса ближневосточного урегулирования, недальновидны и ограничены³¹.

Верный себе, своей капитулянтской линии, Садат заявил, что, если между Сирией и Израилем вспыхнут бои, Египет будет «оставаться нейтральным». Он объявил, что Каир будет соблюдать положения «мирного» договора с Тель-Авивом. Диаметрально противоположную позицию занял арабский мир. Собравшийся 22 мая в своей штаб-квартире в Тунисе совет Лиги арабских стран на уровне министров иностранных дел решил «всеми имею-

щимися силами» поддержать Сирию, ПДС и НПС Ливана в борьбе против осуществления Тель-Авивом на практике так называемой «теории обеспечения безопасности Израиля»³², «теории», в соответствии с которой Израиль присвоил себе право совершать агрессию против суверенного и независимого Ливана, наносить удары по местам проживания палестинского населения и межарабским силам по поддержанию мира в Ливане. Всеарабский характер поддержки Сирии, ПДС и НПС Ливана в их противодействии израильским угрозам и американскому давлению означал, что арабские народы не приемлют стратегию администрации Рейгана, в которой в качестве основной задачи выдвигалось разжигание в регионе антисоветизма, а отнюдь не решение животрепещущих ближневосточных проблем, центральной из которых является палестинская проблема.

В ходе встреч и контактов между президентом САР Х. Асадом, президентом Ливана И. Саркисом, председателем Исполкома ООП Я. Арафатом и руководством ливанских НПС были выработаны конкретные меры по срыву планов дальнейшего обострения обстановки в Ливане, по противодействию американскому нажиму и угрозам Израиля. Межарабские силы освободили город Захле, не позволив фалангистам превратить его в анклав наподобие хаддадовского на юге Ливана. Сирия не подчинилась очередной попытке Израиля диктовать свою волю и сохранила батареи зенитных ракет на ливанской территории, разумеется, с согласия законного правительства Ливана. Потеряв до десятка самолетов-шпионов, сбитых сирийскими средствами противовоздушной обороны над Центральным Ливаном, израильская авиация была вынуждена резко ограничить направления своих полетов над этой страной. Решимость Сирии, ПДС и ливанских НПС противостоять планам установления военно-политической гегемонии США и Израиля в регионе подкреплялась отношением Советского Союза к развитию событий в Ливане. СССР неизменно и твердо выступал за сохранение национального суверенитета и территориальной целостности этой страны, против империалистического и сионистского вмешательства в ее дела. Он заявил о намерении оказывать необходимую поддержку Сирии в противодействии израильской агрессии. Советское руководство подтвердило, что оно и дальше будет выступать в

в защиту независимости и свободы Ливана, за достижение в этой стране национального согласия, против прощесов США и Израиля.

Еще одно эхо Кэмп-Дэвида

Развитие событий на Ближнем Востоке приносило все новые и новые свидетельства того, что после заключения сепаратной сделки с Египтом Тель-Авив взял курс на расширение масштабов агрессии против арабов. Список многочисленных преступлений израильской военщины был пополнен 7 июня 1981 г. вероломным налетом самолетов ВВС Израиля на иракский центр ядерных исследований в предместье Багдада, построенный при техническом содействии Франции. Бомбовой удар был нанесен 8 истребителями-бомбардировщиками «F-16», их прикрывали 6 истребителей «F-15». В ходе этого разбойничьего нападения на страну, расположенную на расстоянии 1 тыс. км от Израиля, было нарушено воздушное пространство еще двух арабских государств — Иордании и Саудовской Аравии.

«Нам не за что приносить извинения, — цинично заявил после налета израильский премьер Бегин. — Мы совершили законный, справедливый акт самообороны». При этом он лицемерно пытался «оправдать» бандитские действия израильской авиации ссылками на то, что Тель-Авив якобы стремился воспрепятствовать Ираку создать атомную бомбу, которая могла бы быть применена против Израиля. Подобная «аргументация» находилась в вопиющем противоречии с широко известными фактами. Ирак является участником Договора о нераспространении ядерного оружия. По авторитетному свидетельству Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), иракский атомный центр использовался исключительно для мирных исследований. В то же время ядерная программа Израиля, осуществляемая при помощи США и некоторых западноевропейских государств, с самого начала была ориентирована на создание и производство ядерного оружия. Тель-Авив упорно уклоняется от подписания Договора о нераспространении ядерного оружия. Он наотрез отказался поставить свои атомные установки под контроль МАГАТЭ. Таким образом, не

арабы угрожают Израилю атомной бомбой. Дело обстоит как раз наоборот.

Свой наглый разбой в отношении Ирака израильская военщина осуществила при фактическом поощрении США. Правда, американская администрация, видя, какую бурную негативную реакцию в мире вызвала эта бандитская акция, предприняла неуклюжую попытку отмежеваться от действий Тель-Авива. Вашингтон сделал вид, будто все происшедшее явилось «неожиданностью» для него. Государственный департамент США выступил с заявлением, содержащим «осуждение» Израиля за налет на иракский ядерный центр. Было даже объявлено о решении приостановить передачу Израилю очередных четырех самолетов «F-16».

Однако эти уловки не могли ввести в заблуждение арабов и широкие круги международной общественности. В арабских и других странах справедливо полагали, что именно политическая, военная, экономическая и финансовая помощь США Тель-Авиву является той основой, на которой зиждутся агрессивность и авантюризм израильской политики. Боевые самолеты, совершившие пиратский рейд на Багдад, бомбы, сброшенные на иракскую землю, — все это израильская военщина получила из рук Вашингтона. Как попытка «оправдать» тель-авивских «ястребов» было расценено заявление администрации Рейгана о том, что строительство ядерного реактора в Ираке «давно волновало» США. Слегка пожурив для вида израильских руководителей, американские власти поспешили подтвердить неизменность своей линии на всемерную поддержку Израиля. Буквально через несколько дней после бомбардировки иракского ядерного центра президент Рейган на встрече с израильским послом Эвроном заверил, что США «не производят никакого фундаментального пересмотра» своей политики в отношении Тель-Авива, по-прежнему рассматривают его как «своего близкого союзника», «будут и впредь находиться на стороне Израиля». В ходе рассмотрения в Совете Безопасности ООН вопроса о налете израильской авиации на Ирак Соединенные Штаты сделали все возможное, чтобы не допустить принятия решения о санкциях против агрессора.

Но причастность США к преступной акции Тель-Авива не ограничивалась только этим. Имеются достоверные

данные, говорящие о том, что Белый дом, хотя он и играл в «неосведомленность», был в действительности заранее поставлен в известность о подготовке Израилем бомбового удара по иракскому атомному центру. Израильское нападение, признал известный своими просионистскими симпатиями американский сенатор Г. Джексон, «не явилось для нас большим сюрпризом». Он указал, что сенатская комиссия по разведке и объединенная комиссия конгресса по атомной энергии знали о возможности такого нападения на Ирак. Аналогичные свидетельства содержатся в материалах ведущих американских телевизионных комментаторов и журналистов. Так, известный обозреватель Дж. Андерсон подчеркивал: «Представители администрации просто лгут, когда утверждают, что им не было известно о подготовке Израилем нападения на Ирак». По его словам, администрация США знала об этих израильских планах «еще более полугодом назад».

На первый взгляд, могло показаться странным, что израильские воздушные пираты, пролетая по пути в Багдад и обратно над территорией Саудовской Аравии, не были засечены находившимися в этой стране американскими самолетами с системой дальнего радиолокационного обнаружения и управления АВАКС на борту, «охранявшими» саудовское воздушное пространство. Однако ничего удивительного в этом не было. Ведь экипажи этих самолетов были укомплектованы американцами. И они, по мнению ряда зарубежных обозревателей, руководствуясь соответствующими инструкциями из Вашингтона, постарались «не заметить» бомбардировщики израильских ВВС.

О том, что наглая агрессия Тель-Авива против Ирака была по существу санкционирована Соединенными Штатами, недвусмысленно свидетельствовало также интервью помощника президента США по национальной безопасности Р. Аллена американскому журналу «Бизнес уик». Выразив мнение, что «израильский налет явно окажет воздействие на арабские страны», он прямо заявил в этой связи: «Мы надеемся, что изоляции Египта среди арабских государств будет положен конец и другие поймут, насколько целесообразно сесть за стол переговоров». Тем самым Р. Аллен раскрыл цели, которые преследовала администрация Рейгана, дав «добро» Израилю на бом-

бардировку Багдада: путем устрашения арабов склонить их к принятию кэмп-дэвидской схемы урегулирования и примирению с предательским режимом Садата.

Явно подражая тактике своих заокеанских покровителей, с лицемерным осуждением действий Тель-Авива выступил Каир. Но его попытка представить в выгодном свете свою политику успеха в арабском мире не имела. Ведь буквально накануне бандитского налета израильских ВВС на Ирак в Шарм аш-Шейхе (оккупированная часть Синая) была проведена очередная встреча Садата с Бегинем. В ходе встречи, состоявшейся по инициативе израильской стороны, Садат, как он уже не раз делал это в прошлом, взял на себя роль адвоката экспансионистского курса Тель-Авива, возложив ответственность за ухудшение обстановки на Ближнем Востоке на арабские страны, отвергающие кэмп-дэвидскую сделку, в частности на Сирию, Ливию. Более того, по сообщению кувейтской газеты «Аль-Анба», ссылавшейся на осведомленные источники в госдепартаменте США, египетский президент, которого Бегин «доверительно» проинформировал о готовившемся нападении на Багдад, негласно одобрил эту акцию и пообещал, что Египет не будет препятствовать ее осуществлению.

Государства различных континентов планеты, с различными политическими системами с возмущением отвергли попытки израильского руководства представить свои пиратские действия как «справедливые и законные». При этом подчеркивалось, что Израиль, грубо попирая элементарные нормы международного права и основополагающие принципы Устава ООН, возвел террор и бандитизм в ранг государственной политики. «Эта гангстерская акция, — отмечалось в заявлении ТАСС, — является звеном в длинной цепи преступлений Тель-Авива, прямым соучастником и по существу вдохновителем которых являются правящие круги Соединенных Штатов Америки»³³.

Отражая настроения мирового сообщества наций, Совет Безопасности ООН единогласно одобрил резолюцию, в которой резко осудил агрессию Израиля против Ирака. В ней высказана глубокая озабоченность той угрозой для международного мира и безопасности, которую создал преднамеренный воздушный налет Тель-Авива на иракский центр ядерных исследований. Резолюция подчерки-

вает, что это нападение является «прямым нарушением Устава ООН и норм международного поведения». Вместе с тем в результате обструкционистской позиции США, взявших под защиту тель-авивских агрессоров, Совет Безопасности не смог применить санкций против Израиля, вытекающих из гл. VII Устава ООН, хотя в поддержку таких решительных мер выступило подавляющее большинство участников дискуссии.

Достойный отпор террористическому курсу Тель-Авива был дан в МАГАТЭ. Совет управляющих этого международного агентства 31 голосом против 2 (США и Канада) высказался за исключение Израиля из МАГАТЭ в знак протеста против его налета на иракский ядерный центр.

«Очередное варварское преступление Тель-Авива против одной из соседних стран, — заявил постоянный наблюдатель Организации освобождения Палестины при ООН З. Терази в связи с бомбардировкой Багдада, — та дорогая цена, которую приходится платить народам Ближнего Востока за кэмп-дэвидскую сделку, прикрываемую личиной так называемых «миротворческих усилий США», истинная цель которых — закамуфлировать дальнейшее укрепление агрессивной оси Вашингтон — Тель-Авив». Справедливость этих слов, раскрывающих причины все более вызывающего поведения Израиля, была еще раз подтверждена последующими событиями на Ближнем Востоке.

Спустя месяц после налета на Ирак Тель-Авив вновь до предела накалил обстановку в регионе. Объектом его агрессии в очередной раз стал Ливан. Собственно, вооруженные провокации против этой многострадальной страны Израиль осуществлял едва ли не каждый день в течение весьма длительного периода. Но во второй декаде июля 1981 года израильское руководство повело дело к резкой эскалации этой необъявленной войны. В течение двух недель тель-авивская военщина с невиданной жестокостью обстреливала с воздуха, суши и моря различные районы Ливана, совершала кровавые преступления в отношении мирных жителей — ливанцев и палестинцев. Говоря об этих варварских акциях Тель-Авива, представитель СССР в ООН подчеркнул, что они «представляют собой качественно новый этап израильской политики международного терроризма»³⁴.

Развязав кровопролитие в Ливане, Тель-Авив день ото дня наращивал свои удары по территории этой страны. 12 июля израильская авиация атаковала южноливанский город Дамур и расположенный вблизи Бейрута населенный пункт Нааме, нанеся им огромный ущерб. 14 июля жестокой бомбардировке с воздуха подверглись город Набатия и населенные пункты Зафта и Аш-Шуф в Южном Ливане, среди населения которых имелись многочисленные жертвы. Кульминация израильской агрессии пришлась на 17 июля. В этот день самолеты ВВС Израиля совершили налет на Бейрут, сбрасывая смертоносный груз на густонаселенные кварталы его западного сектора. Многие жилые и общественные здания ливанской столицы были превращены в груды развалин. От израильских бомб и ракет погибло свыше 300 жителей Бейрута. Еще около 800 человек было ранено. Одновременно израильская авиация и артиллерия подвергли ожесточенным бомбардировкам и обстрелам более 40 ливанских городов и населенных пунктов, расположенных как на юге, так и в глубине территории страны. Среди них Тир, Набатия, Саада, Дамур, Захрани и др. Варварские удары тель-авивских агрессоров обрушились также на многие лагеря палестинских беженцев в различных районах Ливана. Кроме того, израильтяне предприняли попытки захватить часть ливанской территории, вводя в бой сухопутные войска и высаживая десанты. Война на истребление, осуществлявшаяся тель-авивским руководством в течение двух недель, стоила жизни примерно 2 тыс. ливанцев и палестинцев, вызвала огромные разрушения по всей стране.

Однако Тель-Авиву и на этот раз не удалось достигнуть своих целей, разгромить Палестинское движение сопротивления. Агрессору пришлось столкнуться с упорным противодействием со стороны объединенных отрядов ливанских национально-патриотических сил и ПДС. Преступления Израиля на ливанской земле вызвали новую волну возмущения и протестов повсюду в мире.

В условиях резкого осложнения ситуации на Ближнем Востоке США, как и за месяц до этого, заняли откровенно лицемерную позицию. Предоставив израильской военщине полную свободу действий в Ливане, американские власти в то же время пытались создать впечатление,

будто они «не одобряют» ее акции. Президент Рейган вновь объявил о решении задержать отправку в Израиль очередной партии истребителей-бомбардировщиков «F-16» (это символическое «эмбарго» было вскоре отменено, как и аналогичная мера, принятая в июне 1981 г.).

Разоблачая маневры американской администрации, ТАСС в своем заявлении от 22 июля 1981 г. подчеркивало: «Израиль не мог бы вести себя столь вызывающе и нагло, не чувствуя поддержки, более того — поощрения со стороны Соединенных Штатов Америки. Именно оттуда непрерывным потоком поступает смертоносный груз, который Израиль обрушивает на ливанское население и палестинцев, нашедших временное пристанище в Ливане. В то же время не кто иной как США пытаются выгородить Тель-Авив, оправдать его агрессивные действия в отношении арабских стран»³⁵.

Показательно, что эскалация израильской агрессии против Ливана совпала с приездом на Ближний Восток специального представителя президента США Ф. Хабиба. Согласно официальной версии, цель его челночных визитов в ближневосточные страны состояла в том, чтобы способствовать смягчению напряженности в регионе, в частности вокруг Ливана. Однако в действительности псевдомиротворческая миссия американского эмиссара была использована для прикрытия израильского разбоя на ливанской земле, для шантажа арабов. И не случайно в ходе мощной демонстрации, состоявшейся в Бейруте после налета израильской авиации на этот город, одним из главных лозунгов ее участников был: «Хабиб, убирайся вон!». Как отмечала ливанская газета «Ан-Нида», «разглагольствования вашингтонского эмиссара о мире и вероломный агрессивный курс Тель-Авива — это по сути дела две стороны одной медали, одного плана, направленного на установление на Ближнем Востоке военного и политического господства американского империализма».

Организацией Объединенных Наций были приняты меры с тем, чтобы положить конец кровопролитию в Ливане. Совет Безопасности ООН одобрил резолюцию, в которой призвал к немедленному прекращению вооруженных нападений, подтвердил свою поддержку суверенитета, территориальной целостности и независимости этой страны в пределах ее международно признанных границ.

24 июля в Ливане в соответствии с данной резолюцией вступило в силу прекращение огня.

В этой связи в западной печати появились сообщения о том, что Тель-Авив будто бы решил прекратить военные действия в результате американского давления на него. Отвергая домыслы империалистической пропаганды, сирийская газета «Тишрин» писала: «В эти дни мы являемся свидетелями очередной попытки обелить Соединенные Штаты, придать их деятельности на Ближнем Востоке некий «миротворческий» характер. На самом деле Израиль прекратил нападения на Ливан не потому, что этого захотели в Вашингтоне, а потому, что палестинский народ продемонстрировал, что его сопротивление не сломить силой, в то время как ливанское правительство проявило решительность и не капитулировало перед угрозами Бегина»³⁶.

Разбойничье нападение на Ирак, широкомасштабные военные действия против Ливана, форсирование политики поселенческого колониализма на оккупированных арабских территориях, вооруженные провокации против Сирии стали фоном кампании по выборам в кнессет и формированию кабинета министров в Израиле. Правительство Бегина разжигало шовинистические настроения среди израильского населения, отвлекая его внимание от жгучих проблем внутренней жизни. Кэмп-Дэвид не принес израильтянам спокойствия и благоденствия. Уровень инфляции в стране достиг 200%, неудержимо росла безработица и связанная с ней преступность. Внешний долг Израиля приблизился к 22 млрд. долл. Шовинистическая истерия, достигшая своего апогея в результате бомбардировки иракского ядерного реактора и агрессивных действий против Ливана, сыграла определенную роль в сохранении и расширении позиций возглавляемого Бегинем партийного блока «Ликуд», находившегося у власти четыре предыдущих года.

Состоявшиеся 30 июня 1981 г. выборы в кнессет, насчитывающий 120 депутатов, не дали ни одной из двух основных соперничающих группировок минимального большинства в 61 депутатское место, необходимого для формирования правительства. Блок «Ликуд» получил 48 мест, а блок «Маарах», возглавляемый лидером партии труда Ш. Пересом, — 47.

Одинаковое в конечном счете количество депутатских

мандатов «Ликуда» и «Маараха» после перехода в парламентскую фракцию второго блока одного независимого депутата явилось следствием адекватности существа их политических платформ. В предвыборный период партия труда не только не противостояла милитаризму Бегина, но и нередко сама пыталась обойти его справа. «Маарах», в принципе одобряя террористические действия бегиновского руководства против ООП, Ливана, Сирии и Ирака, упрекал его лишь за то, что оно использует их как «козыри» в предвыборной борьбе. Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля М. Вильнер, анализируя итоги выборов, заявил, что как в социально-экономическом, так и во внешнеполитическом плане программа «Маараха» не представляла собой какую-либо альтернативу программе «Ликуда»³⁷.

Отношение обоих блоков к ближневосточному урегулированию зиждилось на четырех отрицаниях: «нет» — возвращению к границам до 5 июня 1967 г., «нет» — созданию палестинского государства, «нет» — обсуждению проблемы Иерусалима, «нет» — признанию ООП. И «Ликуд», и «Маарах» являлись злейшими врагами национально-освободительных движений в Азии, Африке и Латинской Америке. Они одинаково выступали с позиций антисоветизма и антикоммунизма. Председатель Исполкома ООП Я. Арафат следующим образом выразил отношение своей организации к двум блокам: «Для нас, палестинцев, нет никакой разницы, кто стоит у власти в Израиле — «Ликуд» или «Маарах». Мы не должны забывать, что четыре войны, которые Израиль вел против арабской нации и палестинцев, были развязаны в тот период, когда у власти был «Маарах». Мы считаем, что как «Ликуд», так и «Маарах» проводят политику железного кулака, только у «Маарах» этот кулак прикрыт лайковой перчаткой»³⁸.

Поскольку Бегин первоначально получил на одно парламентское место больше, чем Перес, ему было предоставлено право на формирование правительства. Для этого ему надо было создать правительственную коалицию, включающую как минимум 61 депутата. Именно такое минимальное количество депутатских мандатов и набрал Бегин за счет вступления в союз с тремя религиозными партиями. Израиль получил самый милитаристский и реакционный за всю историю страны кабинет

министров. Ключевые посты в образованном 5 августа правительстве заняли откровенно экстремистские деятели. Министром обороны стал А. Шарон, который, будучи до этого министром сельского хозяйства, создал на оккупированных арабских территориях десятки военизированных еврейских поселений, безжалостно сгоня палестинцев с их земель. Пост министра иностранных дел остался за правым экстремистом И. Шамиром, в прошлом одним из главарей террористических групп, специализировавшихся на политических убийствах. В свое время он входил в состав группы сионистских боевиков, убивших посредника ООН на Ближнем Востоке шведского графа Ф. Бернадотта. Сформированное в результате июньских выборов правительство еще более усилило милитаристскую, экспансионистскую направленность израильской политики.

**«Стратегический консенсус»
и «стратегическое
сотрудничество»**

В основе подхода администрации Рейгана к ближневосточным проблемам лежало стремление, выраженное Хейгом во время его первого турне по Ближнему Востоку, к созданию «по всему этому региону, среди арабов и евреев, общности стратегических интересов» на антисоветской основе³⁹. Новое американское правительство рьяно пропагандировало идею «стратегического консенсуса» между Израилем, Египтом и так называемыми умеренными арабскими государствами, предназначенного для борьбы за укрепление влияния США в регионе. Судьба же 4 млн. палестинцев, продолжающих жить под гнетом израильских оккупантов или в качестве беженцев, полностью игнорировалась командой Рейгана, максимально сконцентрировавшейся на сколачивании «стратегического согласия». Она даже не считала нужным хотя бы для отвода глаз изобразить «заинтересованность в решении палестинской проблемы», например, путем стимулирования полностью завязших египетско-израильских переговоров об «административной автономии». Естественно, что подчеркнуто пренебрежительное отношение Вашингтона к судьбе обездоленного палестинского народа не

способствовало вовлечению в «стратегический консенсус» Иордании и Саудовской Аравии.

Тогда на авансцену вновь вышел, бряцая оружием, Израиль. Своими ударами по ПДС и ливанским национально-патриотическим силам, вооруженными провокациями против Сирии он стремился ослабить и подорвать Национальный фронт стойкости и противодействия — авангард общеарабской борьбы против империализма и сионизма, запугать своей мощью консервативные арабские государства. Эти действия Израиля служили стратегическим интересам США, заключавшимся в том, чтобы, поставив арабов на колени, заставить их вступить в антисоветский блок с Израилем.

Однако твердость Сирии в противодействии израильской агрессии против межарабских сил по обеспечению мира в Ливане, отпор со стороны ПДС и ливанских НПС, отказ ливанского правительства капитулировать перед угрозами Бегина вынудили Тель-Авив на время поумерить свой боевой пыл на юге Ливана. Шаги арабских стран, направленные на консолидацию своих позиций в борьбе против сионистского агрессора и его покровителя, поддержка арабского национально-освободительного движения силами социализма, свободы и прогресса во всем мире заставили понять Вашингтон, что ставка только на голую военную силу Израиля не всегда отвечает интересам США. Поэтому администрация Рейгана, отнюдь не отрекаясь от использования методов вооруженного шантажа, решила несколько изменить тактику и начала подготовку к новому крупному дипломатическому наступлению с целью размывания арабской позиции противодействия Кэмп-Дэвиду.

Оно началось с переговоров Рейгана с Садатом в начале августа 1981 года в Вашингтоне. Затем руководство США планировало встречу с Бегиним. В Белом доме намеревались принять и руководителей Иордании и Саудовской Аравии, чтобы еще раз попытаться непосредственно привлечь их к реализации американских империалистических планов.

Итоги визита Садата были весьма красноречивы. Они лишний раз подтвердили основное направление во внешнеполитическом курсе новой администрации США на Ближнем Востоке. Приоритет в этом регионе американцы отдавали, как и следовало ожидать, не ликвидации

последствий израильской агрессии, не справедливому ближневосточному урегулированию, а созданию антисоветского «консенсуса». Садат в угоду своим собеседникам также много разглагольствовал о мифической «советской угрозе» арабским странам. В то же время он умолчал о реальных израильских преступлениях, оборачивающихся для арабов сотнями и тысячами мирных жертв, непрекращающейся трагедии палестинского народа. Правда, Садат сделал попытку соблазнить Рейгана начать поиск путей для вовлечения в кэмп-дэвидскую сделку ООП. Однако, когда американский президент резко ответил, что США не признают ООП, Садат согласился, что ООП не является единственным представителем палестинцев, и сказал: «Не будем из-за этого спорить». Короче, Садат всецело одобрил ближневосточную линию Вашингтона, намеревавшегося отколоть от фронта общеарабской солидарности так называемые умеренные арабские страны, в первую очередь Иорданию и Саудовскую Аравию, положить конец влиянию ООП на оккупированном Западном берегу Иордана и в секторе Газа, постараться внести раздор в ряды самой ООП.

Неотъемлемой составной частью плана создания «стратегического консенсуса» было обеспечение непосредственного военного присутствия США на Ближнем Востоке. Садат дал Рейгану письменное согласие на использование американскими СБР крупной египетской военной базы и порта Рас-Банас на Красном море. В ходе визита Садата в США Египет и Израиль официально заключили соглашение о создании «многонациональных вооруженных сил для Синая». Государственный секретарь Хейг подписал этот документ в качестве «наблюдателя» на церемонии, состоявшейся в госдепартаменте, вместе с послами Египта и Израиля. Этот новый антиарабский акт был назван министром иностранных дел Израиля Шамиром «величайшим дипломатическим успехом Вашингтона». «Многонациональные силы» должны были разместиться на Синае в связи с уходом оттуда 25 апреля 1982 г. израильских войск. Поскольку основной костяк этих сил по соглашению составляли солдаты Пентагона, речь шла о постоянном военном присутствии США на Ближнем Востоке. Эти силы позволяли США контролировать не только территорию Египта, но и Суэцкий канал, залив Акаба, Красное море и часть аквато-

рии Средиземного моря. Американцы полагали, что это даст им дополнительную возможность защищать интересы нефтяных монополий, предотвращать в Египте и соседних странах нежелательные для них социально-политические изменения, осуществлять стратегические планы, направленные против Советского Союза. По условиям соглашения «многонациональные силы» могли быть выведены с египетской территории только при согласии Израиля. Подобное условие практически увековечивало американское военное присутствие в Египте. Остается лишь добавить, что представитель Садата поставил подпись под соглашением о замене израильских захватчиков новыми оккупационными войсками, под прицел которых попадают не только египетский, но и народы сопредельных арабских стран, всего через два часа после очередного бандитского налета израильтян на Бейрут.

В ходе визита Садата в Вашингтон обсуждались вопросы, связанные с военными поставками Египту. К разочарованию египетского президента, американская сторона и на этот раз осталась верна своему принципу: Египет всегда должен быть слабее Израиля в военном отношении. Американское оружие, передаваемое Египту, вполне годилось для осуществления по указке Вашингтона жандармских функций в африканских и азиатских странах, но всегда значительно уступало военной технике, получаемой Израилем. Как ни клялся Садат во время своего вояжа в верности Рейгану, главный редактор официозного египетского журнала «Октябрь» Мансур, сопровождавший президента, был вынужден признать, что «Америка дает Египту одной рукой, а Израилю — двумя».

Особые отношения США с Израилем, даже на подобие которых в рамках «стратегического согласия» не могла претендовать ни одна арабская страна, какого бы проамериканского курса она ни придерживалась, были еще раз убедительно продемонстрированы во время встречи Рейгана с Бегинем, прибывшим в Вашингтон вслед за Садатом. Президент США, всегда считавший Израиль главным оплотом американского империализма, решил открыть «новую эру» в американо-израильских отношениях. В Белом доме было объявлено, что между США и Израилем достигнуто соглашение о «стратегическом сотрудничестве». Бегин сообщил журналистам, что «новые

стратегические взаимоотношения» предполагают размещение в Израиле американского вооружения для СБР, готовность израильской авиации обеспечивать воздушное прикрытие транспортных самолетов США, осуществляющих переброску войск и техники, предоставление американским вооруженным силам израильских портов и аэродромов, совместные сухопутные и морские маневры, создание складов оружия и медикаментов для американских войск в Израиле⁴⁰. В отличие от израильтян, американцы, опасаясь негативной реакции арабов, и главным образом консервативных арабских стран, которые предполагалось втянуть в «стратегическое согласие», предпочитали не распространяться о военных аспектах соглашения. Стремясь ввести арабский мир в заблуждение относительно своих подлинных целей, Вашингтон, а вслед за ним и Тель-Авив стали усиленно пропагандировать тезис о том, что они пошли на более широкое сотрудничество в области безопасности, чтобы якобы противостоять «особой угрозе — советскому экспансионизму».

Лживость этого тезиса, маскирующего антиарабскую направленность «стратегического сотрудничества», разоблачалась самой американской прессой. Так, газета «Нью-Йорк дейли ньюс» в редакционной статье под красноречивым заголовком «Не все сразу» писала, что США «не могут позволить себе создать впечатление, что вступают в союз с Израилем против арабских государств», чтобы не повредить своим нефтяным интересам. Расхваливая Рейгана за «дальновидность», с которой он отказался на том этапе от оформления «стратегического сотрудничества» между США и Израилем в виде какого-то официального документа, газета писала, что главное — это обеспечить в рамках «сотрудничества» опорные пункты для СБР, «не вызвав гневной реакции таких ключевых арабских государств, как Саудовская Аравия». После этого, полагала газета, «США и Израиль могут осуществлять любое секретное сотрудничество»⁴¹. Те же американские газеты отмечали, что подобная «дальновидность» Рейгана весьма устраивала Бегина. Израильский премьер, утверждали они, тоже не хотел форсировать заключение «официального договора» с США, считая, что он «мог бы ограничить его право на превентивную агрессию». В то же время Бегин предлагал, чтобы

соглашение было сформулировано в виде меморандума, и заявил, что будет «добиваться этого в ходе дальнейших консультаций с американской стороной»⁴². Слово «добиваться» было употреблено исключительно в целях дезинформации общественного мнения. На самом деле правительства США и Израиля в обстановке полного единодушия разрабатывали наиболее выгодный для двух сторон вариант оформления прямого военного союза, союза, дающего Тель-Авиву свободу действий, а Вашингтону — возможность отречься от ответственности за них. Это и подтвердил Пентагон, сообщив, что американский и израильский министры обороны встретятся в ноябре — декабре 1981 года, чтобы облечь соглашение в письменную форму.

Американо-израильское «стратегическое сотрудничество», помимо открытого превращения Израиля в военный плацдарм США и арсенал для хранения американской военной техники, означало дополнительные поставки сверхсовременного оружия Израилю. Официальный Вашингтон обычно хранит упорное молчание по поводу истинных масштабов сотрудничества с Тель-Авивом в области ядерных вооружений. Однако даже известные факты говорят сами за себя. Уже в 50-х годах Израиль располагал ядерным реактором, сооруженным с участием США, которые поставляли для него высокообогащенный уран, примерно 60 специалистами, подготовленными в американских ядерных центрах, и американскими ракетами «Лэнс», способными нести ядерные боеголовки. Регулярный обмен научно-технической информацией позволял Израилю не проводить дорогостоящих экспериментов и исследований в ядерной области. Многие опубликованные факты свидетельствовали, что американские корпорации в течение многих лет направляли в Израиль расщепляющиеся материалы, из которых можно изготавливать атомные бомбы. Никто не мог дать гарантию, что в рамках своего «стратегического сотрудничества» США и Израиль не используют на Ближнем Востоке ядерное оружие. Ведь в соответствии с президентским меморандумом № 51, изданным еще Картером и предполагающим применение «тактического ядерного оружия для защиты американских интересов в районе Персидского залива», генералы Пентагона планировали оснастить СБР ядерными зарядами.

Всеобщее возмущение в арабских странах вызвало принятое Белым домом летом 1981 года решение о начале производства нейтронного оружия. Сирийская газета «Тишрин» высказала опасение, что новая бомба может быть предназначена для использования в районах, объявленных Вашингтоном «сферой жизненных интересов Америки», т. е. на Ближнем Востоке, для уничтожения там живой силы противника и сохранения при этом нефтеразработок⁴³. Газета не исключала возможности передачи этого каннибальского оружия Израилю, который мог бы использовать его против арабов.

Попытки Вашингтона и Тель-Авива оправдать свое «стратегическое сотрудничество» необходимостью противодействия «советской угрозе» в арабском мире успеха не имели. Пятое совещание руководителей НФСП, осудив военно-стратегический альянс между Израилем и США, призвало руководителей тех арабских стран, «которые до сих пор надеялись на американскую дружбу, купленную ценой национальных природных ресурсов, извлечь уроки из опыта прошедших лет». Совещание приняло решение считать США находящимися в состоянии конфронтации с арабской нацией⁴⁴.

В странах — участницах НФСП была развернута широкая кампания по разоблачению агрессивной, и в первую очередь антиарабской, сущности «стратегического сотрудничества» между США и Израилем, которое американцы хотели сделать основным стержнем «стратегического консенсуса». Президент САР Х. Асад в телеграмме на имя Л. И. Брежнева по случаю первой годовщины со дня подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между САР и СССР подчеркнул: «Договоренность о «стратегическом сотрудничестве» между США и Израилем является закономерным итогом растущей агрессивности политики США и Израиля и практическим воплощением проводимого ими курса на гегемонию и подавление освободительного и прогрессивного движения в этом районе и во всем мире»⁴⁵. Орган правящей партии ФНО в Алжире — газета «Аш-Шааб» писала, что вступающие в официальный союз американский империализм и сионизм «не ограничатся происками и провокациями только против революционных режимов. Завтра такая же участь постигнет так называемые умеренные арабские страны».

Как это ни покажется, на первый взгляд, странным, критика соглашения о «стратегическом сотрудничестве» имела место и в самих Соединенных Штатах, причем в высших сферах, в частности в конгрессе и сенате. Более осторожные американские политики считали, что, во-первых, стратегическое сотрудничество между Вашингтоном и Тель-Авивом существовало всегда, а во-вторых, если надо было его поднять на более высокую ступень, то можно было обойтись без рекламной шумихи, тем более что Египту в подобном «сотрудничестве» было отказано. Отражая мнение этих кругов, газета «Бостон глоб» сетовала на то, что время для заявления о более тесном «стратегическом сотрудничестве» между США и Израилем выбрано крайне неудачно, так как «для многих арабских стран оно стало символическим эпилогом бомбардировки израильскими самолетами мирных арабских граждан в арабских городах». Но самое «страшное», по убеждению «Бостон глоб», заключалось в том, что Рейган не учел предупреждения Садата о том, что «даже тем арабским странам, которые втайне хотели бы получить американскую военную помощь для отпора потенциальным внутренним и внешним врагам, придется отказаться от такой помощи, если она будет связана с Израилем». Как констатировала газета, эта дилемма зловещим облаком нависла над всей концепцией «стратегического согласия», которую администрация Рейгана хотела навязать Ближнему Востоку⁴⁶.

В самом деле, руководители стран, на которые так рассчитывал Вашингтон в своих планах создания «стратегического консенсуса» на антисоветской основе, учитывая реакцию своих народов, не могли не отнестись негативно к идее такого союза с Соединенными Штатами, осью которого служило бы американо-израильское сотрудничество. Так, король Иордании Хусейн отклонил уверения Белого дома в том, что «стратегический альянс», согласованный во время визита Бегина в Вашингтон, может охватить как Израиль, так и арабские страны. Охарактеризовав попытки администрации Рейгана сколотить из Израиля и «дружественных» США арабских стран антисоветский «стратегический союз» как «упрощенный подход», игнорирующий подлинные причины кризисного положения на Ближнем Востоке, иорданский монарх сказал: «Когда Соединенные Штаты

говорят о «советской угрозе», а затем Израиль бомбит ядерный реактор в Багдаде, в стране, с которой он даже не имеет границы, доводы Вашингтона не производят впечатления, во всяком случае на очень многих из нас»⁴⁷. Официальные представители Саудовской Аравии осудили новое американо-израильское соглашение как свидетельство «пристрастности» США к Израилю. В официальном заявлении Саудовской Аравии это соглашение характеризовалось как преграда на пути к мирному урегулированию на Ближнем Востоке⁴⁸. Арабские государства Персидского залива и другие так называемые умеренные страны рассматривали договоренность между Вашингтоном и Тель-Авивом как компрометацию их прозападного внешнеполитического курса.

Таким образом, после достижения американо-израильского соглашения о «стратегическом сотрудничестве» противоречие, заложенное в политике администрации Рейгана, которая убеждала арабские страны в том, что их главным противником якобы является Советский Союз, и в то же время помогала Израилю вновь и вновь наносить удары по арабам, стало еще более непримиримым.

Убийство Садата

Форсируя заключение сепаратной сделки с Тель-Авивом, суля египтянам «мир», «урегулирование всех проблем Ближнего Востока» и связанное с этим «процветание Египта», Садат, как уже отмечалось, надеялся стабилизировать политическую и экономическую обстановку в стране, ослабить социальную напряженность в египетском обществе. События, однако, развивались не так, как рассчитывал египетский президент. Избранный им путь предательства национальных интересов арабов еще больше осложнил положение его режима. В лагерь оппозиции переходили и те круги, которые еще недавно выражали активную поддержку садатовскому курсу. Так, с критикой Кэмп-Дэвида стали выступать многие представители национальной промышленной буржуазии. Антиарабскую, проимпериалистическую политику Садата отвергли различные религиозные течения и группировки. Оппозиционные настроения давали о себе знать даже среди представителей правящей верхушки.

В связи с очередной встречей Садата и Бегина 25—26 августа 1981 г. в Александрии здесь и в других городах страны произошли широкие выступления против антиарабской кэмп-дэвидской политики. Чувствуя, что теряет почву под ногами, Садат решил нанести удар по оппозиционным силам. Но для расправы со своими политическими противниками ему нужен был какой-нибудь повод, ибо в течение многих лет каирское руководство настойчиво пропагандировало лживый тезис о «расцвете демократии» в садатовском Египте, «отцом» которой будто бы являлся сам президент. Вся эта демагогия была рассчитана в первую очередь на зарубежную общественность, особенно в странах Запада, покровительства которых активно домогался Садат.

Желая придать видимость законности своим действиям против оппозиции, египетские власти попытались возложить на нее ответственность за обострение отношений между мусульманской и христианской общинами Египта, сопровождавшееся столкновениями и инцидентами. Но виновниками этих конфликтов на религиозной почве были отнюдь не антисадатовские силы. В течение длительного времени египетские мусульмане и христиане мирно сосуществовали друг с другом. Так было даже в годы английского колониального правления и при монархическом режиме, не говоря уже о периоде после июльской революции 1952 года. Положение начало меняться, когда к власти пришел Садат. Именно он, стремясь использовать религиозные течения для укрепления позиций правых сил в стране, а также отвлечь внимание египтян от провалов своей политики, способствовал разжиганию межобщинной розни. И тем не менее вопреки фактам ответственными за такого рода инциденты были объявлены оппозиционные круги.

Под этим предлогом садатовский режим развязал в начале сентября 1981 года массовые репрессии против представителей различных политических сил, выступавших с критикой его внешне- и внутривосточного курса. Примечательно, что преследованиям подверглись как прогрессивные, левые организации, так и находившиеся в оппозиции либеральные, буржуазные и религиозные круги. Это служило еще одним подтверждением того, что недовольство политикой Садата охватило самые широкие слои египетского общества. В ходе расправы с оп-

позицией было арестовано свыше 1,5 тыс. человек. Среди них многие известные политические и общественные деятели, бывшие члены правительства, руководители мусульманской и христианской общин. Одновременно власти закрыли ряд печатных изданий, уволили с работы большую группу оппозиционно настроенных журналистов и преподавателей университетов, ужесточили репрессивное законодательство. Эти драконовские меры сопровождались дальнейшей эскалацией антисоветской кампании.

Обращает на себя внимание, что свои действия против оппозиционных сил египетское руководство предварительно согласовало с Вашингтоном и Тель-Авивом. «Садат, — сообщал в начале сентября 1981 года корреспондент американской теле- и радиоконпании Эй-би-си Дансмор, — обсудил возможный удар по диссидентам во время своего недавнего визита в США. Поэтому нынешние события не вызывают в Вашингтоне удивления». Израиль был проинформирован о готовившихся мерах против египетской оппозиции в ходе упоминавшейся встречи Садата с Бегиним в Александрии⁴⁹. Все это наглядно показывает, в сколь большой зависимости от США и Израиля оказался садатовский режим в результате осуществления кэмп-дэвидской политики.

Массовые репрессии египетских властей против противников официального курса вызвали широкое возмущение и осуждение внутри страны и за рубежом. «Аресты среди оппозиции, — подчеркивалось в заявлении Социалистической партии труда Египта, выражающей интересы буржуазно-либеральных кругов, — произведены в тот момент, когда стало ясно, что вопреки обещаниям правящей партии кэмп-дэвидские соглашения не обеспечили всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке. Напротив, они привели лишь к осуществлению экспансионистских целей Израиля. В этих условиях власти хотят нанести уничтожающий удар по оппозиции, дабы иметь в будущем возможность действовать, не опасаясь какой-либо критики со стороны». Во многих странах мира, в том числе на Западе, газеты различных направлений квалифицировали действия Садата против оппозиционных сил как грубый произвол, указывали на полную несостоятельность обвинений, выдвинутых египетским режимом в адрес арестованных.

Жестокие меры садатовского режима против оппозиции еще больше накалили обстановку в Египте. Они послужили катализатором тех драматических событий, которые произошли в Каире 6 октября 1981 г.

В тот день в пригородах египетской столицы состоялся традиционный военный парад по случаю очередной годовщины начала арабо-израильской войны 1973 года. Он был организован с большой помпой и был призван, по замыслам Садата, продемонстрировать «силу и могущество» его режима. Колонна войск, боевой техники, военных оркестров, участвовавших в параде, растянулась на много километров. К мероприятию было привлечено свыше 10 тыс. военнослужащих.

В 11 часов утра в черном «кадиллаке» к месту парада прибыл Садат. Заняв свое место на главной трибуне, президент дал команду начинать. Неподалеку от него среди многочисленных почетных гостей расположился командующий американскими «силами быстрого развертывания» генерал-майор Р. Кингстон. Мулла прочел сурю из корана, военный министр произнес короткую речь и, наконец, в 11 час. 25 мин. началось шествие войск.

Ничто, казалось, не предвещало неожиданного. Мимо трибуны в точном соответствии с заранее утвержденным графиком двигались конница, части верблюжьей кавалерии, колонны слушателей военных колледжей и пехотных училищ, бронетранспортеры, военные «джипы», ракетные установки, артиллерийские орудия. Над ними на малой высоте с пронзительным, скрежещущим звуком проносились реактивные самолеты ВВС. Трагическая развязка наступила спустя час с небольшим после начала парада. В этот момент взоры почти всех присутствующих были обращены на небо, где на бреющем полете шли пять «миражей». И мало кто обратил внимание на то, что один из четырех трехтонных песчано-зеленых тягачей со 120-миллиметровыми орудиями на прицепе, двигавшихся мимо правительственной трибуны, неожиданно остановился. Из него выскочило несколько военнослужащих, которые открыли огонь из автоматов по Садату и стали бросать ручные гранаты.

Все произошло в считанные мгновенья. Нападение и перестрелка продолжались менее 30 секунд. Двое участников покушения атаковали подковообразную трибуну по центру, стреляя в Садата почти в упор, а двое других

действовали с флангов. Изрешеченный пулями президент был доставлен на вертолете в военный госпиталь, где вскоре, не приходя в сознание, скончался.

Как выяснилось впоследствии, нападение на Садата совершила группа членов одной из оппозиционных мусульманских организаций во главе со старшим лейтенантом египетской армии Халедом аль-Исламбули. Первоначально египетские власти пытались представить дело таким образом, будто эта группа действовала изолированно и не опиралась на чью-либо помощь. Но затем они были вынуждены признать, что в действительности имел место достаточно широкий антиправительственный заговор, к которому оказались причастны многие деятели религиозной оппозиции. Вместе с тем официальные египетские лица сообщили, что они не располагают какими-либо доказательствами, свидетельствующими о связях организаторов покушения на Садата с зарубежными кругами.

Комментируя причины, побудившие аль-Исламбули и его единомышленников совершить террористический акт, один из лидеров египетской оппозиции генерал аш-Шазли заявил в своем выступлении по алжирскому радио и телевидению: «Садат лишил нас всех средств, с помощью которых мы могли свободно выражать наши мнения. Поэтому нам не оставалось ничего другого, кроме как прибегнуть к насилию».

В арабском мире трагический финал египетского президента был воспринят как прямое следствие глубокого кризиса его проимпериалистического, антиарабского курса. Премьер-министр Ливана Ш. Ваззан весьма лаконично и образно высказался на сей счет, подчеркнув: «Садата убил Кэмп-Дэвид». Аналогичные оценки давались и в других арабских странах. «Убийство Садата, — писала сирийская газета «Тишрин», — означает полный провал его курса, его «политической школы». Это должны понять на Западе, особенно в США и Израиле»⁵⁰.

Это мнение арабов разделяли политические и общественные круги в различных странах мира. Хотя и не оправдывая сам террористический акт, они подчеркивали, что он по сути дела явился выражением протеста против политики, которая основывалась не на учете национальных интересов Египта и других арабских стран, а на стремлении всячески угождать американско-

му империализму и его союзникам. «Трагедия, которая постигла президента Садата, — указывала в этой связи премьер-министр Индии И. Ганди, — свидетельствует о том, насколько опасно быть лидером, поддерживаемым извне. Вполне очевидно, что такой руководитель теряет свои позиции внутри страны, а также уважение в своем регионе. Что касается кэмп-дэвидских соглашений, то они игнорируют суть долгосрочного урегулирования на Ближнем Востоке»⁵¹.

Арабская и зарубежная общественность обращала особое внимание на то, что покушение на египетского президента было совершено представителями армейских кругов. А ведь Садат рассматривал вооруженные силы как одну из главных опор своего режима. Какие только меры ни принимали египетские власти, чтобы воспрепятствовать проникновению оппозиционных настроений в ряды армии. Но все оказалось тщетным.

Убийство Садата не смогли предотвратить дорогостоящие меры по обеспечению его безопасности, осуществлявшиеся с использованием самых современных технических средств. Примечательно, что к охране египетского президента были активно подключены американские спецслужбы. Причем это делалось по просьбе самого Садата, который, зная о широком недовольстве египтян его политикой, не доверял полностью, видимо, даже собственной охранке. По свидетельству одного из высокопоставленных сотрудников ЦРУ, американские власти в течение нескольких лет истратили на обеспечение безопасности египетского президента примерно 20—25 млн. долл. Газета «Вашингтон пост» указывала, что «США считали жизненно необходимыми эти расходы ввиду совершенно уникальной роли Садата» в осуществлении кэмп-дэвидской политики⁵².

Многочисленные западные корреспонденты, находившиеся в те октябрьские дни 1981 года в Каире, были поражены, сколь индифферентно восприняли широкие массы египтян смерть Садата. Это никак не увязывалось с утверждением официальной египетской пропаганды о том, что Садат являлся «вождем нации» и что его политика пользовалась «поддержкой всего народа». «Улицы Каира, — сообщал корреспондент американской телекомпании Си-би-эс, — на удивление спокойны, и на лицах прохожих нет и тени скорби по поводу смерти президента».

В этой связи вспоминали, что, когда умер Насер, его кончину оплакивал буквально весь Египет, миллионы людей по всей стране открыто выражали свое безутешное горе.

Отношение египтян к курсу властей отчетливо проявилось и в ходе похорон Садата. Если Насера в последний путь провожало почти 5 млн. человек, то в похоронах Садата участвовало лишь около 800 высокопоставленных представителей режима и иностранных гостей, которых эскортировали крупные контингенты войск и полиции. Опасаясь антиправительственных выступлений, власти приняли чрезвычайные меры безопасности. Обычно многолюдные, улицы огромного девятимиллионного Каира были пусты. Из домов, находившихся в районе захоронения, были временно эвакуированы все жители. Повсюду были расставлены армейские и полицейские патрули.

Если в Египте смерть Садата не вызвала сколь-либо широких проявлений скорби, то в западных столицах и в Тель-Авиве его «оплакивали вовсю». Более того, реакцию империалистических и сионистских кругов на его гибель можно было бы охарактеризовать словами: шок и потрясение. Для этого имелись веские основания. С личностью Садата, его готовностью ревностно служить империалистическим интересам были связаны далеко идущие замыслы США и Израиля по подрыву арабского национально-освободительного движения и установлению своего господства на Ближнем Востоке. Устранение Садата потрясло до основания кэмп-дэвидскую схему сепаратного урегулирования. После краха шахского режима гибель Садата означала, что круг пособников Вашингтона в этой части планеты сузился до предела.

Обеспокоенное возможностью ослабления своего влияния в Египте, американское правительство в очередной раз прибегло к приемам «силового давления», стало оказывать грубый нажим на эту и ряд других ближневосточных стран, в частности на Ливию. После получения известия о гибели Садата был отдан приказ о приведении в состояние повышенной боевой готовности американских «сил быстрого развертывания», а также военно-морских соединений США, находящихся в Восточном Средиземноморье, районе Ближнего Востока, Персидского залива и в прилегающих к нему зонах Индийского океана. Сенат

США в пожарном порядке утвердил законопроект, санкционирующий выделение американских войск для так называемых «многонациональных сил» на Синае. Официальные лица в Вашингтоне поспешили выступить с заявлениями, в которых подтвердили намерение администрации Рейгана продолжать реализацию кэмп-дэвидской сделки, добиваться достижения «стратегического консенсуса» на Ближнем Востоке, осуществлять эскалацию своего военного присутствия в этом регионе. В ноябре 1981 года американская военщина провела на территории Египта, а также Судана, Сомали, Омана крупномасштабные маневры под кодовым названием «Брайт стар-2».

Бесцеремонное вмешательство Вашингтона во внутренние дела Египта, его попытки диктовать свою волю египтянам вызвали негодование и возмущение в арабских странах, протесты со стороны широких кругов международной общественности. В связи с этими действиями американской администрации Советское правительство сделало 12 октября 1981 г. заявление правительству США, в котором, в частности, говорилось: «Независимо от того, нравится или не нравится то или иное событие в Египте Соединенным Штатам, это не дает им права оказывать давление на эту страну, на ее народ, буквально с первых часов вмешиваться в происходящее там. Здесь не может быть двух мнений: налицо попытка грубого диктата извне и пренебрежения правом народа распоряжаться своей судьбой». Решительно осудив указанные противоправные акции Вашингтона, Советское правительство подчеркнуло, что «происходящее вокруг Египта не может не затрагивать интересы безопасности Советского Союза, и он будет внимательно следить за развитием событий»⁵³.

Подводя итог деятельности Садата, журнал «Монд дипломатик» писал: «Он оставил своему преемнику тяжелое наследство, полное опасностей и противоречий. Может ли новый президент оставаться верным политике, которая во внутренней жизни бесспорно обернулась провалом? Сумеет ли он отмежеваться от нее, учитывая тесную зависимость от внешних союзов как в политической, так и в экономической областях, к которой привела страну эта политика?»⁵⁴. Вопросы действительно весьма актуальные для Египта.

Новое египетское руководство во главе с президентом Мубараком с самого начала заявило о намерении продолжать прежний курс. Были подтверждены в том числе и обязательства Каира в рамках кэмп-дэвидских соглашений. В то же время новые власти, стремясь разрядить и стабилизировать обстановку в стране, ослабить недовольство в египетском обществе, были вынуждены внести некоторые коррективы в свою политику. Президент Мубарак выразил пожелание «начать диалог с оппозицией» и указал, что он будет «принимать во внимание ее мнение». Из-под ареста было освобождено значительное число политзаключенных, и среди них — представители прогрессивных кругов. Правительство АРЕ, продолжая тесное сотрудничество с США и другими западными государствами, высказалось вместе с тем за осуществление более сбалансированной внешней политики. В этой связи была прекращена враждебная кампания против арабских стран, которая велась в Египте все последние годы. Новое египетское руководство не проявляло охоты с такой же поспешностью идти на уступки Тель-Авиву в рамках кэмп-дэвидских договоренностей, как это делал ранее Садат.

Тем не менее было бы неправильно, подчеркивают в своих заявлениях оппозиционные демократические круги Египта, воспринимать указанные моменты как свидетельство серьезного пересмотра прежней египетской политики. Как и раньше, сохраняется большая зависимость страны от империализма и сионизма. Ее национальные интересы и достоинство продолжают ущемлять отдельные сделки с израильским агрессором. В этих условиях египетские национально-патриотические силы, опираясь на поддержку арабских государств и народов, активизируют борьбу за отказ от проимпериалистического, кэмп-дэвидского курса, заведшего Египет в тупик, за возвращение страны на путь независимого развития и межаарабской солидарности.

«Стратегическое сотрудничество» США и Израиля в действии

«Нам безразлично, какую форму будет носить оккупант-губернатор: военную или гражданскую», — заявил мэр палестинского города Рамаллаха К. Халаф. Это заявление отражало отношение 1,3 млн. палестинцев Западного берега Иордана и сектора Газа к плану израильского министра обороны Шарона о введении «гражданской администрации» на оккупированных палестинских территориях. Израильское министерство обороны объявило об этом плане сразу же после визита Бегина в Вашингтон, главным итогом которого было достижение соглашения о «стратегическом сотрудничестве» между Израилем и США. «План Шарона» формально означал переход гражданских дел из рук израильских офицеров в ведение израильской «гражданской администрации», опять же под отчетной министру обороны, а по существу — очередную попытку увековечения оккупации. Палестинцы усмотрели в выдвигании этого плана, а также в возобновлении переговоров о «палестинской автономии» между представителями Израиля, Египта и США начало реализации «стратегического сотрудничества», в рамках которого Вашингтон обязался еще активнее поддерживать экспансионизм Тель-Авива.

В соответствии с кэмп-дэвидской схемой приближался срок окончательного вывода израильских войск с Синая, и поэтому Тель-Авив намеревался за передачу контроля над полуостровом американцам, оперевшись на их помощь, продиктовать свои условия Египту. Форсирование переговоров о «палестинской автономии» было предпринято для навязывания израильского варианта решения палестинской проблемы до вывода войск 25 апреля 1982 г. Возобновившиеся в октябре 1981 года переговоры (они были фактически заморожены в течение почти полутора лет) показали, что позиции Египта и Израиля по вопросу о «палестинском самоуправлении» не изменились. Израильская сторона стремилась максимально урезать и без того куцую «автономию», разработанную для палестинцев в Кэмп-Дэвиде. Тель-Авив, отказывая палестинцам в любых суверенных полномочиях, оставлял в их

ведении лишь ограниченные муниципальные функции. Возможность создания палестинского государства израильянами исключалась. Египетская сторона выступала за «административную автономию», при которой выборный палестинский орган должен быть наделен «законодательными и исполнительными функциями». Представители Египта пытались внушить арабам, что предлагаемая Каиром «полная автономия» для палестинцев явится переходным периодом на пути к их самоопределению. Напомним, что сами палестинцы и их законный представитель — ООП с момента подписания кэмп-дэвидских соглашений всегда отвергали проекты «административной» и любой другой «автономии», требуя признания права палестинского народа на создание собственного независимого государства. Переговоры по «автономии», на которых любое упоминание об ООП считалось кощунством, проходили на фоне массового движения протеста населения оккупированных палестинских территорий против навязывания ему «гражданской администрации», Кэмп-Дэвида. Многотысячные демонстрации разгонялись израильскими армейскими подразделениями.

Хотя позиция Египта не выходила за рамки Кэмп-Дэвида и была в этой связи охарактеризована палестинцами как предательская, израильская делегация, возглавляемая министром внутренних дел Бургом, отказывалась от малейших уступок Каиру. Американские участники переговоров — послы США в Каире и Тель-Авиве не пошевелили и пальцем, чтобы помочь каирскому представителю — министру иностранных дел АРЕ Али «сохранить лицо». Они выполняли вашингтонскую инструкцию, требующую в первую очередь поддержки партнера по «стратегическому сотрудничеству».

Рейган решил лично продемонстрировать Израилю, что США в рамках своего «стратегического сотрудничества» с Израилем активно поддерживают аннексионистские устремления Тель-Авива. Выступая 19 ноября перед лидерами еврейской общины США, президент заявил, что он предпочитает, «чтобы Иерусалим оставался неразделенным городом под суверенитетом Израиля».

Египетское руководство рассчитывало получить от Израиля до 25 апреля 1982 г. несколько формальных уступок, чтобы хоть как-то прикрыться ими от обвинений со стороны арабов в продаже интересов палестинского

народа за «синайский песок». Столкнувшись с жесткой позицией Тель-Авива, стремящегося еще прочнее связать Египет антиарабскими обязательствами, и отказом Вашингтона оказать давление на своего привилегированного партнера, Каир стал терять интерес к переговорам и поставил вопрос об их продолжении после «освобождения» Синая.

Само «освобождение» Синая, вернее замена израильских войск американскими, в свете соглашения о «стратегическом сотрудничестве» приобретало еще более злобщее значение. Израильские оккупанты передавали патрулирование полуострова и контроль за прилегающими к нему важными стратегическими районами своему военному союзнику. В результате эвакуация с Синая израильской армии означала еще более опасную как для египтян, так и для всех арабов оккупацию полуострова Пентагоном, причем на неограниченный срок.

Вашингтон развернул повышенную дипломатическую активность в целях привлечения к участию в «многонациональных силах» на Синае своих союзников по НАТО. К этому времени в арабском мире уже сложилось устойчивое недоверие к так называемой «европейской инициативе» по ближневосточному урегулированию как возможной альтернативе кэмп-дэвидской сделке. Летом 1981 года, в самый разгар агрессивных действий Израиля против арабских стран, исполнявший обязанности председателя Совета министров ЕЭС, тогдашний министр иностранных дел Великобритании Каррингтон открыто признал, что Западная Европа не намерена препятствовать политике США на Ближнем Востоке и будет продолжать координировать свою деятельность в этом районе земного шара с Вашингтоном.

Свое практическое выражение эта координация нашла в решении правительств Франции, Англии, Нидерландов и Италии подключить свои воинские подразделения к американским силам на Синае и способствовать тем самым претворению в жизнь кэмп-дэвидской сделки. На языке ЕЭС эта акция лицемерно называлась «конкретным вкладом в достижение мира на Ближнем Востоке».

Диаметрально противоположного мнения на этот счет придерживались арабские страны, считавшие, что речь идет о вкладе в американо-израильское «стратегическое сотрудничество». Последствия такого участия, отмечали в

арабском мире, скажутся в том, что страны ЕЭС будут вместе с Соединенными Штатами обеспечивать военную поддержку кэмп-дэвидских соглашений и закрывать глаза на то, что Израиль продолжает оккупировать Западный берег реки Иордан, сектор Газа и Голанские высоты. Генеральный секретарь Лиги арабских стран Ш. Клиби, осудив участие западноевропейских государств в «многонациональных силах» как пособничество антиарабской политике Израиля и США, сказал, что оно означает «политическую и моральную гарантию кэмп-дэвидским соглашениям, которые потерпели полное банкротство и оказались неспособными решить главную проблему Ближнего Востока — палестинскую»⁵⁵.

Выше уже говорилось о том, что «стратегическое сотрудничество» рассматривалось в качестве основы для создания антисоветского «стратегического консенсуса». Большая роль в этом «консенсусе» отводилась и Египту. По мнению пентагоновских генералов, в руках Египта находился «ключ к обеспечению американского военного присутствия» на Ближнем Востоке. Эта крупнейшая арабская страна согласилась на размещение на своей территории «многонациональных сил», подготовила почву для превращения мыса Рас-Банас в базу для американских СБР, предоставила Пентагону различные другие военные «льготы», взяла на себя переброску оружия из США афганским мятежникам. Убийство египетского президента поставило под угрозу весь американский план «стратегического согласия», в разработке которого такое деятельное участие принимал Садат. Администрация Рейгана предприняла ряд срочных мер для удержания Египта без Садата на садатовском пути. В то же время Белый дом считал, что смерть бывшего президента Египта делает задачу укрепления отношений с Саудовской Аравией особо важной для обеспечения стратегических интересов США. Весьма красноречиво по этому поводу высказалась «Крисчен сайенс монитор». Газета писала: «Приступить к восстановлению ущерба (в связи с убийством Садата. — Авт.) можно лишь, если Вашингтон поймет, что «стратегическое согласие», подобно табурету, стулу и столу, должно, чтобы отвечать своему назначению, иметь как минимум три точки опоры. На Ближнем Востоке этими минимальными тремя точками опоры являются Израиль, Египет и Саудовская Аравия. Если эти

три точки опоры будут налицо, другие можно будет добавить»⁵⁶.

Считая поставки оружия Саудовской Аравии важнейшим элементом политики втягивания этой страны в военный альянс, Белый дом провел через сенат решение о продаже Эр-Рияду пяти самолетов с системами АВАКС и другой военной техники общей стоимостью в 8,5 млрд. долл. Какие только эпитеты не употребляла американская пропаганда для рекламы состоявшегося решения! Причем главным образом в целях дезориентации арабского общественного мнения. Она изображала этот шаг Вашингтона как победу Рейгана над сионистским лобби, представляя президента США чуть ли не другом арабов. Что же означала «военная сделка века» для саудовцев в действительности? Начало поставок самолетов с радиолокационными системами было запланировано лишь на 1985 год. За это время, как говорится, много воды утечет. Подготовка саудовских экипажей, в процессе которой американские пилоты будут присутствовать на борту самолетов, растянута с 1985 по 1989 год. В течение всего этого срока над Эр-Риядом как дамоклов меч будет висеть угроза президента Соединенных Штатов Америки отменить поставки самолетов АВАКС, если Саудовская Аравия станет проводить, по выражению Белого дома, «политику, пагубную для перспективы стабильности» на Ближнем Востоке.

Под «стабильностью» Белый дом, естественно, имел в виду «мир по-кэмп-дэвидски», обеспечению которого и были призваны служить самолеты с системами АВАКС, ставящие под надзор Пентагона не только небо, но и политику Саудовской Аравии.

Израилю в очередной раз были даны заверения, что любая формула «стратегического согласия» на Ближнем Востоке предполагает доминирующее военное положение Израиля. Один из документов американского министерства обороны гласил, что израильские ВВС при желании легко могут сбить поставленные Саудовской Аравии самолеты, так что Тель-Авив мог оставаться спокойным. В «союзе», призванном вдохнуть жизнь в кэмп-дэвидскую политику путем втягивания в нее ближневосточных арабских монархий, и им, и Египту отводилось место лишь в прихожей американо-израильского действительно «сердечного согласия».

Следует отметить, что фальшивый тезис американской пропаганды о якобы существующей угрозе нефтяным промыслам Аравии и Персидского залива со стороны СССР и соседних стран с «радикальными» режимами периодически использовался саудовской монархией для оправдания военного сотрудничества с США. Но, отдавая дань антисоветизму, главной угрозой Арабскому Востоку Эр-Рияд считал агрессивную политику Тель-Авива. Приобретая американское оружие, Саудовская Аравия выступала вместе со всем арабским миром против кэмп-дэвидских соглашений и их последствий. Она оказывала крупную финансовую помощь ПДС и Сирии, по выражению Бегина, «главным врагам Израиля», и призывала мусульманские страны к «джихаду» («священной войне») против Тель-Авива за освобождение второй после Мекки святыни мусульман — Иерусалима. Поэтому как в израильском кнессете, так и в американском конгрессе многие задавались вопросом: для чего Саудовской Аравии американское оружие? Для конфронтации с Израилем или для присоединения к Израилю в рамках «стратегического консенсуса»? И приходили к выводу об иллюзорности достижения согласия и противоестественности партнерства между Саудовской Аравией и Израилем даже на антисоветской основе.

Обескураживающими для вашингтонских стратегов были и результаты визита в США в начале ноября 1981 года иорданского короля Хусейна. Высказавшись за дальнейшее развитие двусторонних иордано-американских отношений, он в ходе встреч с президентом Рейганом и другими высокопоставленными американскими официальными лицами заявил в то же время, что кэмп-дэвидские соглашения неприемлемы для достижения мира на Ближнем Востоке. Политические наблюдатели совершенно определенно истолковали такую позицию короля как отказ Иордании принять участие в «стратегическом согласии» на антисоветской основе.

Все попытки американской администрации заставить арабские страны поверить в существование «советской угрозы» Ближнему Востоку и присоединиться к концепции Рейгана, согласно которой все международные проблемы рассматриваются через призму «американо-советского противоборства», терпели провал. Зато они приветствовались в Израиле. Между Вашингтоном и Тель-Ави-

вом имелось полное взаимопонимание в стремлении использовать антисоветизм для реализации «стратегических» целей Белого дома, в частности подчинения региона американо-израильскому диктату. 30 ноября 1981 г. оно было оформлено документально. В этот день министры обороны двух стран подписали в Вашингтоне меморандум «о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества». В соответствии с американо-израильским соглашением стороны договорились о совместном участии в боевых операциях на Ближнем Востоке, о создании военного координационного совета, о планировании и подготовке совместных военно-морских и военно-воздушных учений.

Знакомство с опубликованными статьями меморандума не оставляет сомнений в том, что он юридически оформил агрессивный военно-политический союз США и Израиля. Особое беспокойство у мировой общественности вызвали положения меморандума, носящие секретный характер, существование которых подтверждали официальные представители американской администрации. В арабской прессе, в частности, появились сообщения о том, что в секретном приложении к меморандуму о «стратегическом сотрудничестве» речь шла об оказании американцами Тель-Авиву непосредственной помощи в разработке ядерного оружия и размещении в Израиле американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет с ядерными боеголовками и американским обслуживающим персоналом.

Меморандум еще раз подтвердил, что Израиль — основной военный союзник США на Ближнем Востоке, их главная база для установления военно-политического господства в регионе, точно так же, как США для Тель-Авива — постоянная опора в наращивании его военной мощи и продолжении экспансии в арабском мире. Американо-израильский документ в официальном порядке зафиксировал обязательство Израиля оказывать содействие Соединенным Штатам в расширении их военного присутствия в регионе. В то же время подпись американского министра под военным соглашением с Израилем делала США прямым соучастником агрессий и преступлений Израиля против арабских стран. Как справедливо отмечали арабы, теперь Вашингтон уже не имел никакого права или повода претендовать, как это случа-

лось ранее, на роль «нейтральной страны» и возможного посредника в вопросах ближневосточного урегулирования.

Главной целью «стратегического сотрудничества» в меморандуме было объявлено противодействие «угрозе миру и безопасности на Ближнем Востоке», создаваемой будто бы Советским Союзом. В то же время в тексте содержалось специальное положение о том, что меморандум «не направлен против каких-либо государств, находящихся в этом регионе». Эти формулировки документа явно служили цели заверить арабов в том, что официально создаваемый американо-израильский военный альянс не будет использован против них.

Но усыпить бдительность арабских народов не удалось. Понимая, что соглашение между Вашингтоном и Тель-Авивом является опасным шагом на пути практической реализации выдвинутого администрацией Рейгана принципа сколачивания широкого антисоветского фронта различных государств и сил в мире, они в то же время отдавали себе отчет в том, что заключение фактического военного пакта между США и Израилем направлено непосредственно против арабских государств. Юридическое оформление «стратегического сотрудничества» между США и Израилем явилось для арабов и всего мира новым доказательством того, что США и Израиль выступают единым фронтом с целью продолжения агрессии, экспансии, оккупации арабских территорий и узурпации прав палестинского народа. Марокканская газета «Опиньон», подчеркивая антиарабскую направленность американо-израильского пакта, высмеяла неуклюжесть попыток представить этот пакт как «заслон против любых атак СССР в районе Ближнего Востока». «Могут ли авторы соглашения о «стратегическом сотрудничестве», — спрашивала газета, — привести хотя бы один конкретный пример того, что СССР собирается совершить нападение на какую-нибудь арабскую страну данного района?» И отвечала: «Таких примеров нет, поскольку политика СССР — это политика мира, последовательной поддержки справедливого дела палестинцев»⁵⁷. Председатель Исполкома ООП Я. Арафат и другие палестинские лидеры охарактеризовали военное соглашение между Вашингтоном и Тель-Авивом как «объявление войны арабским народам».

В начале 1982 года военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Дрю Миддлтон писал: «Юго-Западная Азия от Израиля до Омана теперь соперничает с Центральной Европой в качестве „фокусной точки военного планирования“»⁵⁸. Убийство Садата, поколебавшее уверенность американцев в прочности своих позиций в Египте, а также позиция консервативных арабских государств, охотно приобретавших американское оружие, но не желавших способствовать расширению кэмп-дэвидского сговора, вынуждали Вашингтон все активнее подключать к осуществлению гегемонистских планов в регионе своего самого привилегированного союзника — Израиль. Подписание соглашения о «стратегическом сотрудничестве» между США и Израилем наряду с маневрами «Брайт стар-2» в Египте, Судане, Сомали и Омане и размещением войск блока НАТО на Синае под вывеской так называемых «многонациональных сил» являлось важнейшим элементом политики дальнейшей милитаризации Ближнего Востока, установления в регионе американо-израильского господства. Угроза со стороны США и Израиля касалась всех арабских ближневосточных государств. Страны прогрессивной ориентации Вашингтон и Тель-Авив рассматривали как главное препятствие на пути к осуществлению своих империалистических и сионистских замыслов. В так называемых умеренных странах были сосредоточены основные экономические интересы американского капитала.

Американо-израильский меморандум о «стратегическом сотрудничестве», так же как и вся эскалация военного присутствия США в регионе, были порождением кэмп-дэвидской сделки, ведущей к расширению империалистического вмешательства в дела арабских народов. С другой стороны, его подписание было связано с отпором арабских стран кэмп-дэвидскому сговору, с провалом подписанных в Кэмп-Дэвиде соглашений. Не сумев привлечь к ним ни одной арабской страны, кроме Египта, испытывая постоянное недоверие и к этому государству, особенно усилившееся после убийства Садата, Вашингтон через три с лишним года по-прежнему располагал на Ближнем Востоке лишь одним, по выражению Рейгана, «стратегическим козырем» — Израилем. Подписанием меморандума Вашингтон продемонстрировал свои «особые отношения» с Тель-Авивом, а также наме-

рение продолжать наращивать свое военное присутствие в регионе и поощрять Израиль на расширение агрессии и увековечение им территориальных захватов.

«Израильский агрессор наглеет, чувствуя полную поддержку своих заокеанских покровителей», — подчеркивал Л. И. Брежнев. Глава Советского государства предупреждал: «Так называемое «стратегическое сотрудничество» США и Израиля несет арабам кровь, разрушения, горе»⁵⁹.

Через две недели после подписания меморандума о «стратегическом сотрудничестве» кнессет одобрил внесенный правительством Бегина законопроект о распространении израильской юрисдикции на территорию Голанских высот, захваченных Тель-Авивом в ходе войны 1967 года. Фактически это означало аннексию части суверенного государства — Сирии.

Эта разбойничья акция свидетельствовала о том, что американо-израильский меморандум поощрил Израиль на дальнейшее расширение масштабов агрессии на Ближнем Востоке. По поводу фарса с «приостановкой» Вашингтоном действия меморандума и демонстративным заявлением Бегина об отказе от него министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заметил: «И только безнадежных простаков в политике может обмануть спектакль, разыгранный вокруг «приостановки» действия этого соглашения, — он призван отвлечь внимание от того факта, что Вашингтон и Тель-Авив стали прямыми соучастниками в агрессивных действиях против арабов»⁶⁰.

Позиция американской администрации в отношении аннексии Израилем Голанских высот явилась новым ярким подтверждением угрожающего характера так называемого «стратегического сотрудничества» между ними, согласованности действий по насильственной перекройке карты Ближнего Востока. Поведение представителя США в Совете Безопасности ООН, где он всячески выгораживал Израиль и использовал право вето, проголосовав против резолюции, предусматривавшей наложение на агрессора санкций, недвусмысленно свидетельствовало о том, что Вашингтон по-прежнему полностью поддерживает агрессивный экспансионистский курс Тель-Авива. Пентагон решил увеличить военные кредиты Израилю в 1983 году до 1,7 млрд. долл., что на 300 млн. долл. превышало уровень 1982 года. Несомненно, что

столь горячая поддержка Вашингтона не могла не стимулировать израильское руководство на еще более активное осуществление своего отнюдь не пропагандистского, а практического лозунга «великий Израиль от Нила до Евфрата».

Получив одобрение аннексии Голанских высот со стороны США, Бегин, министр иностранных дел Шамир, министр обороны Шарон и другие члены израильского кабинета министров не скрывали, что их следующими целями является аннексия Западного берега реки Иордан и сектора Газа, а также юга Ливана. Усилились израильские угрозы в адрес ООП, Сирии и Ливии.

Как «авантюризм, граничащий в перспективе с политическим самоубийством», охарактеризовал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко экспансионистскую политику Израиля⁶¹. Подобно фашистской хунте в Чили и расистскому режиму в Южной Африке, Тель-Авив оказывается во все большей изоляции на международной арене. Об этом свидетельствовали и итоги завершившей свою работу 6 февраля 1982 г. чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой обсуждался вопрос о новом нарушении Израилем норм международного права, и в частности об аннексии Голанских высот. Ее участники подавляющим большинством голосов впервые приняли резолюцию, которая не только осудила действия Тель-Авива, но и призвала все государства — члены ООН применить санкции в отношении агрессора, прекратить с ним все связи. Мировое сообщество выразило мнение, что такой курс не позволяет считать Израиль миролюбивой страной, выполняющей свои обязательства в качестве члена ООН.

Генеральная Ассамблея подтвердила, что первоочередным условием всеобъемлющего и справедливого ближневосточного урегулирования является полный и безоговорочный уход Израиля со всех оккупированных им в 1967 году палестинских и других арабских территорий, включая Иерусалим. Тем самым представители большинства государств планеты еще раз выразили свое отрицательное отношение к «миру по-кэмп-дэвидски» на Ближнем Востоке, к политике сепаратных сделок.

На сессии Генеральной Ассамблеи ООН был осужден и главный партнер Израиля по кэмп-дэвидской сделке. Принятая резолюция осудила «негативное голосование

одного из постоянных членов Совета Безопасности, не позволившее Совету принять должные меры против Израиля», а также «любую политическую, экономическую, военную поддержку Израиля, которая поощряет его совершать акты агрессии». Шантаж и неприкрытые угрозы Вашингтона на сессии в адрес многих развивающихся суверенных государств в целях недопущения принятия резолюции закончились провалом. Они лишь еще в большей степени способствовали созданию антиамериканской атмосферы среди мирового сообщества. Поведение США в ООН как одно из ярчайших проявлений «стратегического сотрудничества» Вашингтона с Тель-Авивом закрепила, в частности, печать арабских стран Персидского залива, которые Вашингтон так хотел бы втянуть в «стратегическое согласие». Саудовская газета «Ан-Над-ва» подчеркивала, что, защищая агрессора, американская администрация еще раз продемонстрировала свое пренебрежение принципами международного права и морали и подтвердила враждебность своей политики интересам арабских народов⁶². Катарская газета «Ар-Райя» писала, что американская администрация окончательно разоблачила всю фальшь своих собственных пропагандистских утверждений о стремлении к установлению мира на Ближнем Востоке⁶³. Издающаяся в Объединенных Арабских Эмиратах газета «Аль-Иттихад» квалифицировала попытки подчинить мировое сообщество воле и желанию Вашингтона и всестороннюю поддержку агрессора как «самое настоящее проявление международного терроризма»⁶⁴.

Делегация третьего участника сделки в Кэмп-Дэвиде — Египта воздержалась при голосовании по предложенному проекту резолюции. Комментируя эту позицию, министр иностранных дел САР справедливо отметил, что она является естественным следствием соглашений в Кэмп-Дэвиде, ограничивших суверенитет Египта и его свободу самостоятельно принимать те или иные решения. До самой сессии Египет (как и при Садате после аннексии Восточного Иерусалима) осудил захват Голанских высот на словах, одновременно подтвердив верность кэмп-дэвидскому курсу. Было ясно, что, пока Каир будет занимать такую позицию, «наведение мостов» с ним другими арабскими государствами было бы равносильно их капитуляции перед США и Израилем.

Принятию данной резолюции, осудившей наряду с Израилем главного вдохновителя кэмп-дэвидской сделки, в значительной степени способствовали Советский Союз и другие страны социалистического содружества. Деятельность их представителей в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее была высоко оценена арабской общественностью, руководством арабских стран. «На основании длительного опыта мы убедились, что Советский Союз занимает принципиальную, справедливую позицию. Он стоит на стороне законных прав народов и выступает против агрессии, оккупации чужих земель, экспансионизма. Подобная позиция повсеместно вызывает уважение»⁶⁵, — заявил президент САР Асад.

Практическая реализация американо-израильского «стратегического сотрудничества» не могла не вызвать разочарования у так называемых умеренных арабских государств в отношении ближневосточной политики США. В этих условиях стремление Белого дома заглушить антиамериканские настроения в арабских странах, обеспечить возможности для достижения «стратегического консенсуса» выглядело все более иллюзорным.

План создания «стратегического согласия» рассматривался в арабском мире как маневр Вашингтона, призванный подкрепить разоблачивший себя в глазах арабов Кэмп-Дэвид.

Арабские народы на собственном опыте убедились, что кэмп-дэвидский сговор посягает на их национальный суверенитет и право пользоваться собственными природными ресурсами, что он не несет в себе ничего, кроме ига милитаристского неокOLONиализма США и Израиля. Поэтому все больший отклик в арабском мире находит призыв стран — участниц НФСР, всех патриотических сил к созданию эффективного антиимпериалистического фронта, использованию всех имеющихся у арабских стран политических, экономических и других возможностей в борьбе против израильского агрессора, а также его главного покровителя — американского империализма. Арабы никогда не смирятся с оккупацией их земель и не поступятся своим священным правом жить свободными и независимыми на родной земле. Сам ход общественного развития на Ближнем Востоке и во всем мире обрекает Кэмп-Дэвид на окончательный и бесславный провал.

Примечания

Глава I

- ¹ Ас-Саура, 1976, 3 апр.
- ² См. **Лосев С. А., Тыссовский Ю. К.** Ближневосточный кризис: нефть и политика. М., 1980, с. 150.
- ³ *Survey of Current Business*. Wash., 1980, No 3, p. 50.
- ⁴ См. **Примаков Е. М.** Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978, с. 12.
- ⁵ Там же.
- ⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1972, т. 9, с. 283—284.
- ⁷ См. *Новое время*, 1978, № 24, с. 21.
- ⁸ **Reisman M.** *The Art of the Possible. Diplomatic Alternatives in the Middle East*. Princeton, 1970, p. 161.
- ⁹ См. *Правда*, 1980, 13 нояб.
- ¹⁰ См. **Барышев А. П.** Ближний Восток: проблемы мира на рубеже 80-х годов. М., 1979, с. 12.
- ¹¹ **Насер Г. А.** Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления 1952—1970 гг. М., 1979, с. 239.
- ¹² *Аль-Ахрам*, 1973, 30 окт.
- ¹³ *Middle East*, 1977, Sept.
- ¹⁴ См. **Медведко Л. И.** К востоку и западу от Суэца. М., 1980, с. 222.
- ¹⁵ **Goldman N.** *Où va Israël?* P., 1975, p. 185.
- ¹⁶ *Правда*, 1973, 22 дек.
- ¹⁷ **Насер Г. А.** Указ. соч., с. 194.
- ¹⁸ **Sadat A.** *Revolt on the Nile*. L., 1957, p. 115—117.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 45—55.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 79.
- ²¹ *Аль-Муджахид*, 1978, 25 окт.
- ²² *Le Monde diplomatique*, 1978, oct.
- ²³ См. *Аль-Мусаввар*, 1982, 18 марта.
- ²⁴ См. *The Financial Times*, 1978, July 31; *Le Monde diplomatique*, 1978, oct.
- ²⁵ *L'Humanité*, 1978, jan. 21.
- ²⁶ *Le Figaro*, 1976, mars 16.
- ²⁷ См. **Heikal M.** *The Road to Ramadan*. L., 1975, p. 140, 152.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 120.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 200—201.
- ³⁰ *Ibid.*, p. 141.
- ³¹ *Ibid.*, p. 139.
- ³² *Ibid.*, p. 132.
- ³³ *Ibid.*, p. 153.
- ³⁴ *Ibid.*, p. 203.
- ³⁵ *Ibid.*
- ³⁶ См. *Аль-Ватан аль-Араби*, 1979, февр.

- ³⁷ Heikal M. Op. cit., p. 234—235.
³⁸ Аль-Ватан аль-Араби, 1979, февр.
³⁹ См. Медведко Л. И. Указ. соч., с. 220—221.
⁴⁰ The Washington Post, 1979, Aug. 8.
⁴¹ См. Heikal M. Sphinx and Commissar. L., 1978, p. 263.
⁴² Правда, 1974, 12 апр.
⁴³ Heikal M. The Road to Ramadan, p. 231.
⁴⁴ См. Courrier de politique étrangère, 1976, avr. 15—30.
⁴⁵ См. Горбатов О. М., Черкасский Л. Я. Борьба СССР за обеспечение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке. М., 1980, с. 102.
⁴⁶ См. Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1977 г. М., 1977, с. 219.
⁴⁷ Le Monde diplomatique, 1978, nov.
⁴⁸ Middle East, 1980, Feb.
⁴⁹ Аль-Муджахид, 1978, 7 дек.
⁵⁰ Middle East, 1978, Aug.
⁵¹ См. Jeune Afrique, 1979, mars 7.
⁵² См. Барышев А. П. Указ. соч., с. 32.
⁵³ Правда, 1975, 10 нояб.
⁵⁴ Правда, 1975, 20 дек.
⁵⁵ Правда, 1976, 10 янв.
⁵⁶ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 26.
⁵⁷ Там же, с. 14.
⁵⁸ Правда, 1976, 29 апр.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Правда, 1976, 2 окт.
⁶¹ Правда, 1977, 22 марта.
⁶² См. Правда, 1976, 11 дек.
⁶³ Правда, 1977, 2 окт.
⁶⁴ L'Humanité, 1977, oct. 3.
⁶⁵ Известия, 1977, 18 окт.
⁶⁶ Nouvelle Observateur, 1979, juil. 30.

Глава II

- ¹ Аль-Ахрам, 1977, 10 нояб.
² Аль-Ахрам, 1977, 13 нояб.
³ The Christian Science Monitor, 1977, Nov. 21.
⁴ Аль-Гумхурия, 1977, 16 нояб.
⁵ Правда, 1977, 18 нояб.
⁶ Аль-Ахрам, 1977, 20 нояб.
⁷ Аль-Ахрам, 1977, 21 нояб.
⁸ Ас-Сафир, 1977, 21 нояб.
⁹ The New York Times, 1977, Nov. 21.
¹⁰ Le Monde diplomatique, 1978, mars.
¹¹ Аль-Анвар (Бейрут) 1977, 25 нояб.
¹² См. Daily Telegraph, 1977, Nov. 23.
¹³ Ibid.
¹⁴ Ас-Сафир, 1977, 25 нояб.
¹⁵ Аль-Ахрам, 1977, 29 нояб.
¹⁶ См. Международная жизнь, 1981, № 5.
¹⁷ Правда, 1977, 24 дек.
¹⁸ The Christian Science Monitor, 1977, Nov. 21.

- 19 Аль-Ахрам, 1977, 25 нояб.
- 20 Аль-Ахрам, 1977, 9 дек.
- 21 Аль-Гумхурия, 1977, 27 нояб.
- 22 The New York Times, 1977, Dec. 7.
- 23 Аль-Гумхурия, 1977, 21 дек.
- 24 Le Figaro, 1977, dec. 26.
- 25 Аль-Ахбар, 1977, 25 дек.
- 26 Аль-Ахрам, 1977, 30 дек.
- 27 Le Monde diplomatique, 1978, mars.
- 28 Le Figaro, 1977, dec. 26.
- 29 См. Аль-Ахрам, 1977, 30 дек.
- 30 Аль-Ахбар, 1977, 27 дек.
- 31 Правда, 1978, 23 июня.
- 32 Ас-Сияса ад-Дувалия, 1980, февр.
- 33 Правда, 1978, 26 июля.
- 34 Октябрь, 1978, 10 сент.
- 35 Аль-Гумхурия, 1978, 14 сент.
- 36 Аль-Гумхурия, 1978, 10 сент.
- 37 The New York Times, 1978, Sept. 12.
- 38 Аль-Гумхурия, 1978, 6 сент.
- 39 Аль-Ахбар, 1978, 15 сент.
- 40 Аль-Ахрам, 1978, 19 сент.
- 41 Аль-Ахрам, 1978, 10 сент.
- 42 The New York Times, 1978, Sept. 19.
- 43 Newsweek, 1978, Oct. 23; Jeune Afrique, 1978, Oct. 2.
- 44 Правда, 1978, 27 сент.
- 45 Ас-Саура, 1978, 22 сент.
- 46 Аль-Ирак, 1978, 6 нояб.
- 47 Там же.
- 48 Правда, 1978, 25 нояб.
- 49 Аль-Ватан, 1978, 14 нояб.
- 50 См. Аль-Гумхурия, 1979, 8 янв.
- 51 Правда, 1979, 10 февр.
- 52 Аль-Ахбар, 1979, 13 марта.
- 53 Boston Gerald American, 1978, Sept. 20.
- 54 L'Humanité, 1978, jan. 20.

Глава III

- 1 См. Известия, 1979, 13 июня.
- 2 The New York Times, 1979, March 4.
- 3 Правда, 1979, 30 марта.
- 4 Le Monde, 1979, 27 mars.
- 5 The Washington Star, 1979, July 12.
- 6 The New York Daily News, 1979, Aug. 14.
- 7 Аль-Муджахид, 1980, 13 янв.
- 8 Данные представительства ООП в Москве.
- 9 Weizman Ch. Trial and error. N. Y., 1949, p. 244.
- 10 Данные представительства ООП в Москве.
- 11 The Washington Post, 1980, May 25.
- 12 The Washington Post, 1980, Apr. 24.
- 13 Правда, 1979, 3 апр.
- 14 Арбааташар октобр, 1979, 23 нояб.
- 15 Правда, 1980, 18 янв.

- ¹⁶ Новое время, 1979, № 38.
- ¹⁷ Правда, 1980, 16 апр.
- ¹⁸ Проблемы мира и социализма, 1980, № 9, с. 31
- ¹⁹ Revolution africaine, 1981, 2—8 jan., p. 54.
- ²⁰ Аль-Ахбар, 1980, 1 июня.
- ²¹ Тишрин, 1980, 6 июня.
- ²² Boston globe, 1980, June 4.
- ²³ См. Observer, 1980, June 8.
- ²⁴ Аль-Баас, 1980, 15 июня.
- ²⁵ Révolution africaine, 1980, 20—26 juin, p. 30.
- ²⁶ The New York Times, 1980, July 30.
- ²⁷ Правда, 1979, 26 марта.
- ²⁸ Правда, 1979, 27 марта.
- ²⁹ Аль-Хавадис, 1979, 8 июня.
- ³⁰ Правда, 1979, 18 июня.
- ³¹ Правда, 1979, 4 авг.
- ³² Правда, 1980, 19 февр.
- ³³ Ахбар аль-Усбу, 1979, 19 окт.
- ³⁴ Аль-Баас, 1979, 19 окт.
- ³⁵ Правда, 1980, 28 мая.
- ³⁶ Правда, 1979, 26 окт.
- ³⁷ См. Правда, 1980, 22 авг.
- ³⁸ Правда, 1980, 16 мая.
- ³⁹ Правда, 1980, 15 мая.
- ⁴⁰ Новое время, 1980, № 33.

Глава IV

- ¹ См. Newsweek, 1980, Jan. 30.
- ² The New York Times, 1980, March 29.
- ³ The New York Times, 1980, June 20.
- ⁴ См. Newsweek, 1980, Aug. 15.
- ⁵ См. Wall Street Journal, 1980, July 25.
- ⁶ San-Francisco Examiner, 1980, Sept. 28.
- ⁷ См. Аль-Муджахид, 1980, 5 окт.
- ⁸ Правда, 1980, 1 окт.
- ⁹ Ан-Нахар аль-араби вад-дували, 1980, 7 июля.
- ¹⁰ Указ, 1981, 19 дек.
- ¹¹ Отчетный доклад ЦК СКП V съезду СКП. Май 1980.
- ¹² Правда, 1980, 14 окт.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См. За рубежом, 1980, № 43.
- ¹⁵ См. Ан-Нида, 1980, 12 окт.
- ¹⁶ См. Newsday, 1980, No 17.
- ¹⁷ Le Figaro, 1981, 22 jan.
- ¹⁸ The Washington Post, 1979, Aug. 15.
- ¹⁹ Аш-Шааб, 1981, 15 апр.
- ²⁰ The New York Daily News, 1981, Aug. 12.
- ²¹ Quotidien de Paris, 1981, 6 avr.
- ²² Правда, 1981, 24 февр.
- ²³ См. Правда, 1981, 28 окт.
- ²⁴ Правда, 1980, 11 дек.
- ²⁵ См. Ас-Сняса, 1981, 7 мая.
- ²⁶ Правда, 1981, 24 февр.

- ²⁷ Коммунистическое движение. Проблемы теории и практики. Прага, 1980, с. 410.
- ²⁸ Правда, 1981, 4 марта.
- ²⁹ Правда, 1981, 6 марта.
- ³⁰ Тишрин, 1981, 11 мая.
- ³¹ Ан-Нахар, 1981, 15 мая.
- ³² Правда, 1981, 26 мая.
- ³³ Правда, 1981, 10 июня.
- ³⁴ Правда, 1981, 19 июля.
- ³⁵ Правда, 1981, 22 июля.
- ³⁶ Тишрин, 1981, 27 июля.
- ³⁷ См. За рубежом, 1981, № 41.
- ³⁸ Extrablatt, 1981, Aug.
- ³⁹ См. The New York Times, 1981, Aug, 27.
- ⁴⁰ См. The Washington Post, 1981, Sept. 15.
- ⁴¹ The New York Daily News, 1981, Sept. 15.
- ⁴² См. The New York Times, 1981, Sept. 15.
- ⁴³ См. Тишрин, 1981, 13 авг.
- ⁴⁴ См. Аль-Муджахид, 1981, 21 сент.
- ⁴⁵ Правда, 1981, 8 окт.
- ⁴⁶ См. Boston globe, 1981, Sept. 24.
- ⁴⁷ The Washington Post, 1981, Sept. 23.
- ⁴⁸ См. Boston globe, 1981, Sept. 24.
- ⁴⁹ См. Ан-Нуда аль-усбуи, 1981, 31 авг.
- ⁵⁰ Тишрин, 1981, 8 окт.
- ⁵¹ См. За рубежом, 1981, № 42.
- ⁵² См. The Washington Post, 1981, Oct. 11.
- ⁵³ Правда, 1981, 12 окт.
- ⁵⁴ См. Le Monde diplomatique, 1981, nov.
- ⁵⁵ Unita, 1981, 1 nov.
- ⁵⁶ The Cristian Science Monitor, 1981, Oct. 14.
- ⁵⁷ За рубежом, 1981, № 50, с. 8.
- ⁵⁸ The New York Times, 1982, Jan 5.
- ⁵⁹ Правда, 1981, 28 окт.
- ⁶⁰ Правда, 1982, 16 янв.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Ан-Надва, 1982, 6 февр.
- ⁶³ Ар-Райя, 1982, 6 февр.
- ⁶⁴ Аль-Иттихад, 1982, 6 февр.
- ⁶⁵ Аль-Баас, 1982, 7 марта.

Оглавление

Глава I.	СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ СПРАВЕДЛИВОГО МИРА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	5
	Арена острого противоборства сил свободы и прогресса с империализмом, сионизмом и реакцией	6
	Вашингтон и Тель-Авив блокируют путь к миру	18
	Отказ от прогрессивного курса Насера	21
	В фарватере политики Вашингтона	34
	СССР отстаивает справедливое дело арабов	45
	Двуличная позиция американской администрации	51
Глава II.	ТРОИСТВЕННЫЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ АРАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ	55
	«Сенсация» в Каире	55
	«В гостях» у израильских агрессоров	60
	Противодействие сепаратному курсу Каира	68
	В тенетах капитулянтства	76
	Антиарабская сделка в Кэмп-Дэвиде	96
	Чего не учли в Вашингтоне, Тель-Авиве и Каире	106
	Египетско-израильский договор: новое осложнение обстановки на Ближнем Востоке	113
Глава III.	ТУПИКИ КЭМП-ДЭВИДА	128
	Всеарабский отпор сепаратному договору	128
	Непреклонное «нет» палестинцев	132
	Первые плоды Кэмп-Дэвида	140
	Распятый Иерусалим	153
	Провал переговоров по «палестинской автономии»	159
	В кольце изоляции	167
	«Западноевропейская инициатива»	179
	Советская позиция	185
Глава IV.	ОБРЕЧЕННАЯ СТРАТЕГИЯ	193
	Борьба в Вашингтоне за «симпатии» Тель-Авива	193
	Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и САР	201

Рейган принимает антиарабскую эстафету	206
XXVI съезд КПСС и проблемы ближневосточного урегулирования	214
«Ракетный кризис»	220
Еще одно эхо Кэмп-Дэвида	226
«Стратегический консенсус» и «стратегическое сотрудничество»	235
Убийство Садата	243
«Стратегическое сотрудничество» США и Израиля в действии	252
ПРИМЕЧАНИЯ	265

Андрей
Михайлович
Захаров

Олег
Иванович
Фомин

Кэмп-Дэвид:
политика,
обреченная
на провал

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы

Редактор
В. М. Голубев

Художественный
редактор
В. В. Сурков

Технический
редактор
Т. С. Орешкова

Корректоры
Л. А. Суркова,
Г. Х. Саакян

ИБ № 862

Сдано в набор 19.05.82.
Подписано в печать
20.08.82. А 12276. Фор-
мат 84×108¹/₃₂. Бумага
кв.-журн. Гарнитура
«школьная». Печать вы-
сокая. Усл. печ. л. 15,12.
Усл. кр.-отт. 15,56. Уч.-
изд. л. 15,22+вкл. на
мелованной бумаге 1,22.
Тираж 25 000 экз. Зак.
№ 1192. Цена 60 коп.
Изд. № 2-И/82.

Издательство «Меж-
дународные отноше-
ния». 107053, Моск-
ва, В-53, Садовая-
Спасская, 20.

Ярославский полиграф-
комбинат Союзполи-
графпрома при Государ-
ственном комитете СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной
торговли. 150014, Яро-
славль, ул. Свободы, 97.

60 к.

“МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ”